

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

10

1964

УРАЛЬСКОМУ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

Неразговорчивые у нас отцы. На все вопросы отвечают они односложно, порой отшучиваются. Ни за что не вытянешь из них обстоятельного рассказа о прошлом. Вроде бы ничего знаменательного и не было в их жизни. Но взглядишься повнимательнее в их иссе-

ЗНАЙ

ченные морщинами лица, многое прочитаешь на них, припомнишь многое из того, что сейчас зовется легендарным. И, честное слово, по-хорошему позавидуешь отцам, которые были участниками славных событий!

Бурное, интересное и трудное было время! Каждый тогда был героем. Поэтому, должно быть, и молчаливы наши отцы. Поэтому, должно быть, и иссечены морщинами их лица: подвиги — дело нелегкое!

Если бы каждая морщинка на этих дорогих для нас лицах могла стать звучащей бороздкой грамзаписи, мы услышали бы громовые раскаты Октября, дробный цокот буденновских коней и посвист клинков, задорные песни первых ударных комсомольских бригад, поднимающих страну из руин гражданской войны, орудийную канонаду на берегах Волги, на Курско-Орловской дуге, у Днепра, победный шелест Знамени над поверженным рейхстагом, свирепый клетот стиснутых бетоном буйных сибирских рек...

Но пока еще не изобрели ученые аппарата, который по морщинам на лицах людей мог бы

воспроизводить пережитое. Сами же люди подчас молчат.

А ведь мы должны знать обо всем этом!

Ведь мы должны навсегда сохранить в своих сердцах все то, что легло морщинами и морщинками на лица наших родителей, наших братьев и сестер!

Отец у меня тоже не любил говорить о себе. Единственное, что я помню из детства, — историю, которую он мне всегда почему-то рассказывал.

Одну-единственную историю!

Я даже знал, когда он будет рассказывать мне ее. В такие дни отец приходил домой позднее обычного и всегда с потемневшим, усталым лицом.

— Какие-то неприятности на работе? — спрашивала мать. — Что-нибудь случилось?

— Все хорошо, все спокойно, — отвечал отец, проходил в мою комнату, зажигал настольную лампу, присаживался на край моей кровати и шершавой теплой ладонью касался моей головы. — Хочешь,

сын, послушать одну историю!

— Очень, — откликнулся я.

— Земля наша огромная, богатая и красивая. — И молодело лицо отца, и разглаживались на нем постепенно морщинки, словно отдавая одно за другим хранившиеся в них события. — Жили-были в старом рабочем поселке три товарища. Любили они синее

ОБО ВСЕМ

ЭТОМ!

небо над головой, влажный речной ветерок в лицо, печеную на костре картошку с крупной солью вприсыпку. Мutilи они щурят в калужинах. Закачают штаны выше колен, взбаламутят в калужине воду,—щурята и высовываются подышать свежим воздухом. Знатная уха получалась из тех щурят. Чего еще любили ребята? Пожалуй, по мечтать они тоже были мастера. Только их мечты, сын, покажутся тебе смешными. Василек — это самый старший из друзей — мечтал раздобыть «хоть где» скатерть-самобранку, чтобы «накормить досыта аж весь заводской поселок!». Николка — так звали среднего — хотел непременно изобрести «такую штуковину», чтобы, как только прикоснулся этой «штуковиной» к соломенной крыше, превращалась бы солома в железо. У Николкиной лачуги в дождливые дни протекала крыша. А самый младший мечтал стать таким, как дядя Константин, которого полицейские упрятали в каталажку за то, что заступался он за простой народ.

Ты знаешь, сын, чтобы все были сыты, чтобы у каждого над головой была добрая крыша, коммунисты в 1917 году свершили революцию, свергли царя, разгромили белогвардейцев и интервентов. Сбылись, значит, мечты Василька и Николки. Осуществилась мечта и самого младшего. Не он один, а все трое стали, как дядя Константин, коммунистами-ленинцами.

В рассказах, сын, время летит быстро, а в жизни шагает оно медленно. Много дорог прошли три товарища, много радостей и бед испытали они на этих суровых дорогах. Однажды вызвал их к себе Феликс Эдмундович Дзержинский и сказал:

— Хорошо служили вы Революции. Поздравляю с полной победой над внешними врагами. Теперь будем строить мирную жизнь. Но вам, товарищи дорогие, придется еще повоевать. Только война, о которой я говорю, будет куда как труднее, чем прошедшая. Остались выродки, что стараются поживиться за чужой счет, воруют народное добро, тревожат покой наших людей. На опасную работу посылает вас Партия, товарищи. Может быть, придется и жизнью пожертвовать. Согласны ли вы на это?..

Как ты думаешь, сын? Что ответили Народному Комиссару товарищи?

— Согласны,—шепотом говорил я.

— Так они и сказали,—и шершавая ладонь отца взъерошила мне волосы.— Не могли они, сын, ответить Народному Комиссару иначе, потому что были коммунистами, потому что все трое очень любили свой народ.

Как и говорил Народный Комиссар, дело, которое было поручено друзьям, оказалось сложным и опасным. Пришлось засесть за учебники, чтобы знать обо всем на свете. Пришлось освоить многие профессии, чтобы уметь, как ученые, по цпочкам незначительных на первый взгляд фактов добираться до главного; пришлось тре-

нирывать волю и мускулы, чтобы не дрогнуть в минуту смертельной угрозы, чтобы, если доведется, выйти безоружным на вооруженного врага и обязательно победить.

Есть в одной из сибирских деревень улица имени Василька Афанасьева. Там от руки кулака погиб боец рабоче-крестьянской милиции Василий Андреевич Афанасьев. В стране, сын, тогда были разруха и голод. А кулаки прятали в земле зерно, резали скот, делали все, чтобы навредить Советской власти. Вот и приехали три товарища в ту деревню на борьбу с бандитизмом. Они выловили почти всех бандитов, но темной ночью выстрелом из обреза был убит Василек....

Его товарищи до конца выполнили свой долг. Банда была уничтожена. Эшелоны хлеба ушли из Сибири в центральные районы страны. Энергичней забилось сердце молодой Советской республики.

На Курско-Орловской дуге, возле деревни Алексеевки, стоит обелиск. На табличке, прикрепленной к мрамору, написано:

Ладогин Николай Степанович 1903—1943 годы

Лежит под этим обелиском Николка. Был он в мирное время смелым бойцом рабоче-крестьянской милиции, был он во время Великой Отечественной войны отважным армейским разведчиком. О подвигах Николая Ладогина написаны книги, сложены песни. Любят Николку и чтят его память все люди, а особенно те, для кого сделал он много добра. Всегда у мраморного обелиска цветы. Их приносят туда и рабочие, и колхозники, и ученые, и артисты... Приходят с цветами к обелиску и бывшие беспризорники, которым три товарища, выполняя поручение Феликса Эдмундовича Дзержинского, помогли в первые годы Советской власти стать настоящими людьми.

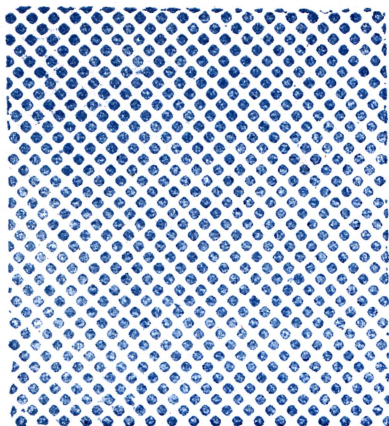
Ну вот, сын, пожалуй, и вся история. Люди никогда не забывают хорошего. А Василек и Николка всегда делали для них нужное и хорошее дело.

— А третий? — всегда спрашивал я у отца.— Что стало с третьим, папа?

Лицо отца опять покрывалось частой сеткой морщин и морщинок. Шершавая ладонь опять касалась моей головы. И всегда отец отвечал:

— А третий служит людям, сын! Он охраняет их покой и безопасность. Третий — на посту. Он каждодневно делает нужное, доброе дело. Поэтому народ с уважением и любовью называет его ТОВАРИЩ МИЛИЦИОНЕР.

В. ШУСТОВ

Розовые лица,
Револьвер
желт.

Моя
милиция
Меня
бережет.
Жезлом
правит,
Чтоб вправо
шел.

Пойду
направо.
Очень хорошо.

В. Маяковский

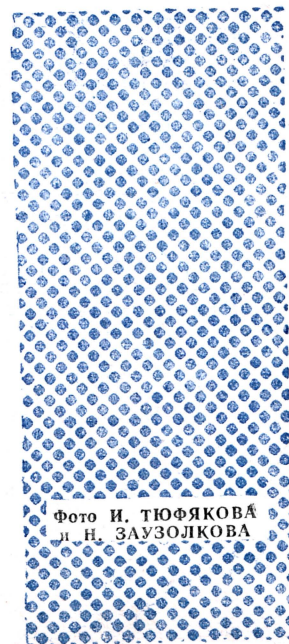
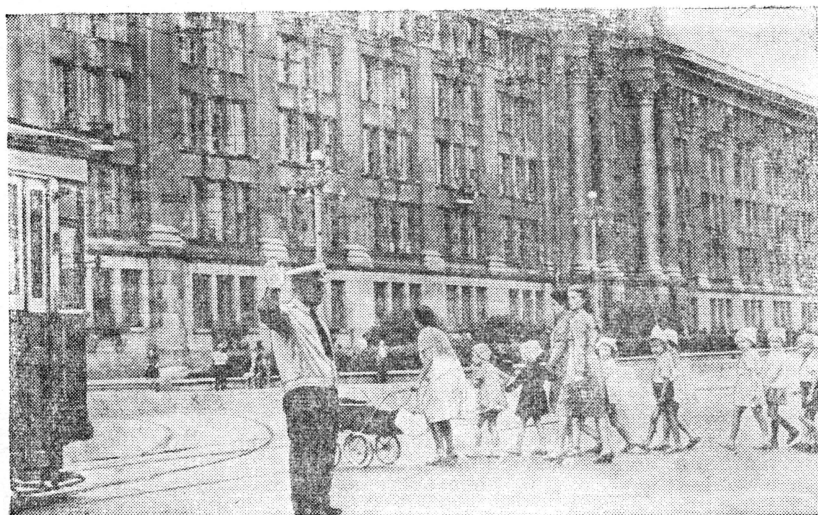
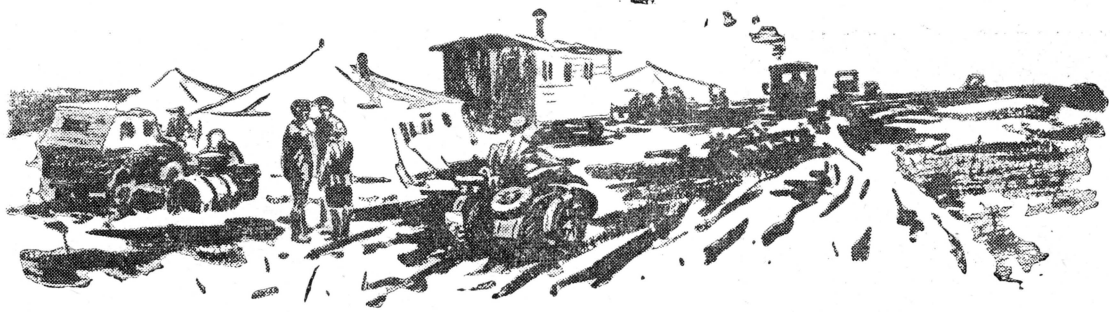

Фото И. ТЮФЯКОВА
и Н. ЗАУЗОЛКОВА

ПОЮТ В КУЛЬМЕ СОЛОВЬИ

Б. БЕЛЕНЬКИЙ

Рисунки Н. Мооса

Очерк

Здравствуй, земля целинная...

Мы идем по саду. Ботинки мнут увядшую траву. Одинокие листья, влажные от утренней росы, липнут к рукам, легко отделяясь от веток. Сад привольно раскинулся в центре Кульмы. Я не видел его в цвету, но и сейчас, в осеннюю пору, сад прекрасен.

Я молчу и слушаю Анатолия.

—...Здесь и мое дерево есть,— задумчиво говорит он.— Только не знаю, которое... Потому что посадили без меня. Давно это было... Тогда целина еще начиналась.

1.

В ложбине, возле берега Караганки, разгрузили машину. На снег сыпались рюкзаки, мешки, чемоданы. Шофер покрикивал на ребят:

— Живей, живей, хлопцы. Не на экскурсию прибыли.

Из палатки вышел человек в коротком полушубке и застуженным, сиплым голосом прошептал:

— Моя фамилия Названов. Агроном Названов.

Он помахал пачкой каких-то листков и снова прошептал:

— Служивые есть?

— Ну, я буду.

— Фамилия?

— Смолянов.

— В армии кем были?

— Старшиной.

— Берите списки, старшина, и учиняйте перекличку.

Смолянов стянул зубами рукавицу и разгладил мятые листки.

— Липинский!

— Я!

— Сурков!

— Я!

— Василевский!.. Давыдов!..

Кончив читать, он аккуратно сложил листки.

— Все, что ли? — спросил агроном.— Сколько?

— Семнадцать.

На косогоре ветер трепал одинокую палатку. Рядом с ней торчал покосившийся шест. На фанере, прихваченной одним гвоздем, была наспех выведена надпись: «Кульминский зерносовхоз».

Романа Семеновича Гайдукова назначили бригадиром. Гайдуков широкоплеч и кряжист. Ходит степенно, говорит неторопливо, любит порядок и обстоятельность. Когда агроном Названов сообщил: «Утром начнем столовую строить», Роман Семенович весь вечер проколдовал над списком.

Расчертив тетрадный листок и мусоля карандаш, он аккуратно выводил: «Ф. И. О. год' рожд. ... семейн. полож. ... отк. приб. ...»

Анатолий заглянул ему через плечо и на полном серьезе заметил:

— Еще одну графу пропустил, Семеньч.

— Игде?

— Что значит «отк. приб.»?

— Откуда, стало быть, прибыл...

— Вот... А рядом еще одну пиши: «Куда уб.» — куда, стало быть, убыл.

Бригадир покосился на Василевского.

— Ты того... Народ не разлагай.

— Да я же...

— Не разлагай, говорю. Намек понятен.

Он помолчал и, написав последнюю графу, коротко распорядился:

— Зови народ. Задачу ставить буду.

Поставить задачу Роману Семеновичу не пришлось. Откуда ни возьмись налетел степняк. Рванул так, что затрещали швы у палаток, поднял, закрутил колючий снег, повис над степью плотным серым пологом. И сразу стало темно: не поймешь, день или вечер.

Анатолий поежился. Он не любил метель. На прошлой неделе буран захватил их в дороге со станции в совхоз. Ехали они вдвоем с Иосифом Липинским, везли продукты. С трудом тогда нашли дорогу. И домой добрались только к ночи. Но их было двое. Да трактор. Да столбы вдоль большака — не заблуд-

дишься. А окажись в метель один? Закружит, занесет тропинки-дороги, обрушится всей своей степной силой...

Часа через два ветер начал стихать, и Роман Семенович собрал народ.

— Вот, стало быть, строиться будем. Барак жилой, да столовую. Заготовлен у нас список. В нем и пометим, кто чего делать будет... Растригин Петр!

Парни озирались, ища Растригина.

— Растригин! Куда он подевался?.. Эх, народ, народ... Ведь сказано было: всем ко мне. А ну, Сурков, покличь Растригина.

Сурков вернулся и сообщил, что в палатках никого нет. В крайней — одна повариха.

— Сидит и ревет. Петра, спрашиваю, не видала? Машет рукой и обратно ревет. Я, говорит, во всем виновата. Это из-за меня он теперь в степи...

— Игде-е? — поднялся бригадир.

— В степи. Коровы ночью ушли. А Столбоушкина побоялась сказать. Прогонят, говорит, с совхоза. Сказала только Петру Растригину, да этому... из седьмой бригады... Милюкову. А они — на трактор да в степь.

Гайдуков аккуратно убрал списки и медленно оглядел парней.

...Они выехали утром, когда в палатках еще еще спали.

Через час рассвело. За управлением сидел Петр. А Милюков поминутно выглядывал из кабины, надеясь увидеть коров.

Давно свернули с большака. Ехали целиной, переваливая с увала на увал. На гребнях останавливались, иногда закуривали и медленно осматривали горизонт.

— Вот проклятущие, — досадовал Милюков. — Не могут же буренки скакать вроде сайгаков.

А Растригин думал о другом. Накануне в палатке они схватились с Анатолием Василевским. Чуть до кулаков дело не дошло. Получил Анатолий откуда-то с юга, не то из Одессы, не то из Херсона, письмо. И писал его дружок. «Ты, — пишет, — Толик, свою рубаху

сберегай. Она, вроде бы, всех не согреет. А позносишься на целине, с чем вернешься?» Анатолий читал письмо вслух, а когда дошел до этой самой рубахи, Растригин возьми и рубахи: «На вот мою солдатскую гимнастерку. Может, согдится. Не тебе, так дружку своему заказной бандеролью вышли». Василевского, видать, здорово задели эти слова. Вскочил, кинулся, как бешеный... «Ты, — кричит, — дружка моего не тронь, в подметки ему не годишься! Ну кто ты? Чего в жизни видал, где бывал?.. — А потом посмотрел презрительно и говорит: — Балда ты, товарищ Растригин. Друг мой во всех президиумах сидит, фигура он, понял?» Здесь уж, конечно, Петр не выдержал: «Ну и фигура! Да такой фигуре надо камень на шею и в твой же Днепр, либо в Черное море». Вот и началось. Ладно, поблизости оказался Смолянов. Рука у него крепкая, у Смолянова...

— Петр, — снова окликнул Растригина Милюков. — Что делать будем? Может, буренки до самой Шильды подались?

Они остановили трактор, закурили, осмотрелись. Глазу не за что зацепиться. Лишь на горизонте редкий гребешок березовых колков подпирал сизое небо.

— Тьфу! — сплюнул Милюков. — Верно говорят: если землю создал бог, то здешние места — дьявол.

— А мне нравится. — Петр подхватил ладонью снег и поднес к губам: — Снег вот и тот вкусный. А весной... ты знаешь, какая в степи весна?!

Милюков прислонился к теплomu радиатору и мечтательно закинул голову.

— А по мне лучше дома. Поработаю года два, скоплю немного — и домой. А ты?

— Осяду. Мы ведь первые приехали. Ну и слово, конечно, дали всем закрепиться.

...Коров они нашли под вечер. Привязали покрепче и двинулись в обратный путь.

— Теперь Столбоушкина у меня вот где! — радовался Милюков, сжимая пальцы в кулак. — Вернемся, истребю десятка два шницелей да пяток яичниц в придачу...

Петр озабоченно огляделся и недовольно покачал головой. На горизонте набухала огромная лиловая туча. Начинаясь метель.

Мотор заглох через час, когда по степи уже ползла шипучая поземка.

— Все,— невесело усмехнулся Милюков.— Горючего нема. Дорого обойдутся шницеля...

— Вот что, друг,— сказал Петр.— Сиди в машине и поглядывай за буренками. В кабине не застынешь. А я двинусь в совхоз. Может, до метели проскочу...

— Значит, так,— надел шапку Гайдуков.— Будем готовить машины.

Смолянов застегнул ватник и шагнул к выходу.

— Обожди, Григорий. Ты нужен здесь. А в степь поедут...

— Нехай буду я,— поднялся Липинский.

— Добро. И ты, Анатолий, готовь машину.

— Моя барахлит, бригадир...

— Та-ак,— протянул Гайдуков.— Вторым, стало быть, Сурков будет.

Иосифа Липинского кто-то прозвал Угольком. Был он черняв до невозможности. Глаза — масляны, Волосы — смоль. Гайдуков приметил Липинского еще на станции. И даже не столько самого, как его чемодан — огромный, самодельный, добротнo склеенный из толстой фанеры. «И на кой ему столько вещей? — удивился тогда Роман Семенович.— Не иначе как барахольщик». А позже, когда ставили палатки, понадобилась ножовка. Липинский открыл чемодан и достал оттуда набор плотницких инструментов. Агроном Названов от удивления даже крикнул. А у Романа Семеновича зажглись теплые искорки в глазах. Зажглись, да так и не потухли. Быть может, поэтому и первый трактор, который пришел в совхоз, был вручен именно Угольку. Он вернулся со станции невероятно серьезный и, не обращая внимания на окруживших его ребят, тотчас полез копать в моторе. Роману Семеновичу хотелось сказать тогда какие-то значительные слова: ведь первый трактор — что первая борозда: праздник. Но он уж очень был взволнован и, видимо, поэтому неожиданно перешел на инструктивный тон:

— Смотри, Иосиф, чтоб года три без капитального ремонта...

...Сейчас Липинский ехал впереди Суркова. Миновав мост через Караганку, они, как было условлено, разъехались в разные стороны. Сурков взял правее, Липинский — целиной, вдоль кваркенского большака.

Метель завьюжила с прежней силой. О стекла кабин бился сухой снег.

Петра Растригина нашли под утро километрах в шести от совхоза. Жизнь едва теплилась в заочневшем теле. Он силился что-то сказать, но посиневшие губы не шевелились. Приподнявшись, Петр указал рукой в степь, туда, где остался Милюков.

Липинский взял товарища на руки, перенес в кабину и рванул рычаги управления.

Петра занесли в палатку и положили возле жарко натопленной печки. Кто-то сказал: согреть бы чем... И все повернулись в сторону Гайдукова. Он тряхнул головой и немедленно распорядился:

— Валяй кто-нибудь к поварихе.

Ощувив тепло, Растригин открыл глаза и слабо улыбнулся. И шестнадцать парней, стоявших вокруг, тогда улыбнулись тоже.

Весна в этом году пришла рано и прижилась легко. В конце марта степь побурела. Вдоль ложбин шумно двинулись мутные талые воды. А в апреле, когда в западинах еще лежал пористый тающий снег, на гребнях увалов появилась первая зелень.

В один из весенних дней приехал из района почвовед. Он уточнил границы пахотных земель, отметив их курганчиками и вежами.

Прибыла новая партия тракторов, сеялок, лафетных жаток, а следом по вязкой дороге притянули на берег Караганки вагончики полевых станков. Дело близилось к тому, чего ждали в Кульме с таким нетерпением и даже тревогой: первой борозде.

По вечерам в прокуренном «бараке холостяков» агроном Названов устраивал занятия. Парни рассаживались по кроватям, а то и просто на полу и, разморенные пышущей печкой, мужественно боролись со сном.

Анатолий на занятиях скучал. Агронома он почти не слушал. Он перечитывал старые письма и думал о своем. Он вспоминал недавнюю встречу в дороге на Шильду. Старик казах попросил подвезти. Он влез на трактор, спросил, откуда приехал. «С юга,— ответил Анатолий,— с Одесщины». — «Одесщина плохо?» — «Нет, хорошо». — «Зачем в Кульме ехал? Кульма — степь, холодно». — «Согрем,— ответил Анатолий.— Хлеб вырастим». — «Не вырастим,— упрямо покачал головой старик.— Степь барашка кормит, человека не кормит...»

Может быть, старик прав? Родит ли эта земля хлеб? И приживется ли в здешних местах человек?

После занятий в барак врывается Давыдов.

— Ребятки! — с порога кричит он.— Громаднейшая новость!

Парни прижимают его к стенке. Он улыбается и загадочно молчит.

— Ну, говори...

— Скажу. Дайте только закурить.

Ему протягивают сразу несколько пачек. Он выбирает «Беломор», неторопливо раскуривает папиросу и, выпустив колечко дыма, сообщает:

— Девчата приехали...

Новость встретили по-разному. Вася Сурков сделал голенища сапог гармошкой и пошел разыскивать обувной крем. Растригин захлопотал в поисках лезвия. А Иосиф Липинский извлек откуда-то круглое зеркальце, озадаченно посмотрел на свои вихры и резюмировал: «Пирукарну открыть пора».

Лишь Анатолий Василевский, наблюдая эти хлопоты, небрежно ухмыльнулся:

— Ха, девчата!.. Наверно, тежки в ватных штанах.

Поздно вечером в барак зашел Гайдуков. Ребята окружили бригадира.

— Роман Семенович, рассказывают, девчата приехали. Чего же они станут делать?

— Как это чего? Учетчицами, к примеру. Либо прицепщиками... Иная девка прилежней парня...

Бригадир присел поближе к печке и неторопливо стал раскуривать папиросу.

— К примеру, у нас в Покровке...

Ребята давно уже знали, что все наиболее значительные факты Роман Семенович черпает в основном из жизни и быта своей Покровки. А многие случаи знали уже наизусть. Но из уважения помалкивали, делали вид, что все это им очень интересно.

На первом комсомольском собрании комсоргом избрали Лушу Данилову. Избрали ее единогласно, и даже Роман Семенович, который давно уже вышел из комсомольского возраста, присутствуя на этом собрании, забылся и поднял руку.

Когда председательствовавший Иосиф Липинский сказал: «Повестка счерпана. Можете разбегаться, хлопцы»,—Гайдуков подошел к Луше и доверительно тронул ее за плечо.

— Вот, стало быть, какие дела, Лукерья,— многозначительно начал он.— Значит, секретарь... У нас в Покровке был один щегол. Не оправдал, нет не оправдал... С народом ведь трудно...

Луша молчала, слушала Гайдукова.

— Ну, а ты — дивчина, видно, при всех достоинствах. Так что покрепче берись. Вот, к примеру, моральный облик. Тут уж ты с девчатами поговори...

— Да что вы, Роман Семенович, девушки у нас чудесные!

— Я разве говорю — нет? Другое хочу сказать: ходят наши ребята неделями немывы-нечесаны. Опять же влияние должно быть... Или, скажем, кое-кто на душе тяжесть имеет... Анатолий, к примеру. Бригадир парень дичится, а ты пойдешь — может, откроется...

В тот вечер они разговаривали долго. Прощаясь, Роман Семенович крепко, по-мужски пожал маленькую девичью руку.

Через неделю на дверях столовой появилась объявление:

«Сегодня в 7 часов вечера комсомольское собрание.

Повестка дня:

1. Первая борозда.
2. Разное.

Все приходят без опоздания».

А ниже, от руки кто-то добавил: «Стриженные, бритые».

Первый вопрос обсудили быстро. Доклад сделал Названов. Не скупясь на слова, агроном ярко обрисовал международное положение, нерадивых трактористов, до сих пор не закончивших подготовку машин, и, призвав изучать основные приемы обработки земли, закончил свое выступление вопросом:

— Остальное, видимо, ясно?

И все дружно ответили: «Ясно!»

Потом парень в защитной гимнастерке, которого Луша почтительно именвала «товарищ из района», зачитал приветствие.

— С первым вопросом покончили,— объявил председатель.— По «Разному» слово имеет Данилова Луша.

— Ребята! — сказала Луша.— Вот кто-то внизу под объявлением приписал: «Стриженные, бритые». Я думаю, правильно приписал. Ну, посмотрите на себя: на свои руки, на свои головы. Иные ходят как первобытные люди: заросшие, нестиранные, немывые. Как же мы будем налаживать культурное земледелие, если сами такие некультурные? Взгляните на Липинского...

И все повернулись в сторону Уголька.
— Так пирукарни же нэма,— робко заметил Иосиф.

—...или на Растригина...

И все стали внимательно разглядывать Петра.

—...Замечательные они парни? Ведь правда? А на кого похожи? Я считаю, что первая борода — это праздник. А на праздник люди выходят в своем самом наилучшем виде.

После собрания решили устроить танцы.

— А ты, Анатолий, не останешься? — спросила Луша.

— Нет. Потанцую в другом месте.

Он вышел из столовой и, застегнув куртку, неторопливо зашагал в степь.

Степь лежала темная-темная, почти черная, а над ней опрокинулась чаша, дно которой просвечивалось дырочками-звездами. Нитка горизонта была почти неразличима. Это напоминало море в пасмурную, серую погоду. Вот если бы еще почувствовать сладковато-йодистый запах водорослей или услышать ленивый шорох прибоя...

Анатолий остановился, прислушался. Степь молчала.

— Степью любишься? — Анатолий узнал голос Смолянова и остановился. — Я тоже люблю в степь ходить. Особенно по вечерам. Красота... Простор!..

— Что степь. Ты видел море, Григорий? Вот это, скажу тебе, простор!

Нет, Григорий Смолянов моря не видел. В Кульму он приехал из оренбургского села Алпаево. Приехал вместе с женой, со всем своим нехитрым имуществом. И, судя по всему, решил на новом месте обосноваться прочно.

На жалобы жены отвечал односложно: «Обживем. Наладим».

Нет, моря Григорий Смолянов не видел, а степь любил. Об этом он и рассказывал. Анатолий слушал его молча. Когда Смолянов кончил, помрачнел и неожиданно сказал:

— Гриша, я хочу доверить тебе одну вещь.

— Доверяй.

— Дай слово, что все между нами будет. Ладно? Так вот. Тогда, в буран, машина у меня исправна была.

— Это ясно,— спокойно проговорил Смолянов.

— То есть как это ясно? Может, и Гайдукову ясно?

— И Гайдукову.

— Ты думаешь, испугался я тогда? Нет, не в этом дело. Я на Петьку Растригина был сердит. Поцапались мы накануне... Дурацкое дело. С каждым, конечно, может случиться.

— Не с каждым.

Анатолий молчал. Ломая спички, с трудом прикурил папиросу и, глубоко затянувшись, спросил:

— Утром в Акьяр вместе ехать?

— Вроде бы...

— Тогда до завтра.

3.

В середине мая пошли в рост первоцветы. Степь ожила, наполнилась красками, птичьими голосами. Совхозный поселок

(теперь его называли «центральная усадьба») опустел. Бригады перекочевали в степь, разбросав по всему району первые полевые станы.

Агроном Названов в эти дни был неуловим. Потный, пропыленный, он мотался по степи от стана к стану, что-то уточнял, инструктировал, напутствовал. Щупал землю, мял ее, просеивая сквозь пальцы, и, наконец, словно генерал перед боем, решительно произнес: «Завтра начинаем».

У Романа Семеновича Гайдукова дел было тоже невпроворот. Правда, машины уже были подготовлены давно. Беспокойство вызывали прицепщицы. И хоть к Луше Роман Семенович относился с полным уважением, но на девушек надеялся не очень. Другое дело, если бы поставить их на учет. А с плугом, да на непаханой земле и мужику иному будет не под силу.

— Понятно ли всем? — собрав девчат возле прицепа, еще раз спрашивал Гайдуков. — Вот тебе, к примеру, Анна, все ясно?

— Конечно, Роман Семенович,— не моргнув, ответила Нюся.

— На сколько же корпус установишь?

— На двадцать пять или двадцать шесть сантиметров.

— Ну, ступайте, готовьтесь. И ты, Анна, ступай к своему трактористу.

«Своим» у Нюси оказался Давыдов. Решив показаться Нюсе мужчиной серьезным и самостоятельным, а главное — крепко знающим дело, он заведомо простые вещи объяснял невероятно путанно и сложно. Зато, когда на его вопрос: «Понятно ли?» Нюся чисто-сердечно говорила «нет», испытывал огромное удовлетворение и, словно нехотя, начинал объяснять вторично. И вот, когда, казалось, Давыдов прочно утвердился во всех своих правах, авторитету его был нанесен серьезный удар.

Одевая лемех, Давыдов выругался, как всегда, затейливо и крепко. Нюся бросила рукавицы и в упор глянула на парня.

— Вот что! Если ты еще хотя бы разик при мне выругаешься, то мы... поставим о тебе вопрос на комитете. А еще... до комитета просто получишь по шее. Понял? А сейчас проси у меня прощения.

— Ну, ладно, Нюсь... Ну, вылетело. Ну, извини, конечно... Мы ведь рабочие люди...

— Разгильдяй ты, а не рабочий человек. Вот так. Сказала, как отрезала.

И Давыдов, к удивлению всех, вдруг перестал ругаться.

Роман Семенович лег спать пораньше с твердым намерением подняться утром прежде всех. Но, выйдя из палатки, он увидел, что стан уже проснулся. От кухни аппетитно тянуло жареным мясом, кто-то гремел пустыми ведрами, за вагончиком, захлебываясь, застучал пускач.

Об этом дне Роман Семенович думал еще дома, в Покровке, думал в первую ночь на берегу Караганки. Он виделся ему праздничным, необыкновенно ярким, шумным от речей и музыки. Но все оказалось не так. Начальство начинало этот день в другой бригаде, духового оркестра не было, а речь свою, продуманную еще накануне, он, откровенно

говоря, забыл. Гайдуков волновался и поминутно задавал какие-то ненужные вопросы. И ребята волновались тоже, отвечая рассеянно, невпопад.

После завтрака все собрались возле вагончика. Свет из открытой двери падал на лица людей. Они были сосредоточены, серьезные.

Гайдуков застегнул ворот белой, тщательно отглаженной рубашки, рассеянно поискал что-то в карманах, силясь припомнить хотя бы что-нибудь из речи, которую так хорошо он сложил накануне. Потом безнадежно махнул рукой и сказал:

— Целина, она сопротивляться будет... Так что... держаться надо и крепко верить в наше дело. Ну, с первой бороздой вас!

Браз зарокотали моторы. Дрогнув утренний воздух. Машины медленно двинулись в туманную степь.

Роман Семенович поднялся на пологий увал. Мимо прошел трактор Липинского, левее взял Смолянов, за ним Василевский, Давыдов — все те, с кем ставил он первые палатки в метельную мартовскую ночь. Шестнадцать ушли в степь. Семнадцатый стоял здесь.

Вдали, над горизонтом, затлела оранжевая полоска неба. Над степью занимался рассвет.

А

4.

гроном Названов был взбешен. Таким Гайдуков его никогда не видел.

— Брак даем, Роман Семенович... Позор!

Названов стремительно вышагивал по вспаханному полю, нагибался, замерял глубину вспашки и снова повторял:

— На всю область опозорились! На все Оренбуржье!

— Да ты не кипятишь, Николай Петрович. И где ты о браке слышал?

— Где, говоришь? А вот! — Агроном вытащил из кармана газету и ткнул пальцем в какую-то статью. — Доставлю удовольствие. Послушай... «В Кульминском, — заметь, первых отмечают, — Таналыкском, Ириклинском и некоторых других совхозах имеют место случаи грубого нарушения правил агротехники. Допускаются мелкая вспашка и плохая заделка дернины...» Ну, как?

Роман Семенович озадаченно поскреб затылок и неопределенно протянул:

— Н-да...

Брак они нашли на крайней полосе. Здесь работал Давыдов. Выговор он выслушал молча. Не оправдывался, не ругался, только заметил:

С МАРКОЙ „РТИ“

Далекая — близкая Куба. Ее революционный народ возводит новые города, фабрики, заводы. Ее поля бороздят новые машины. Вглядитесь в них повнимательней. Ну, конечно, это наши знакомые — тракторы с маркой «ЧТЗ». Они прибыли сюда из Челябинска. Но есть в них детали и с Свердловского завода резиновых технических изделий.

Перенесемся с острова Свободы в солнечный Узбекистан. И здесь на поля нынче впервые вышла удивительная машина — хлопкоборщик. Аккуратно, без потерь, собирает она урожай.

Но причем тут свердловский

РТИ? По заказу хлопкоробов Узбекистана коллектив завода изготовил для хлопкоборщиков специальные ремни, гибкие, прочные, эластичные.

...А теперь приглашаем вас на спектакль в Свердловский театр музыкальной комедии. Вы входите в зрительный зал. Мягко, без стука опускается сиденье кресла. Резиновые прокладки у кресел тоже сделаны на РТИ.

...Стадион «Динамо». Хоккейный матч. «Шайбу! Шайбу!» — кричат болельщики, и шайба, та самая, которую сделали наши резинщики, летит в ворота.

...На Черном море, на боль-

шой глубине, оператор Центральной студии научно-популярных фильмов ведет съемку подводного мира. Маска на нем с маркой «РТИ».

Красивая и пестрая картина предстанет перед нами, если мы устроим выставку изделий завода. Вот напорные и всасывающие рукава, которыми пользуются пожарные всего Советского Союза, черные блестящие сальники для мотоциклов, подъемных кранов, автомашин, а рядом красный бытовой коврик. Уплотнительные кольца-малютки весом 0,1 грамма и поршни, диски для турбобуров весом до 10—15

— Прицепщик тут ни при чем. Я старший, с меня и спрашивайте. А полосу перепашу. В личное время.

Когда Гайдуков и Названов ушли, Давыдов недовольно глянул на Нюсю.

— Вот видишь, как в нашем деле без прилежности работать?

Больше часа они трудились молча. Изредка Давыдов оборачивался, вздыхал и, наконец, не выдержав, остановил трактор.

— Перестанешь ты в зеркало глядеть или нет?

Платок Нюся натянула по самые брови. Солнце опалило лицо, а на маленьком носу кожа даже потрескалась. Это не могло Нюсю не волновать, тем более, что Давыдов теперь не ругался, и вообще...

— Я спрашиваю, когда ты начнешь следить за плугом? Лемеха-то опять забило... Слезай с прицепа!

Он решительно подошел к прицепу, сгреб девушку в охапку и поставил на землю. Потом удивленно посмотрел в ее серые глаза и, не выпуская, крепко поцеловал в губы...

Сегодня у Анатолия первая смена. Не любит он первую смену. Уж очень жарко становится к полудню. Солнце палит нещадно. И вообще в этой степи все странно. Вроде бы

недавно шипела поземка, поливали весенние дожди, а нынче жара, как в пустыне. Лемехи упрямо режут цепкий дерн, вонзаясь вглубь, выворачивают темно-коричневые пласты. Земля пересохла, дымится и дышит пылью. За трактором, на прицепе, — его помощник. Чумазый от пыли и загара, он сверкает белыми зубами.

Закончив гон, Анатолий выключает плуг и начинает поворот. До конца смены осталось немного.

— Не успеем! — кричит помощник.

— Попробуем. В крайнем случае лишний час потрясешься. Согласен?

У края загонки его встречает Луша.

— Молодец, Толя! У тебя сегодня выработка больше всех...

Луша — учетчица, и результаты ребят ей известны каждый день. Она знает, например, что Иосиф Липинский сам, словно трактор, может работать до темноты, пока его не остановит бригадир. Она поняла, какой чудесный работник Смолянов. Но Анатолий удивил ее, пожалуй, больше всех: в поле оказался совсем другим человеком. И все-таки Луше многое непонятно в нем.

На стан они возвращаются вместе. Луша пробует завести с Анатолием откровенный

килограммов. Кабельные соединения к электробурам, вантуз для чистки раковин, красивой расцветки релин для обивки пола, фасонно изогнутые прокладки к теплообменникам Уралхиммаша. Желтоватые валики к стиральной машине и та самая шайба, которую забил хоккеисты.

Продукция Свердловского завода резиновых технических изделий известна во всех уголках нашей страны. Знают ее и в ОАР и на Кубе, и в Ираке, и в Афганистане, Индии, Индонезии. И всюду она пользуется самой доброй славой.

Но на Свердловском РТИ работают пытливые, ищущие люди. Труд для них — движение вперед, постоянный поиск.

В обычных конвейерных установках транспортерная лента выполняет две функции: тягача и приемщика груза. Первая ее функция ведет к быстрому износу.

Вместе с Московским институтом Гипроуглеавтоматизация конструкторы завода разработали новый тип конвейера для угольной промышленности. Роль тягача в нем исполняют бесконечные стальные канаты, расположенные с обеих сторон ленты. Новый канатно-ленточный конвейер заменяет тринадцать ста-

рых! За создание конвейера завод получил Золотую медаль ВДНХ.

До последнего времени на золотых приисках при отмывке применялись металлические лотки, на которые укладывались резиновые маты с ячейками. Маты по мере заполнения вручную стряхивались и снова укладывались в лоток. Теперь все операции выполняет новая транспортная лента с гофрированными бортами и ячеистой поверхностью. Она сделана на заводе совместно с институтом Унипромедь и успешно прошла испытания.

Решения Декабрьского Пленума ЦК КПСС (1963 год) о развитии большой химии поставили перед коллективом РТИ важную задачу: сделать продукцию более прочной, гибкой, долговечной. Ответ, казалось бы, простой: применить новые каучуки и материалы, заменить хлопчатобумажное волокно химическим. Но тут появилось одно «но». Химические волокна плохо сцепляются с резиной, так как нити их (например, у лавсана) имеют гладкую стекловидную поверхность.

И тогда придумали стержневую ткань, в которой сердечник — нить из химического во-

ПО ВЕЛИКОЙ ПРОГРАММЕ

локна — покрывается хлопком. Химическая нитка придает прочность, эластичность, гибкость, а хлопок увеличивает силу сцепления с резиной. Сроки эксплуатации в серийных прокладочных рукавах больших диаметров, например, увеличились теперь в несколько раз.

Синтетические ткани стали применять и в производстве ремней. При испытании СК-3 и СК-4 хлопчатобумажные ленты выдерживали несколько часов работы, а новые — три сезона.

В авто- и тракторных ремнях используется сейчас вискозный кордшнур — прочность повысилась в 12 раз (!).

Выполняя программу Коммунистической партии по развитию большой химии, мы осваиваем новые материалы, совершенствуем технологию и оборудование. Намечена большая реконструкция завода, которая приведет к значительному увеличению выпуска резиново-технических изделий, к дальнейшему улучшению их качества.

В. ТУРИШИНА, технорук цеха
Е. КОСТИНА

разговор, мобилизуя весь свой нехитрый арсенал, но неожиданно получает грубый отпор.

— Займись лучше воспитанием Давыдова. Или возьми шефство над Петькой Растригиным. Это ему приятно будет. А меня не тронь.

Луша растеряна и даже оскорблена.

— Ты напрасно так... Быть может, тебя что-либо мучает? Так скажи... Ведь мы же коллектив, и я обязана...

— Ты лично обязана учитывать. Видишь, что Василевский вкалывает не хуже других, и воспитывать его, следовательно, не надо...

Ребята встретили его хмуро.

— Ты девчонку до слез довел?

— Сама довелась. Пусть не лезет.

— Ну и тип же ты, Толька! Ну кто к тебе лезет?

— Все! И ты, и она, и бригадир! Всем хочется воспитывать меня! Зачем? Плохо работаю? Меньше вас вкалываю? В палатках не прозябал, в грязи не валялся? Катитесь от меня!..

— Тю, понес... Опять от дружка письмецо получил. Приглашает?

— Хлопцы! — Вася Сурков стукнул кулаком по столу. — Хлопцы, да он же героический парень! Надо же в Москву срочно пи-

сать, чтобы орденом наградили! А то уедет, пожалуй...

— И получил!.. И приглашает!.. И уеду!..

Анатолий резко повернулся и вышел из палатки.

— Мальчики, — тихо сказала Луша. — Ну зачем вы так? Ведь он и на самом деле уедет. А вы первые были! Сами говорили: семнадцать...

5.

В бригаде привыкли, что Смолянов возвращается на стан не с пустыми руками. Одним письмом принесет, другим — заказанных конфет, книжки. А на этот раз он пришел с посылкой. Странная посылка — ящик с дырочками, пахнет яблоками. А главное, адрес: «Кульма, совхоз. Седьмая бригада. Ребята.»

— Ну, так кому открывать? — спросил Петька Растригин и, не ожидая ответа, полез в карман за ножом.

В посылке действительно оказались яблоки. Крупные, сочные, какие рисуют в детских книжках. А сверху лежало письмо.

Петька прочел его и, не говоря ни слова,

протянул Смолянову. Смолянов прочел тоже, улыбнулся и передал Липинскому.

— Так то ж от Анатолия! — радостно воскликнул Уголек. — Читайте же, хлопцы! — Но хлопцы почему-то молчали. Они как-то странно смотрели на посылку. Давыдов присел возле ящика, достал самое крупное яблоко и подкинул его на ладони.

— Это действительно вещь! Фрукт, скажу вам, стоящий!

Потом положил яблоко обратно и, засунув руки в карманы, высказал свое мнение:

— Надо позвать Романа Семеныча.

К посылке Гайдуков отнесся деловито.

— Хорошие сорта, — сказал он. — Антоновка!.. А это — пепин, стало быть...

— Пепин, пепин, — не выдержал Давыдов. — Чего с ним делать-то будем, с этим пепином? Выбрасывать, да?

— И где же ты видел, чтобы труд людской выбрасывали, Давыдов? И кто тебя этому учил? В голодные годы в Покровке...

— Садись, ребята, — сказал Растригин.

Взглянув на парней, Гайдуков улыбнулся:

— Ну, ладно... Читай, о чем пишет Анатолий.

Давыдов расправил листок.

— Так, в общем-то, коротко... «Живу хорошо, работаю на тракторе. Конечно, поля здесь не те, что у нас в Кульме...»

— А ну, повтори, — потребовал Гайдуков.

— Поля, говорит, не те, что в Кульме.

— Читай дальше.

— ...Меньше пашешь, чем трактор разворачиваешь. Погода хорошая. Яблок много...

— Все?

— Нет, еще есть... Скребет, пишет, чего-то на душе, целину вспоминаю часто...

— Ну что ж, ребятки, не грех и угоститься.

Роман Семенович взял крупное яблоко и с аппетитом надкусил его. Ребята достали по яблоку тоже и сели вокруг ящика.

— Хороши яблочки, — поднялся Гайдуков. — Спасибо не забудьте написать.

— Правда, Роман Семенович, чего же ему написать-то, Тольке?

— А чего тут мудреного... Напишите, что яблоки получили. Спасибо, мол, за подарок. А больше не присылай. Потому что сами сад посадим... Вот управимся с уборкой... — Роман Семенович помолчал, сосредоточенно глядя в степь, подумал и добавил: — А саженцев посадим семнадцать...

...Мы стоим на гребне увала, с которого семнадцать парней впервые увидели степь.

Отсюда кульминский поселок как на ладони: белостенные домики весело поглядывают на главную улицу; вереница машин, вытянувшись по шоссе, исчезает за горизонтом, направляясь на элеватор.

— Сердце поделить нельзя, — говорит Анатолий. — На себе испытано...

Мы шли по улицам совхозного поселка, и он рассказывал:

— Там вот, видите новая мастерская? Ею и заведует сейчас Роман Семенович... Гриша Смолянов теперь бригадир. Недавно его депутатом Верховного Совета избрали. А в том вот домике Давыдовы живут — Петр и Нюся.

МОИМ НАСТАВНИКАМ

*Пусть штатский пиджак надел я
И вышел давно в запас,
Люди в синих шинелях,
Я поздравляю вас,
Я поздравляю старших,
Кто вел и учил меня!
Я вспоминаю павших
Во имя этого дня, —
Кого свинец пулеметный
Скосил на кронштадтском льду,
Кто в ночь шагнул оклеветанный
В том роковом году,
В кого кулачье обрезами
Целило из-за рам,
Кто, стрелянный и изрезанный,
Бандитские «хаты» брал,
Кто шел ночами бессонными
В облавы и патрули,
Делил пополам с беспризорными
Пайковые сухари,
А после — на все готовый,
На выговор на любой,
За судьбы их непутевые
Вступал с равнодушьем в бой...
Люди мои простые,
Глядящие не хитро,
Дежурные, постовые,
Соратники из «угро»,
Я вашу крепкую выучку
В душе навек сберегу,
За вашу верную выручку
Я жизнью самой в долгу.
Храню я в чине поэта,
Милиция, твой боец,
И строгость твоих заветов,
И нежность твоих сердец!*

Борис МАРЬЕВ

А Иосиф Липинский неделю назад новый трактор получил.

Потом мы стоим возле школы, ватага шумливых ребятшек высыпала на улицу.

— Здравсте, дядя Толя!

— Здравствуй, Васек. — Анатолий улыбнулся мальчугану и пояснил: — Вася Смолянов, Григория сын.

Возле сада мы остановились снова.

Тих и пустынен сад, потому что стоит осень. А летом, говорят, он цвел буйно, молодое, набираясь сил, разнося по окрестностям нежный аромат белого цветения. И еще говорят, что нынче слышали здесь первого соловья. А соловьи, как известно, гнездятся там, где люди оседают прочно.

ПАМЯТЬЮ СЕРДЦА

Белла ДИЖУР

Проходя по проспекту Ленина в Свердловске, я всякий раз останавливаюсь около дома номер семнадцать и подолгу смотрю на окна четвертого этажа, где в глубине коридора находилась когда-то «моя» лаборатория.

...Пора молодости!.. Пора первых шагов самостоятельной жизни, когда после окончания в Ленинграде химико-биологического факультета я сразу попала на такую ответственную должность.

Эксперт-химик! Шутка ли... отныне мои анализы будут помогать в раскрытии преступлений. Это почетно. Однако... тридцать лет назад не было, как теперь, специальных учебных заведений, готовящих экспертов-химиков, биологов, физиков. Я прошла добротный университетский курс всяких наук, числилась среди своих товарищей неплохим аналитиком, но, впервые оставшись наедине с пиджаком предполагаемого убийцы и глядя на бурые пятна, которые мне предстояло исследовать, чтоб ответить на вопрос: не кровь ли это, я заплакала от беспомощности.

В молодости мир наполнен особенно светлыми, яркими красками. И как не хочется верить, что где-то еще живут жестокость, злодейства... Кроме того, я не могла преодолеть брезгливость. Даже прикосновение к злополучному пиджаку казалось оскорбительным.

В научно-техническом отделе тогда работали четыре человека: Антонина Павловна Овчинникова — моя ровесница, женщина двадцати двух — двадцати четырех лет, проводившая графическую экспертизу, молодой фотограф Анциферов Павел Николаевич и я — химик. Четвертым был наш начальник — Александр Александрович Крысин. Старше нас всего несколькими годами, Александр Александрович сумел стать для нас непрекращаемым авторитетом. Его спокойствие, уверенность, глубокие познания в криминалистике и, я бы сказала, ранняя мудрость заставляли относиться к нему почтительно.

Стройный, подтянутый, в военном кителе, который всегда выглядел так, будто только что вышел из-под утюга, в каких-то особенно бесшумных сапожках, Александр Александрович каждое утро входил ко мне в лабораторию и, неизменно улыбаясь, спрашивал:

— Что нового?

Было удивительно смотреть, как этот элегантный человек безупречно чистыми тонкими пальцами перебирает потрепанные обноски преступников, остатки пищи, окурки — все то, что называют «вещественными доказательствами».

— Химик не имеет права быть брезгливым, — говорил он.

Ему, Александру Александровичу Крысину,

я многим обязана. Это он помог моему сердцу ожесточиться против обманщиков, жуликов, воров, против всего порочного, что еще ютится по темным закоулкам жизни.

Страстно желая перенять его отношение к делу, я научилась подавлять в себе интеллигентское чистоплюйство, загнать рукава белого халата, деловито анализировать «любую грязь». А была она разнообразной! То пришлют из колхоза содержимое желудков погибших телят и просят установить, не отравлены ли животные. То требуется узнать, каким жиром запачканы деньги, найденные у подозреваемого в краже. Не мазут ли это? Дело в том, что деньги украли у продавца мазута. То определить состав краски, обнаруженной на одежде предполагаемого преступника.

Работа была трудная, увлекательная и, когда я в нее втянулась, нередко приносила ощущение гордости достигнутыми результатами. Признаюсь, я радовалась, найдя остатки стрихнина, хотя сам факт был очень печальным: кто-то отравил животных. А ведь в те годы это было не просто злое дело. Это было политическое преступление. Радовало, что мои анализы помогают его раскрытию.

Но больше всего я любила случаи, когда удавалось установить невинность человека. Хорошо запомнилось одно такое дело. Из Кунгурского района прислали вещевой мешок гражданина С. Его обвиняли в том, что он зарезал колхозную корову. Будто бы в этом мешке он унес добытое таким преступным способом мясо, и потому на мешке пятна крови. С. отрицал свое отношение к этому происшествию. А кровь на дне мешка, утверждал он, осталась от рыбы, которую он нес из магазина.

И вот мне предстояло определить: чья же здесь кровь — рыбы или коровы?

Это была одна из первых серьезных экспертиз, и выполнить ее убедительно казалось делом чести. Я обложила книгами — в поисках еще не известных мне методик.

Есть ли какое-либо существенное отличие между кровью рыбы и кровью коровы? Да, есть. У коровы, как и у всех млекопитающихся животных, эритроциты — красные кровяные шарики — не имеют ядер. У рыбы и у всех немлекопитающихся, наоборот, внутри эритроцитов имеются ядра. Прежде чем приступить к анализу крови на мешке, я бегу на рынок, покупаю свежего, еще трепещущего карася, смазываю его алой кровью предметное стекло, добавляю несколько капель уксусной кислоты, смешанной с глицерином, и рассматриваю свой препарат под микроскопом. Вот контуры эритроцитов начинают тускнеть, расплываются,

обесцвечиваются... Постепенно они совсем исчезают, и на их месте остаются овальные тельца. Это явно ядра рыбьих эритроцитов.

Десятки раз я проделываю реакцию — и результат один и тот же.

А что покажет кровь млекопитающегося? Тут службу науке оказала жившая у меня в лаборатории белая мышка. Ее кровь, смешанная с тем же реактивом, повела себя совсем иначе. Все ее эритроциты растворились без остатка. Никаких ядер на стекле не осталось.

Наконец можно было приступить к анализу крови с мешка. С трепетом соскабливаю несколько крупинок с пятна. Размельчаю их и проделываю уже знакомую реакцию. И второй, третий, двадцатый раз вижу под микроскопом, как блекнут и растворяются эритроциты и как на их месте остаются овальные ядра.

— Кровь рыбы! — кричу я в восторге и бегу к Александру Александровичу. И мы вместе еще и еще раз повторяем опыт.

Эту простую работу я тогда восприняла как торжество науки, помогающей восстанавливать справедливость.

В те годы еще только только вводилось определение вида крови. Нам прислали из Москвы сыворотки, которые должны были помочь устанавливать, кому принадлежит кровь: человеку или какому-либо животному.

Но как пользоваться сыворотками? Никто в НТО этого не знал. Александр Александрович решил, что мне вообще следует поучиться, и послал меня в Харьков, в институт к знаменитому профессору Бокариусу.

Когда я вернулась оттуда, обогащенная новыми знаниями, мы разослали письма по всем районам области, извещая о том, что отныне лаборатория будет не только устанавливать наличие крови, но и отвечать на вопрос: чья она.

Вскоре нас засыпали требованиями. Но одно из них оказалось совершенно невыполнимым. Просили определить: кровь на полушубке — бычка или курицы? И если бычка, то не рыжей ли масти, с белым пятном на лбу?!

Вспоминя все это, я, естественно, подумала: а как теперь, что делается теперь в тех двух комнатках на четвертом этаже? Кто теперь склоняется над «моим» микроскопом, кто пользуется «моей» ультрафиолетовой лампой «Ганау»?

И вот я набираюсь решимости, звоню в НТО, предварительно узнав, что имя начальника, полковника, — Николай Петрович Шалапин, и получаю любезное приглашение прийти в любой день.

На этой фотографии 1919 года — первый отряд рабоче-крестьянской милиции города Екатеринбург (Свердловска). Он был создан сразу же после освобождения столицы Урала от колчаковцев и иностранных интервентов.

«Замена полиции народной милицией, — писал в те годы Владимир Ильич Ленин, — есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснить массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстанавливала полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ... Не дать восстановить полиции; привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции — таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочнения и развития революции».

Знакомо ли вам, дорогой читатель, трепетное чувство возвращения к местам, где вы провели свою молодость? Впрочем, читатель «Уральского следопыта» — юноша, школьник — еще не знаком со шмящим ощущением стремительно пролетевших десятилетий...

Вот она, эта лестница, по которой я на легких молодых ногах каждый день взлетала на работу; вот они, эти стены, и в них, кажется, ничего, кроме меня, не изменилось... Так думала я, забыв о главном законе жизни — законе развития. И, конечно, же, ошиблась.

Здесь, в научно-техническом отделе, произошли разительные изменения. Вместо двух комнаток, где мы ютились прежде, я увидела целый этаж, отведенный под лабораторию. В отделе — большой штат. Все до единого сотрудника — с высшим образованием.

Николай Петрович Шалапин, образованный криминалист, большой энтузиаст своего дела, еще помнит Александра Александровича Крысина. Мы с ним долго беседуем, вспоминая этого превосходного человека, комиссара милиции III ранга, к сожалению, преждевременно умершего.

Потом Николай Петрович знакомит меня с

работой лабораторий. Бывшая моя лаборатория разрослась в три самостоятельные: химическую, биологическую и физическую.

Мне показали десятки современных аппаратов, познакомили с тончайшими методиками анализов, о которых я в свое время и понятия не имела.

На мой вопрос: где лампа «Ганау», мне ответили снисходительными улыбками. Оказалось, что эту «старушку» давно сдали в утиль. Ей на смену пришли более совершенные портативные ультрафиолетовые и инфракрасные излучатели. Пользуясь ими, исследуют не только флюоресценцию веществ, но проявляют невидимые тексты, в их лучах производят микрофотосъемки...

Слушая все это, я уж не решилась спросить о «своем» микроскопе. Может быть, и его постигла участь лампы «Ганау»... Ведь вот какие ряды новых, величественных микроскопов выстроились на столах лаборатории...

Фрида Евсеевна Корчемная, занимающаяся биологическими анализами, рассказала мне, что в ближайшее время ей предстоит поездка в Москву и, готовясь к ней, она собирает материал по определению половой принадлежности крови.

— Вы понимаете, как важно определить, кому принадлежит кровь: мужчине или женщине? Одно только это может сразу помочь следствию...

Реакция преципитации, обучаться которой я ездила к профессору Бокариусу в Харьков, — теперь одна из элементарных, будничных работ биологической лаборатории.

Фрида Евсеевна весело смеялась, слушая

мои воспоминания о методах, какие в мое время считались наилучшими.

— Кристаллы Тайхмана? Что вы! Мы давно ими не пользуемся. Наличие крови определяем спектральным анализом. Получаем в зеленой части спектра две отчетливые линии поглощения... Затем определяем, кому принадлежит кровь. Был случай, что кровь оказалась лосиной. Если кровь человеческая, узнаем группу, к какой она принадлежит. Работать приходится чаще всего с ничтожными количествами исследуемого материала...

Один из случаев, рассказанных Фридой Евсеевной, показался мне особенно интересным. В аптеке произошла кража корбочки с морфием. Но совершивший кражу был крайне нетерпелив. Он тут же сломал одну из ампул, очевидно при этом слегка поранив палец. На полу лежал небольшой клочок бумаги с бурым пятнышком. Вот и все, что доставили в лабораторию на анализ. Однако Фриде Евсеевне этого микроскопического пятнышка оказалось достаточно, чтобы определить в нем кровь человека группы «в». Именно к этой группе принадлежал заподозренный в краже.

Нина Федоровна Трофимова, занятая выполнением химических экспертиз, так же, как и Фрида Евсеевна, привыкла иметь дело с минимальными количествами материала.

— Все наши методы — это по- существу микрохимические, — говорит она. — Реакция протекает на предметном стекле, наблюдаешь за ее ходом под микроскопом...

Трудно перечислить все, что приходится анализировать химику-эксперту. Краски и масла,

У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ

Кремлевская стена на Красной площади в Москве с первых лет Октября стала пантеоном Революции — местом памяти выдающихся деятелей советского государства, отдавших свою жизнь в борьбе за светлое будущее человечества.

Блещут золотом надписей мраморные плиты, закрывшие ниши в стене с установленными в них урнами с прахом Солдат Революции. В молчаливом строю — скромные могилы с надгробиями, хранящими святые для нас имена.

Лишь две могилы до недавнего времени оставались безымянными. Кто похоронен в них, каким подвигом во имя Революции была отмечена их жизнь? Только в 1958 году удалось установить, что под могильными плитами лежат останки погибших на боевом посту двух героев-миллионеров — Егора Петровича Швыркова и Семена Матвеевича Пекалова.

Когда и при каких обстоятельствах они погибли — это пока еще до конца не выяснено. Не найдены также и род-

ственники Семена Пекалова. Известно лишь, что он до службы в Московской милиции жил на Урале, где-то «недалеко от Екатеринбурга».

Следопыты Свердловска! Давайте поможем разыскать следы героя-земляка: где он родился, где жил, где и кем работал до службы в милиции, живы ли его родственники и друзья. Управление охраны общественного порядка при Свердловском облисполкоме готово оказать вам помощь в этом.

А. П.

пищевые продукты и обрывки тканей, следы металлов и различные почвы, пятна извести и куски штукатурки...

Все это требует не только теоретических знаний разнообразных разделов химии, но и большого опыта, сообразительности, умения приложить свои знания, найти тот единственный в данном случае метод, который приведет к правильному результату.

Ведь для того чтобы испытывать разными способами, материала не хватит!

Так и работает Нина Федоровна — четко, чисто, уверенно.

Часто бывают случаи, когда в расследовании какого-либо дела принимают участие все лаборатории. Однажды со склада похитили два пистолета. Пропажу заметили спустя некоторое время после того, как сменился кладовщик. Подозрение падало на старого работника. Но как доказать его виновность? И вот оперативные работники, которым было поручено это дело, начали тщательно наблюдать за подозреваемым. Ни единая деталь не ускользала от их внимания. На мусорной свалке двора, где жил подозреваемый, оперативный работник обнаружил почтовый ящик. Адреса на нем не было. Лишь несколько неясных фиолетовых следов сохранились на одной из стенок. Но на дне ящика оказались маслянистые пятна. Не оружейное ли это масло?

Ящик принесли в химическую лабораторию. Нина Федоровна тщательно исследовала пятна и установила, что они нанесены оружейным маслом. И, больше того, удалось обнаружить, что это масло было загрязнено какими-то обрывками льняной ткани.

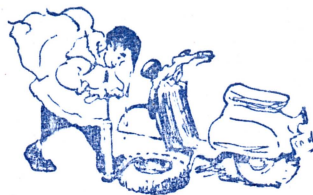
Тогда из склада, где произошла кража, доставили две бутылки с оружейным маслом. И оказалось, что одна из них закупорена льняной тряпкой, обрывки которой плавали в масле. Их состав и состав самого масла были точно такими же, как состав пятен на ящике.

Но виновный все еще не признавался в краже оружия. И тут приступили к анализу неясных фиолетовых следов на ящике. Исследуя их в отраженных инфракрасных лучах, удалось прочесть три буквы: «о», «л», «к».

Кто же их написал? Понадобились почерка родственников обвиняемого. И, наконец, среди его корреспондентов были найдены письма отца, который точно так же пишет эти буквы.

Когда бывшему кладовщику предъявили все улики, он ошеломленно смотрел на следователя, словно перед ним сидела сама карающая Немезида, а не скромного облика молодой человек в белой рубашке. Теперь ему ничего не оставалось делать, как признать, что оружие со склада взял он, держал его некоторое время в ящике из-под посылки, которую послал ему отец, а затем, боясь, что оружие обнаружат, закопал его в огороде, а ящик выбросил на свалку.

Да. Именно справедливой Немезидой становится научное исследование в руках нашего правосудия. Неумолимо и объективно наука делает явным все, что пытается притаяться, изгоняет из последних щелей нечисть, мешающую нам жить...

Граждане, освободите подножку, — послышался в репродукторе голос водителя. Пассажир послушно поднялся на ступеньку выше. Двери захлопнулись сами собой, и троллейбус мягко тронулся. Кто-то с уважением произнес:

— Пневматика!

Мы используем сжатый воздух так же привычно, как и электричество. Вот и резинка «дворника» бежит по ветровому стеклу машины, сметая дождевые капли, а автомобиль преодолевает ухаб на упругих подушках шин: пневматика.

Воеет пила в разделочном цехе мебельного комбината, но везде чисто, не видно опилок, не висит в воздухе древесная пыль: пневматика.

Громада ковшового цеха Нижне-Тагильского металлургического комбината. Издалека

В лабораториях ученых

ВОЗДУХ В УПРЯЖКЕ

слышен громоподобный рев — это, омываемая струями кислорода, клокочет сталь в груше конвертора. Ни конверторное, ни доменное производство немислимы без применения пневматики.

Малыш, покраснев от натуги, надувает камеру футбольного мяча и не подозревает, что в руках у него новейшее средство перемещения многотонных тяжестей. Цилиндрические камеры из нейлона уложили под днище подводной лодки. Заработал компрессор, лодка дрогнула и, скользя по надутым камерам, боком двинулась из воды к верфи, расположенной в полукилометре от берега: удачный пример союза двух богатей — химии и пневматики.

Воздух — работяга. Он высасывает пыль и поддерживает на воздушной подушке судно. Замкнутый в трубах, он перемещает почву, а расширяясь, охлаждает продукты.

Но советские ученые поручили воздушной струе более интеллигентную работу, нежели перетаскивание грузов. Они намного опередили зарубежную науку, создав управляющие и вычислительные пневматические устройства. Воздух думает, он решает задачи оптимального регулирования технологических процессов и автоматически поддерживает их. Универсальные пневмоэлементы позволяют собирать десятки надежных и дешевых приборов пневматики.

С. ДРУГАЛЬ

ПОСЛЕДНИЕ КОНОКРАДЫ

В одном из ОРСов¹ города Первоуральска были неплохие лошади, попавшие туда вскоре после Отечественной войны из расформированного запасного полка. И однажды, ранним летним утром, их украли: угнали прямо с пастбища.

В то раннее летнее утро из сосновой рощи вышли три бородача, распутали лошадям ноги... и через несколько минут по просеке в сторону Билимбая мчалась кавалькада: у каждого вора, кроме верховой, по две лошади на поводу.

Там, где просека упиралась в тракт, всадники остановились: на тракте слышался голоса.

— Вертаем назад!

— Цыц! — зашипел вожак, мотая головой. — Живо в лес! Переждем...

Конокрады спрыгнули с лошадей.

— Торопись, торопись! — приглушенно командовал вожак.

И в этот миг его вороная лошадь громко заржала.

— Вот черт! — удивился кто-то на дороге. — Лошадки в лесу? Поди заблудились?

— Зачем заблудились? — пояснил другой голос. — В лесу трава нынче густая, сочная: коней на ночь и пригоняют. Голоса смолкли.

— Пронесло! — Вожак почесал черную бороду и зло добавил: — На том, который с нашего края шел, брюки с голубыми кантами...

— Велика беда, подумаешь, канты! — усмехнулся один из воров.

— Дурак! То милиционер...² Как коней хватятся и милицию в округе подымут, он сообразит, чьи кони здесь ржа-

ли... и пойдут следы распутывать. Застуканы мы! Эх, семь бед — один ответ, да и с милицией у меня старые счеты.

* * *

В Свердловск, в Областное управление милиции, поступило тревожное сообщение: на Шалинское почтовое отделение напали вооруженные парабеллумами конные цыгане, сняли с работников отделения часы, отобрали деньги, затем, связав руки, привели к болоту и убили. С одним из почтовиков, недавно демобилизованным авиатором, вожак решил расправиться сам.

— Меня не проведешь! — упрямо выговаривал он своей жертве. — Брюки у тебя с голубыми кантами. Ты — переодетый милиционер... А из-за милиции я в тюрьме сидел...

И вожак поднял парабеллум.

Но пули пощадили демобилизованного летчика — застряли в плече, и он на какое-то время потерял сознание. Когда очнулся, бандиты уже ускакали...

* * *

Как только Ивану Михайловичу Черепанову стало известно о нападении на шалинских почтовиков, он с группой милицейских работников прибыл на Свердловский вокзал. Специальный состав — паровоз с пассажирским вагоном — уже поджидал их на запасных путях.

— Волнуетесь? — спросил Черепанов у своих спутников.

— Нет, товарищ полковник, не волнуется, — бодро ответил за всех белокурый лейтенант. — Мы ведь на внереисовом уже ездили. Помните, вместе с вами в Коми-Пермяцкий округ лесной пожар тушить?.. Два взвода нас тогда посылали...

¹ ОРС — отдел рабочего снабжения.

² В те годы на форменных брюках у милиции были голубые канты.

И Черепанов вспомнил не только недавнюю поездку в Коми-Пермяцкий округ, но и свою молодость, когда ему впервые пришлось отправляться по железной дороге на поимку бандитов.

Иван Михайлович начал службу рядовым милиционером в Новой Ляле, рабочем поселке Уральской области. Двадцатые годы. Борьба с самогонщиками, с квартирными ворами, с налетчиками, с базарными жуликами... Да мало ли что приходилось тогда делать!

Однажды в Ново-Лялинский магазин «Госспирта» ворвались вооруженные обрезамы люди. Перепуганные продавцы отдали им выручку и даже помогли погрузить на розвальни ящики с бутылками.

Когда на место преступления явился начальник ново-лялинской милиции Лепестев с дежурными милиционерами Ворошиловым и Черепановым, непрошенных гостей и след простыл.

— Куда они направились? — допытывался у продавцов Лепестев.

Те показывали в сторону железной дороги.

На станции один из железнодорожников сказал Лепестеву, что какие-то розвальни промчались вдоль линии на Верхотурье.

Минут через десять со станции Новая Ляля на Верхотурье вышел маневровый паровоз-«кукушка».

— Эх, надо было винтовки взять! — досадовал Лепестев. — Чего сделает наган против обреза?

Зимний день короток. Смеркалось, когда впереди на снегу зачернели сани.

— Дайте предупредительный гудок, — приказал начальник милиции.

— Гудок! — крикнул высунувшемуся в окно машинисту Ворошилов.

«Кукушка» загудела. Сани понеслись еще быстрее.

— Гуди еще! — распорядился Лепестев.

Тогда с саней ударили выстрелы. Милиционеры ответили дружным залпом из наганов. Бандиты поняли, что шутить с ними не собираются, и свернули в лес.

На полном ходу, путаясь в длинных черных шинелях, один за другим милиционеры спрыгнули в снег и кинулись за бандитами.

Ночью добрались до какой-то глухой деревеньки.

— Чую, — сказал Лепестев, вытирая

рукавом вспотевший лоб, — что эти типы здесь. Решили: ночью мы испугаемся их преследовать. Осмотрим каждую избу!..

Ни в первой, ни во второй они ничего подозрительного не обнаружили. Из третьей, когда Лепестев застучал в раму, грянул выстрел. Лепестев упал.

Сорвав с крючка дверь, Ворошилов ворвался в избу, за ним — Черепанов. Спрятавшиеся в подполье бандиты, побросав обрезы, с поднятыми руками начали вылезать наверх.

* * *

Эту, почти двадцатилетней давности, операцию и вспомнил заместитель начальника Свердловского областного управления милиции полковник Иван Михайлович Черепанов, когда специальный поезд вез его в сторону Первоуральска.

Конечно, если бы Иван Михайлович порылся в памяти, то можно было бы вспомнить и многое другое. В конце двадцатых годов он перебрался в Свердловск. Не очень-то приветливо встретила тогда уральская столица ново-лялинского милиционера. За день регистрировалось примерно до двадцати преступлений. Особенно славилась Привокзальный район и Хлебный рынок¹.

А сколько бродило по улицам Свердловска беспризорников! Ночевали они в подвалах, на чердаках, устраивали себе

¹ Теперь там парк-дендрарий.

норы и в шлачных отвалах. За долгие годы работы Ивану Михайловичу пришлось быть инспектором наружной службы, начальником ведомственной команды¹, секретарем городского отдела милиции, инспектором по паспортной работе, возглавлять ОБХСС... В общем, изучить чуть ли не все милицейские службы.

В 1931 году он надел новую форму: вместо длинной черной шинели с красными петлицами — шинель покороче, серо-зеленого цвета, с голубыми петлицами, вместо черной фуражки с красным околышем — серую.

* * *

Первые пятилетки не только меняли карту страны, они меняли и сознание людей. Меньше становилось вооруженных налетов, квартирных краж, исчезли беспризорники в «романтических» лохмотьях. Для раскрытия преступлений в ближние районы теперь выезжали не в пролетках, запряженных парой гнедых, как раньше, а на автомашинах. В своих действиях милиция все больше и больше опиралась на помощь населения.

Как-то к Черепанову пришла женщина средних лет.

— Товарищ начальник, — начала она, волнуясь, — сосед мой не по средствам живет, ежедневно вечерами пьянки, костюмы бостонские приобрел... Знаю, на зарплату кучера шикарно не разживешься... Проверьте, товарищ начальник!

— Где он работает? — спросил Черепанов.

— На хлебозаводе «Автомат».

Каждое утро к свердловскому хлебозаводу «Автомат» направлялись конные и автомобильные фургоны. Около проходной их ставили на специальные весы и записывали вес. То же самое делалось и при выезде. Прибавившийся вес должен был обязательно соответствовать весу отгруженного печеного хлеба. Иначе бы фургоны с территории завода не выпустили.

С неделю следили Черепанов и его помощники за хлебозаводом. Что хлеб воруют, ясно было с самого начала. Но как? Ведь по закону не пойманный с поличным — не вор. Поэтому надо было поймать жуликов за руку на месте преступления.

¹ Ведомственная команда — подразделение милиции, охранявшее государственные объекты (фабрики, заводы, банки и т. д.).

«В книгах по записям веса фургонов все указано правильно, — размышлял Черепанов. — В цехах говорят, что выпекают все по норме, и магазины получают норму, а хлеб с завода исчезает. Где концы? Через забор переправлять не могут, кругом сторожа. Территорию двора осмотрели, спрятать нигде ничего невозможно...»

Оставалась проходная. Черепанов решил целый день посвятить проверке всех без исключения фургонов. И оказалось, что несколько автомашин и повозок были... заранее нагружены камнями. Перед получением хлеба эти камни выбрасывались, на их место грузили хлеб. В накладных он не отмечался, а в проходной, когда фургоны взвешивались снова, учетчики ничего подозрительного в весе не находили и открывали ворота...

...Многое повидал Иван Михайлович за время службы в милиции: встречался и с настоящими преступниками, и с мелкой уголовной сошкой, и с людьми, лишь по слабости своего характера оказавшимися за решеткой. И радостно было ему, что сократилось количество опасных преступлений, что все больше и больше рецидивистов порывают со своим прошлым. Новая жизнь властно вривалась в сознание людей и указывала им правильный путь...

И вдруг — конокрады цыгане! Черепанов припомнил статью «Берегитесь конокрадов!», напечатанную в 1926 году в журнале Свердловского окрисполкома «Округ», но ведь после этой статьи прошло более двадцати лет. А конокрады, оказывается, еще не перевелись!

* * *

Обратный путь на разъезд Афанасьевский, к табору, цыганам перекрыло подразделение красноуфимской милиции. По пятам за ними шли оперативные работники из Первоуральска. Но вожак конокрадов был стреляной птицей. Бросив лошадей, он повел своих сообщников по лесным дебрям.

Когда специальный поезд из Свердловска прибыл на станцию Хромпик (Первоуральск), Черепанову доложили, что преступники обнаружены, что сдаваться они не собираются, а уходят, отстреливаясь из парабеллумов.

Оружие всегда опасно, если оно в руках бандитов, и цыгане-конокрады вновь подтвердили эту истину. Оставлять их на свободе даже лишние полчаса было бы

Недавно киножурнал «Советский Урал» рассказал о капитане милиции Леониде Ивановиче Виноградове из города Уфы и о его собаке Гуппер. Третий год подряд башкирские проводники собак занимают в стране первое место по раскрытию преступлений.

На фото. По горячим следам. Леонид Иванович Виноградов и его помощник сержант Аркадий Петрович Севастьянов вместе с собаками Гуппер и Вольта.

И. Яруш.

преступлением. Черепанов спешно пересел с поезда на грузовик и попросил шофера выжать все возможное из видавшего виды старенького мотора. Грузовик прыгал на ухабах, перескакивал через канавы, лавировал между разросшимися столетними соснами и к месту перестрелки добрался вовремя.

Бандиты, перебегая от дерева к дереву, старались вывести преследователей на открытую поляну.

Свердловские милиционеры окружили участок, где укрывались преступники, и с каждой минутой сжимали кольцо. Черепанов уже видел перекошенное злобой лицо жоака, видел, как он, показываясь из-за ствола осины то справа, то слева, яростно разряжал парабеллум.

Но всему приходит конец. Бандиты, потерявшие последнюю надежду вырваться из кольца, вынуждены были укрыться в неглубоком овраге, где их и схватили.

На допросах вся «троица» обвинила в случившемся старейшин табора: дескать,

старейшины заставляли их овладевать «старинным цыганским промыслом».

В те дни цыгане как раз начинали переходить к оседлому образу жизни, и Советская власть шла им навстречу: для бывших кочевников строились дома, перед поступлением на работу выдавались денежные ссуды, детей записывали в школы. Кое-кто из «таборной верхушки» и пытался противиться новому веянию. Прощество под Первоуральском явилось результатом агитации «за прежние дни золотой вольной старины».

Работники милиции обезвредили «последних конокрадов». Больше Ивану Михайловичу Черепанову не пришлось встречаться с людьми этой воровской профессии, но участвовать в схватках с бандитами еще случалось. В милиции служил он до 1955 года, пока болезнь не заставила уйти в отставку...

Если в городе Свердловске вы заглянете во двор огромного жилкомбината по улице Чапаева, который иногда запросто называют «городок милиции», то можете там спросить у любого, где живет Иван Михайлович Черепанов, и всегда услышите точный ответ. А если вы побываете у самого Ивана Михайловича, то узнаете много интересного из истории милиции.

Правда, о себе он рассказывает до обидного мало, хотя грудь его и украшают высокие правительственные награды: орден Ленина, орден Боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден «Знак почета» и несколько медалей.

С. ЗАХАРОВ

КОННАЯ МИЛИЦИЯ

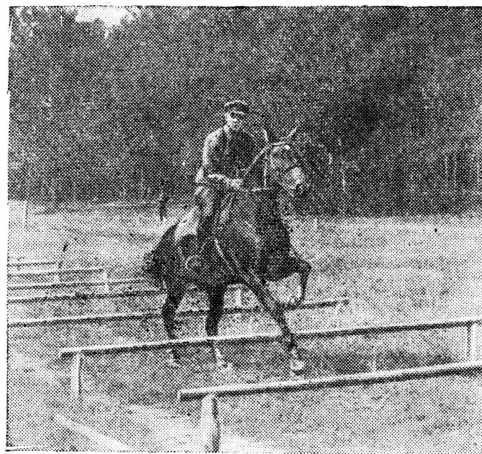
В тридцать шестом году пригласили меня сделать фотографии из жизни рабоче-крестьянской милиции на Урале. Я тогда был фотокорреспондентом «Известий» и нередко выполнял различные заказы. В то лето был какой-то праздник милиции в летних лагерях около села Елизавет, какой — теперь уже забыл.

Что меня поразило и восхитило больше всего на празднике, так это лошади. Отличная выучка! Сейчас мы развиваем конный спорт. Мне кажется, многие из виденных мною тогда товарищей из свердловской милиции смело могли выходить на конкурсное поле или скаковую дорожку и демонстрировать искусство верховой езды.

Помню, командир отделения Дроздов на кобылице Гордая такую сделал «свечу», что у всех дух захватило. Лошадь стояла почти вертикально. А Дроздов снова и снова командовал ей: «Гоп але!», «Гоп але!» И она безотказно выполняла его приказание.

Очень трудный прием — «клавиши» — лошади тоже проделывали безошибочно. Они взмывали в воздух, беря высокий барьер из жердей. И как красив был конный строй, выезд таночек!

Когда теперь передают по радио марш конной милиции из кинофильма «Песня табунщика», я всегда вспоминаю праздник в лагере под Елизаветом...

Жаль, что у нас в Свердловске не стало конной милиции (в Москве она сохранена). Красива ведь конная милиция! Есть в ней особое, подкупающее своеобразие и своя прелесть. Когда услышишь это «чок-чок-чок» по мостовой, увидишь стройные, упругие ряды всадников, кажется, готовых вот-вот ринуться на полном аллюре вперед, сразу взиграет сердце. И продолжать дружить с конем, право же, не мешает человеку...

Б. Р.

● СВЕРДЛОВСК. «Наша помощь семилетке — следопытский гектар», — было записано почти во всех 180 дневниках экспедиционных отрядов, прибывших на XIX Областной слет туристов. Если сложить все эти гектары, то получатся не десятки, не сотни, а несколько тысяч.

Вот что рассказывают тагильчане-геологи городского Дома пионеров. «Мы обследовали территорию от Нижнего Тагила до Висима площадью 1500 гектаров. Прошли 13 шурфов, глубиной от 1,1 до 2,25 метра. Отобрали образцы охр, руд, серые шлихи. Обнаружили обломки кристаллов горного хрусталя, размером до 4 сантиметров. Пробы и шлихи сданы в Тагильскую геологическую экспедицию. Оформлены заявки на различные железные руды, желтую и красную охру».

Геология — одно из направлений, по которому ребята создавали свои следопытские гектары. И здесь успехи у многих. Первоуральцы из седьмой школы работали в Западно-Уральской комплексной экспедиции. Изучили геологический район площадью 300 гектаров. Взяли девять шлиховых проб, сдали заявки на золото и поделочные камни.

Первоуральцы же шефствуют над питомником лесничества. Нынче весной они высадили 6000 черенков тополя и 5000 молодых сосенок.

Много интересных заявок оформили следопыты и других районов: ревдинцы — на вермикулит, свердловчане из школы № 38 — на гранулированный кварц, ирбитчане — на охру, юные геологи из Богдановича — на яшму, Деевская школа Алапаевского района — на бурый железняк, ребята из Верхне-Сергинской детской школы — тоже на бурый железняк и золото.

Самое главное, что ребята подошли творчески к созданию следопытских гектаров. Когда читаешь дневники-донесения, видишь, как разнообразна работа следопытов.

Около города Нижняя Тура был пустырь. Сюда пришли учащиеся школы № 4. Отмерили два гектара, очистили от мусора и камней, подготовили почву, удобрения и высадили акацию. Теперь тут будет питомник. Выращенной своими руками акацией ребята решили озеленять города и рабочие поселки области.

Большие лесопосадки провели туристы Полевского. Школа № 1 — 45 гектаров сосны, школа № 5 — 51 гектар тополя. Этот участок они назвали «Пионерской рошей». «Не нравится нам название Лысая гора, — заявили ребята в школе № 2, — пусть называется «густой». И они посадили 3 гектара Лысой горы сосной.

Четыре с половиной тысячи саженцев сосны появились нынче в районе горы Липовой. Это дело рук первоуральцев. А их соседи из Ревды попросили у совхоза «Ревдинский» семь гектаров земли, высадили на них морковь, обработали почву гербицидами и осенью собрали богатый урожай.

В этом году следопыты оказали настоящую помощь совхозам и колхозам. Так, усть-ницинцы провели исследование почв на площади 1000 гектаров. Они взяли 250 проб, на 100 сделали анализы и составили картограмму. Школьники из Верхней Салды собрали для совхоза 9 тонн

золы. Отряд «Чайка» из Туринска очистил для колхоза имени Чапаева 45 гектаров земли от корней и сучьев.

Новоуткинцы на пришкольном участке провели опыты по темам: влияние минеральных удобрений на почву и посевы овощей; каковы лучшие сроки посева кукурузы в районе. А ребята из Фединской школы № 8 Нижнетуринского района на участке Федино — Первомайский — Вознесенский выяснили, какие растут кормовые травы и лекарственные растения и в каком количестве.

Туристы города Березовский сдали на семена 700 килограммов шишек, по заданию областного аптекоуправления собрали лекарственные растения. Учащиеся Краснослободской семилетней школы написали историю села, отметили его 360-летие. Их материалы были опубликованы в районной газете. Отлично поработали на строительстве сернокислотного цеха на Средне-Уральском медеплавильном заводе ребята ревдинской четвертой школы.

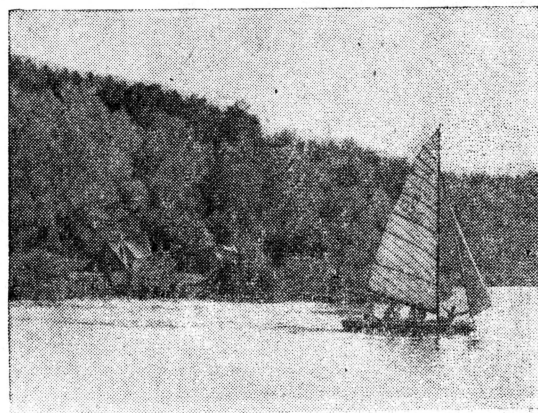
Но невозможно здесь привести все примеры, как невозможно сосчитать все следопытские гектары, созданные ребятами Свердловской области.

● КУРГАН. Призерами предслетовской выставки стали куртамышчане: средняя школа № 1 и Дом пионеров. Они награждены грамотами областной ДЭТС. Следопыты Куртамышя собрали большой материал по истории партийной и комсомольской организаций города. Их выставка на слете признана лучшей.

Отдельный стенд посвящен Н. Д. Томину, прославленному военачальнику. Здесь — карта походов полководца, воспоминания о нем Блюхера, много ценных фотографий. Рядом материал об организаторах Советской власти в Куртамыше: Н. П. Рыжове, Л. Т. Красикове, Ф. И. Зубове; о первых комсомольцах города.

В альбомах и специальных выставках ребята рассказали о предпринятых коммунистического труда, о знатных учителях, врачах, колхозниках.

У краеведов Далматова интересные сведения по истории Успенского монастыря: старин-

ная литография с видом на монастырь, печатные издания середины XIX столетия, в которых рассказывается о жизни монастырских крестьян, о крестьянских волнениях второй половины XVIII века, известных в истории под названием «дунщица».

С 1959 года работает в Каширинской средней школе Кетовского района литературно-краеведческий кружок. Создан музей, директор которого — семиклассник Сережа Белоусов. Среди экспонатов — старинная швейка, кости вымерших животных, деревянная посуда — ступа, ложка, солонка, разнообразные коллекции насекомых, чучела птиц. При школе выпускается стенная газета «Литературный листок», альманах «Луч».

Геологи Карачельской средней школы Шумихинского района вместе с геологической партией не один год проводили исследования по реке Миасс. Обнаружены залежи песков и гравия, определено их промышленное значение. Сейчас пески и гравий используются для строительства дороги Свердловск — Тюмень. Отряд оформил карту полезных ископаемых Курганской области и ее геологический профиль. Нынче летом ребята получили задание Галкинской геологоразведочной партии. Они искали гипс, торф, вивианит, мергели. Все образцы переданы геологам.

Историю своего поселка с 1929 года написали краеведы Коноваловской средней школы Макушинского района.

● **ТЮМЕНЬ.** На берегу Туры проходил областной слет туристов Тюменской области. Героями его были следопыты Голышмановской школы № 1. За шесть лет они изучили историю школы, района, области, пешком и на велосипедах прошли всю Западную Сибирь; собрали тысячу экспонатов для школьного краеведческого музея, который теперь стал народным. Его посетило 17 тысяч человек.

Диплом II степени за краеведческую работу вручен школе № 25 Тюмени. Ребята здесь тоже в основном историки. Они собрали интересные сведения о пионерской, комсомольской орга-

низациях города, о промышленных предприятиях, природных богатствах и экономике области. Отряд старшекласников был с геологической поисковой партией на Полярном Урале.

Отряд Мало-Зеркальцевской школы, Тобольского района, с 1960 года ведет календарь фенологических наблюдений, составляет географический атлас.

● **УФА.** Группа спелеологов при Башкирском областном Совете по туризму исследовала одну из новых пещер Иглинского района. Пещера с узким колодецеобразным входом раскрыла на глубине 8 метров четыре обширных зала с массой колонн натечного происхождения, сталактитами и сталагмитами. Обнаружены кости животных, которые в давние времена обитали в пещере. По заключению Южно-Уральского геологического управления находки представляют большой интерес для науки. Для дальнейшего исследования они отправлены в Академию наук СССР.

● **ПЕРМЬ.** Еще зимой разработали свой маршрут следопыты Октябрьской средней школы. Их путь прошел через Сарс, Тюш, Богородское, Самарово. Отсюда путешествие на лодках вниз по Ирени и Сылве до Перми. Цель похода — изучение пещер и знакомство с областным центром — промышленной Пермью.

Кишертские школьники были участниками слета юных геологов РСФСР в Ильменском заповеднике. Они рассказали о своем карстовом районе. Только в самой Кишерте имеются два провала, заполненные водой. Один из них появился 15 лет тому назад. Карст — интересное явление природы, которое ребята изучают вместе со взрослыми.

Туристы из Юго-Камска обследовали окре-

стности своего поселка. Они принесли образцы известняков, песчаников и минералов.

Историки девятой школы Перми собрали материалы о прошлом и настоящем Сибирского тракта, — этой скорбной дороги, по которой прошли в ссылку А. И. Радищев, декабристы, пеграшевы, Н. Г. Чернышевский.

Десятки школ во всех районах области участвовали в массовом геологическом походе. Они принесли заявки на фосфориты, строительные материалы, торф, волконскоит.

● **ОРЕНБУРГ.** Всеобщими любимцами на слете были команды школы № 2 Орска и Дедуровской одиннадцатилетней школы.

Туристы из Орска с руководителем Валентиной Павловной Долгополовой исходили почти все Оренбуржье и часть Башкирии. Ребята собрали столько интересных материалов, что когда все это систематизировали, получилось около трех десятков альбомов: «Химия Оренбуржья», «Черная металлургия», «Машиностроение», «Транспорт», «Швейная промышленность нашей области», «Население», «Земледелие», «Климат», «Почвы и растительность», — настоящая многотомная физическая и экономическая география ордена Ленина Оренбургской области, прекрасное пособие для изучения родного края.

У дедуровцев — особое отличие. Когда на торжественной линейке замерли в строю мальчишки и девчонки, внимание всех привлек отряд в белоснежных флотских форменках. Этих ребят увлекла романтика водного туризма. Каждое лето совершают они плавание по Уралу, по местам, связанным с именами Пугачева и Пушкина, Чапаева и Фурманова.

И порядки у «мореплавателей» по-флотски строгие. Капитан команды Володя Фирсов вроде адмирала. Его приказам флотилия подчиняется беспрекословно. Отлично справляются со своими обязанностями командиры кораблей — Саша Морозов, ведущий «Чайку», и Володя Ратин — «Стрелу». Под стать им и «матросы» Вера Дубинина, Валя Шинкарева, Вася Приходко, Валя Лободенко, Нина Мирошникова, Аня Чернова, Саша Гороховский.

Только перед слетом они вернулись из 500-километрового плавания. И отчет о нем — это настоящий вахтенный журнал.

Есть у дедуровцев заветная мечта — пройти водными путями через всю область — с востока на запад и выйти по Уралу на морские просторы.

● **ТРЕТИЙ УРАЛЬСКИЙ.** Двенадцать лучших следопытских отрядов съехались в Курган для участия в III Уральском слете следопытов.

Школьники, молодые рабочие, студенты Челябинска и Перми, Тюмени и Башкирии, Свердловска, Кургана рассказали на своем традиционном форуме о новых открытиях полезных ископаемых, об археологических находках, о собранных краеведческих материалах по истории края.

В острой борьбе прошла игра-соревнование «Поход дружных».

В этом году переходящие призы «Уральского следопыта» увезли школьники Уфы и молодые рабочие свердловского клуба «Кристалл».

О том, как проходил III Уральский, о делах следопытов, об их походах читайте в двенадцатом номере журнала.

ОТ ЛОМА К ЛОМУ

Летом приятно видеть на обеденном столе истекающий прохладой брусок сливочного масла. Каждый знает, что в нем сконцентрирован труд доярков, механизаторов, шоферов, рабочих молочных заводов. Но мало кто вспомнит, о тех, кто загружает льдом приборы охлаждения вагонов-ледников, чтобы масло не испортилось, не растаяло при перевозке. А труд этот тяжел. От массива надо отколоть не один кубометр льда в смену. Но чем до недавнего времени выкалывали лед? Дедовским инструментом — ломом! Недопустимый, досадный и смешной архаизм, лом — рядом с современным тепловозом, рядом с электронной техникой наших железных дорог. Чем заменить его? — встала задача перед учеными.

Лед стали взрывать. Сложно и опасно, не подходит. А если его от массива отпиливать?

Можно, но это дорого, застревают и ломаются пилы.

Попробовали отбойные молотки. Под пикой — каша изо льда. Все равно, что воду в ступе толочь.

И тогда лом заменили... ломом.

На льдопункте станции Свердловск-Сортировочный работает трехбойковый льдовыкалыватель. Эта машина несет на себе три лома весом 180 килограммов каждый. Они поочередно поднимаются и сбрасываются вниз. Энергия удара такого «лома» в 27 раз больше удара, который наносил рабочий. Таким образом, исходный принцип выколки льда сохранен, но он получил новое качественное содержание. Механический льдовыкалыватель заменил труд шести рабочих. Его производительность — 30 кубометров льда в час. Бойки-ломы работают поочередно.

В уральском отделении Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта разработали такую систему автоматики, при которой боек сразу же отключается, если под ним нет льда.

С. НОВОХАТСКИЙ

НА КАТЕРЕ

Рассказ

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки Н. Мооса

После ночной Анатолий спал часа три, не больше. Разбудил его Семенов, завхоз экспедиции.

— В Бургуль надо плыть, Толик, движок везти: люди без света сидят.

Анатолий хмуро посмотрел на него и спросонок хриплым голосом поинтересовался:

— Может, еще пешком в Африку идти надо? И потом: кем я у вас числюсь?

— Буровым рабочим.

— Совершенно верно. А катером управлять я научился для себя, и прав у меня нет.

— Но ты сам рассуди: моторист уволился. Надо. Понимаешь?

«Надо, надо... Пойдите к черту со своим «надо!» — хотел сказать Анатолий, поворачиваясь на спину. Он вспомнил, что сегодня у него свидание с Леной Тобольцевой, клубным киномехаником, и ему совсем стало грустно.

— Ну как, Толик?

— Какой я вам Толик!

Действительно, он не ребенок, ему уже девятнадцать лет, а все, как маленького, Толиком зовут.

Поломавшись еще недолго (ему было очень приятно сознавать, что от него что-то зависит), Анатолий поднялся с нар и сказал:

— Ладно. Только к десяти часам пойдете к Нефедову порогу там Ленка, киномеханик, ждать меня будет. Скажете, мол, так и так, прийти не смог, повез людям свет.

Скоро Анатолий на юрком катере «БМК» был уже далеко от поселка. Он торопился: в Бургуль всегда привозили хорошие кинофильмы, и была надежда попасть на последний сеанс. Кроме того, он не выпался после ночной и с наслаждением подумывал о чистой койке в гостинице.

Береговые скалы тянулись плотные, зубчатые, налезая друг на друга. Будто огромная каменная лавина, подступив к воде, испугалась чего-то и остановилась. Солнце провалилось за сопки, но было еще светло. Вот катерок минул изгиб Вилюя, и Анатолий увидел оранжевую гору; за следующим пово-

ротом эта же гора казалась фиолетовой. Проплыв еще недолго, он увидел, что склоны ее окрасились в яркий кумачовый цвет. Река, казалось, тоже горела разноцветными полосами. Это уже было совсем некстати: катер легко мог напороться на подводный валун. В одном месте действительно днище «БМК» проскрежетало по острым подводным камням.

Анатолий заволновался. В это время на берегу грянул выстрел, и под шапкой дымового гриба появился человек. Он размахивал руками. Анатолий застопорил машину и подплыл к берегу.

Голубоглазый великан лет двадцати пяти, одетый в мешковатый штормовой костюм, что придавало ему сходство с шатуном, вставшим на дыбы, попросил:

— Подвези до Бургуля.

— Залезай.

— Да я не один, нас пятеро. Третий день в отпуск уехать не можем. Остальные в партии, километра четыре отсюда. Подожди, мы быстро. Надо, парень...

— И здесь надо! — рассердился Анатолий. — Мне, может, спать надо? Что стоишь?! — закричал Анатолий. — Беги в партию!

— Спасибо, старина!

Анатолий заглушил двигатель и присел на палубе, свесив ноги. Значит, прощай, новый фильм! Но о фильме он думал недолго: хотелось спать, глаза слипались. Он прилег на палубе, но тотчас сел снова. Анатолию казалось: если ребята вернутся и застанут его спящим, то это будет не по-мужски. Борясь со сном, он вытащил из кармана трубку, кисет с крепчайшим самосадам и закурил.

Геологи из партии застали его спящим с погасшей трубкой в зубах.

— Подъем, капитан! — услышал он сквозь сон и сразу вскочил.

На него глядели пять улыбающихся бело-зубых лиц.

— Заснул, малыш? — спросил голубоглазый великан.

Геологи расхохотались. Анатолий молча

проглотил обиду, встал в рубку и запустил двигатель. Потом закурил трубку, выглянул наружу и приказал:

— Всем сидеть на корме. Кто по палубе бегать будет — ссажу.

— Есть, капитан! — весело ответили несколько голосов.

Дабы показать, что он не шутит, Анатолий так рванул катер с места, что геологи едва устояли на ногах.

Темнело. Яркие световые полосы утонули в воде, не болели от напряжения глаза, и плыть теперь стало легче. Пожарище на западе убавилось, из него выстрелами взлетели ввысь лучи. Горы казались сиреневыми; кое-где на открытых луговинах сонно заворочался туман. Всплескивалась крупная рыба, раз-

рывая зеркало воды. Туго вспарывая воздух, резвились чирки. Белыми искрами пролетали чайки. Какие-то большие сонные птицы, вспуганные катером, поднимались с берега и летели в чащобу, и казалось странным, почему они не цепляются своими крыльями за ветви. Туман набухал, поднимался, выходил с луговин, карабкаясь на увалы. Пахло водорослями, тягучим настоем заливных марей.

Катер подплывал к Шальному порогу. Еще издали слышался его мощный рокот. Можно было видеть огромные шапки брызг, там и сям взрывавшие Виллюй. Катера и лодки обычно проходили у самого берега под нависшей скалой, где не было подводных камней и водоворота. Взглянув наверх, Анатолий вздрогнул: на том месте, где должна нависать скала-арка, голубело чистое небо. Он едва успел дать задний ход. Оказывается, скала упала в воду, загроздив проход. Когда же и отчего это случилось? Всего лишь неделю назад он проплывал здесь.

Геологам не надо было долго объяснять: они сразу все поняли.

— Спасибо и на том, капитан, — поблагодарил голубоглазый великан, спрыгивая на берег. — Теперь не так уж далеко, к рассвету дойдем.

Геологи быстро сгрузились, навьючили огромные рюкзаки, махнув пареньку, гуськом тронулись берегом. Анатолий молча смотрел им вслед: идти берегом Виллюй, вернее, прыгать с валуна на валун, опасно и днем: в два счета можно сломать ногу. Потом он перевел взгляд на движок, который вез в Бургуль. «Неужели надо возвращаться?»

Анатолий дал газ и поехал поперек Виллюй метрах в двадцати от порога. Слева пройти, конечно, невозможно: за туманом брызг — глыба на глыбе. Правее тоже цепь мелких валунов. Можно с разгону перепрыгнуть эту цепь, но «БМК» не спортивный глассер.

Развернувшись у затонувшей скалы, Анатолий погнался катером обратно и только сейчас за облаками брызг заметил на середине порога узкий пролет между отвесными, как стена, гранитными глыбами.

«А если?..»

Пролет казался широким. И, разогнав катер, Анатолий полным ходом ринулся на штурм порога. Сейчас он не видел ничего, кроме высоких отвесных глыб и мощного потока воды с белыми гривами. Потом сразу стало темно, и он никак не мог понять, отчего так темно: то ли от страха, то ли катер проходил между гранитных стен. Скоро Анатолий почувствовал толчок. Его, как из ведра, окатило холодной водой. Живо представилась картина: перевернутый и разбитый катер, застрявший между гранитными глыбами. Он погубил не только себя, но и движок, и катер..

По-прежнему было темно, но толчков уже не ощущалось. Когда Анатолий открыл глаза, порог гудел далеко позади. Вместо ветрового стекла в рамке торчало несколько осколков. Анатолий выбрался из рубки и осмотрел катер.

— Ничего, старина, — сказал он вслух, поглаживая единственную вмятину на борту. — Так было нужно. И легко мы с тобой отдела-

Отпускников Анатолий нагнал на извилине Вилюя. Хотелось прыгнуть с катера, рассказать все, как случилось, но сдержался. Геологи молча обступили его. Когда он вытащил трубку, разом зажглись пять спичек...

Темнело прямо на глазах. Воздух, густой, тяжелый, стугился, посырел. Заглушая все запахи, резко пахли сухие водоросли, выброшенные в непогоду на берег. Там, где зашло солнце, огромной светящейся рыбиной играли зарницы. Проснулись, замигали первые звезды. Берега помрачнели; туман оттолкнулся от валунов и поплыл вдоль реки, цепляясь рваными клочьями за борта катера. В небесах колдовала луна.

Показались редкие тусклые огоньки Бургуля. Анатолий включил прожектор на крыше рубки. Слепящий луч света выхватил из темноты свежерубленый лиственничный дебаркадер и людей на нем.

Катер причалил мягко, без толчка. Человек с дебаркадера в пальто и шляпе, по виду начальство, прыгнул на катер и, увидев на корме движок, обрадовался:

— Привезли? Молодцы! Пятый день без света сидим.— Он повернулся и крикнул:— Давайте кран и грузовик!

— Проход на Шальном пороге завалило,— устало сказал Анатолий.

— Как завалило?

— Скала рухнула.

— А как же вы прошли? Что, скала потом рухнула?

Анатолий вдруг поймал себя на том, что хватать ему сейчас совсем не хотелось, и он нехотя уронил:

— Вроде этого...

— Немедленно вышлем взрывников,— не раздумывая, сказал начальник.

Геологи, узнав, что скоро отправится вертолет до Ньюбы, немногословно, по-мужски, попрощались с Анатолием и заспешили к аэродрому. Анатолий, покачиваясь от усталости, отправился в гостиницу. Разморенный теплом, он вяло разделся и уснул, едва коснувшись головою подушки. Во сне кричал так громко, что дежурная по гостинице несколько раз подходила к его постели и спрашивала:

— Что с тобой, сынок? Уж не заболел ли?

Спать пришлось недолго: посреди ночи чьи-то сильные руки крепко встряхнули его за плечи. Анатолий кулаками протер слипшиеся веки и открыл глаза, щурясь от яркого электрического света. Перед ним стоял такой же молодой великан, какой встретился днем на берегу Вилюя, только глаза у незнакомца были не голубые, а карие, блестящие, и по груди вилась широкая, в кольца, русая борода. Одет он был тоже в штормовой костюм защитного цвета, и талию туго стягивал офицерский ремень с бляхой.

— Вставай, вставай, дружище! — басил поздний гость, безжалостно стягивая с Анатолия одеяло.

— Не тани! В нос получишь!

Бородач нагнулся, поднял его вместе с одеялом на руки.

— Очнись же! Срочно нужен катер,— и посадил на кровать.— В партию срочно вот эти

коронки надо доставить,— он кивнул головой в угол горницы, где лежала связка буровых коронок.— Кажется, наткнулись на такое богатство!.. Надо, милый, вставай.

— Никуда не поеду,— отрезал Анатолий и лег, повернувшись лицом к стене.

— Ты не понял? — спросил бородач.— Если нашли то, что мы думаем, через пару лет здесь второй Мирный будет.

— Можешь до утра подождать? И лошадь без роздыха не работает.

Геолог замер, раздумывая.

— Ладно. Дрыхни. Оставим до утра, коль устал.

Анатолий забылся, но очень скоро почувствовал, что его трясут за плечи.

— Дружище! Не от себя прощу. Ведь часа четыре плыть, не больше.. Ну хочешь, я на тебя и штаны надену и до катера на руках донесу?

Было похоже, что бородач не шутит. Анатолий зевнул, поднялся и стал одеваться.

— Кто тебя только на свет родил такого... бешеного,— недовольно проворчал он.

Поселок купался в огнях. На дорогу высыпали парни, девчата, слышался смех, песни.

— Длинный, угадай: почему они веселятся? — спросил Анатолий.

— Как почему? — не понял геолог.

— Потому что я здесь. Слышишь движок? Работает. Светит.

— Ты что, не проснулся еще?

Потом Анатолий озорно сказал геологу, что надо выполнять обещанное, попросил его нагнуться и прыгнул ему на плечи. Бородач даже не сбавил шагу, будто не сидел у него на спине взрослый человек.

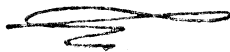
На берегу выяснилось, что плыть надо в противоположную сторону, но Анатолий не огорчился.

Плыли, включив прожектор. Мощный луч прорезал твердую упругую темень, на извилинах упирался в берег, скользя по валунам, лиственницам. Иногда катер входил в туман, и все скрывалось в голубых и красных клубах, подсвеченных прожектором, и казалось, что вокруг бушует пожар и что это не туман, а дым с языками пламени.

Начало светать. Тьма раздвинулась, появились берега, и уже без труда различались зубчатые очертания скал. Заалел восток. На левом берегу показалась геологическая партия — несколько длинных бревенчатых барачков и копер буровой вышки. Бородача встречали: на берегу стояло человек двадцать, очевидно, все население партии.

Не дождавись, пока катер причалит, геолог прыгнул в воду и пошел к берегу, подняв над головой связку коронок. Дюжина рук помогли ему выбраться из воды. Все быстро пошло наверх, к буровой.

Анатолий подогнал катер к берегу. Он понимал, что и ему надо идти к буровой, потому что сейчас решается, быть ли на этом месте городу, но не хватало сил подняться на ноги. Анатолий прислонил голову к деревянному косяку, медленно сполз на днище рубки и свернулся калачиком. Через минуту он крепко спал.

Футболисты

Война застала ленинградских динамовцев в Тбилиси. Едва вернувшись в родной город, они ушли добровольно на фронт. Два месяца спустя семь мастеров спорта и группа игроков сборной города были возвращены в Ленинград и направлены для работы в отделение милиции. Там они возглавили военно-физическую подготовку. Прошло еще пять месяцев. Город оказался в блокаде, и ленинградским футболистам-динамовцам довелось разделить судьбу своих сограждан. Зимой 1941 года прославленные мастера спорта активно включились в оперативную работу уголовного розыска. Этого требовала обстановка, и они работали, не удивляясь новой своей профессии.

«Мы были физически сильнее многих других, поэтому и взяли на себя наиболее тяжелую работу, — спокойно вспоминает мастер спорта Валентин Федоров и, улыбаясь, добавляет: — К тому же народ нас хорошо знал и, когда это «требовалось, помогал нам». Так, незаметно для себя динамовцы приобрели вторую ответственную и интересную профессию.

Первая засада — напряженное ожидание преступника. Федоров и другой динамовец Логинов просидели двадцать два часа, прежде чем дождались и задержали бандита, ограбившего и убившего двух человек.

С увлечением рассказывает Федоров, как расследовали они это убийство, как обыскали квартиру, как после долгих поисков нашли след убийцы и как захватили преступника.

После этой удачно проведенной операции работники угрозыска по-настоящему приняли в свою среду футболистов.

...Студеный февральский вечер 1942 года. Динамовцы Федоров и Алов получили оперативное задание. Сквозь метель и стужу, едва освещая путь карманным фонариком, под артиллерийским обстрелом идут два спортсмена. По дороге натываются на женщину. Женщина просит о помощи: дома больной сын, а с верхнего этажа спустились какие-то незнакомые люди и отняли последние вещи. Пришлось вмешаться, помочь отнять у грабителей имущество. Но и женщина оказала услугу динамовцам: она знала нужную им квартиру и разыскиваемых людей.

После долгого блуждания по темным переходам заброшенного, застывшего дома динамовцы вошли в комнату. Свет, внезапно погасший при их появлении, вдруг снова зажегся. Маленькая коптилка осветила лица мужчины и женщины.

— Вы ошиблись адресом, товарищ Федоров, — сказал человек за столом (когда-то он был болельщиком-футболистом и узнал знаменитого спортсмена).

Но Федоров не ошибся. Он нашел того, кого искал.

— Руки вверх, — спокойно произнес он.

При обыске Федоров и Алов нашли одиннадцать продовольственных карточек, похищенных преступником у ослабевших от голода людей...

Много сложных преступлений раскрыли в эту зиму футболисты — работники уголовного розыска. Большую помощь в их новой работе оказало им население. Ведь их знал почти каждый мальчишка. Редко кто из ленинградцев не помнил Алова, Федорова, Сазонова на зеленом футбольном поле. Помнили и помогали как могли в их новой сложной и ответственной работе.

Весной, едва подсохла земля, три ленинградских футболиста вышли на заброшенное, разбитое снарядами поле. Нашли старый мяч, решили ударить. Вспомнили прежнюю спортивную жизнь. И через некоторое время Алов, Федоров и Сазонов стали пионерами возрождения спорта в осажденном Ленинграде.

Летом 1942 года новая команда, среди которой было двенадцать старых динамовцев, провела первый ленинградский матч в дни блокады. Снова запестрели трибуны знакомого стадиона. И никогда еще с такой горячно-

стью не принимали своих любимцев-динамовцев. Это означало, что ленинградцы живут и работают, живут полной, культурной жизнью, что воля к жизни, к победе в них неистребима. Так стиливались в одном человеке динамовец и оперативный работник уголовного розыска. Раз даже

Алову пришлось не доиграть десяти минут, поставить вместо себя другого игрока и еще мокрым бежать на неотложное следствие. Но футболисты поспевали всюду. Они полюбили новое дело. И на футбольном поле их встречали горячее прежнего.

В грозные дни

С середины июля 1941 года Новгород подвергся жестокому налетам вражеской авиации. Милиционеры первыми появились в местах поражения, спасали людей и имущество, тушили пожары. 13 августа передовые части гитлеровцев подошли к городу и открыли артиллерийский обстрел. Под огнем врага милиция приступила к эвакуации населения и ценностей. 14 августа в 7 часов утра бомбардировкой были уничтожены радио и телефонная связь. Одновременно бомбы разрушили мост через реку Волхов: город оказался разорванным на две части. Бои шли совсем рядом. Командование выделило милиции участок для обороны. 16 августа вечером отдельным вражеским группам удалось проникнуть на Софийскую сторону города. На занятой врагом стороне находилось много лодок. Их нужно было захватить во что бы то ни стало. Этим занялась милиция. Под пулеметным обстрелом врага группа милиционеров переправилась на берег, занятый немцами, и пригнала оттуда больше семидесяти лодок. Лодки, которые не удалось увезти, были уничтожены на месте.

В конце августа значительная часть личного состава Новгородской милиции ушла в партизанский отряд, а часть была направлена в поселок Пролетарий. В глухие ноябрьские ночи в лесах и болотах милиционеры вылавливали вооруженных диверсантов, шпионов, преступников, пытавшихся пробраться за линию фронта. В феврале 1942 года этот коллектив работников милиции был направлен в освобожденные деревни и села Новгородского района для изъятия военного и трофейного имущества, для выявления изменников и пособников врага.

А партизанские отряды Новгородского района, составленные из милицейских работников, действовали вместе с отрядами народных мстителей.

В районе Тесовостроя организовался отряд, командиром которого был начальник поселкового отделения милиции сержант милиции Степан Васильевич Лепнев. На глазах у гитлеровцев, занимавших станцию Рогавка, этот отряд отправил в тыл поезд с эвакуированным населением и ценностями. Уйдя в лес, Лепнев со своим отрядом появлялся всюду, где его меньше всего ждал враг, сея панику среди немцев.

На Тесовострое немцам удалось пустить завод, изготовлявший сани и лыжи для их армии, но однажды ночью пришли партизаны Лепнева и взорвали завод.

6 ноября 1941 года Лепнев умудрился на Тесовострое провести с народом торжественное собрание, посвященное годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на зверства гитлеровцев, народ пришел на это собрание. На собрании выяснилось, что немецкий ставленник Данчук организовал мельницу, на которой взыскивал гарнцевый сбор в пользу врага. На следующий день партизанский отряд арестовал Данчука, забрал гарнцевый сбор с мельницы и разделил его между семьями красноармейцев и рабочих. Так, руководимые оперативным работником милиции, наводили партизаны свои порядки на оккупированной гитлеровцами территории.

В другом конце Тесовостроя работала еще одна группа милиционеров. Ее возглавлял лейтенант милиции Александр Петрович Каленов.

Р. МЕССЕР

ЗНАЧОК АКТИВИСТА ЖУРНАЛА

Редколлегия журнала наградила значком „Уральского следопыта“ Альтова Владимира Григорьевича, журналиста; Бугрова Виталия Ивановича, педагога; Круглова Александра Георгиевича, журналиста; Никонова Николая Григорьевича, писателя; Обухова Леонида Михайловича, писателя; Орешина Евгения Петровича, полковника милиции; Пономарева Григория Павловича, капитана милиции; Шаблакова Григория Максимовича, капитана милиции.

ОТ АРАМИЛЬЯ до ЮПИТЕРА

Если вы живете не на Среднем Урале, то, прочитав заголовок, наверное, подумаете, что Арамилль — имя какой-нибудь планеты или, на худой конец, астероида? Однако это не космическое тело — так называется вполне земной городок под Свердловском.

Тогда причем Юпитер?

Чтобы ответить на такой вопрос, давайте взглянем на местный завод искусственного волокна.

Елка выходит в ферзи

Итак, мы на окраине рабочего поселка, который вытянулся по обе стороны шоссе Свердловск — Челябинск. Ну и ну! И это называется завод! На Уралмаше он вполне сошел бы за средней величины цех...

Но не стоит судить о производстве только по размерам. Тем более, что перед нами не обычное промышленное предприятие, а форпост отрасли-волшебницы. А ведь даже небольшой волшебник может сотворить такое, что и гиганту не под силу.

Арамилльские маги и волшебники делают химические нити. Только не из синтетики, а из природного материала — елки. Волокна, полученные путем химической обработки природных материалов, в литературе принято называть искусственными, в отличие от синтетических. Но различие здесь весьма условное: синтетические вещества тоже приготавливаются из того, что есть в природе.

В мире искусственных волокон царит вискоза. Это не удивительно: ткани из нее — самые дешевые.

Ваша одежда, случайно, не из «костюмного» трико? Очень может быть, материал широко известен. Между прочим, в нем больше половины «дрезесной шерсти» — штапеля. Пятьдесят пять процентов «еловых» нитей добавляют в такие ткани как диагональ и драп, шестьдесят процентов — в сукно, и так далее.

Думаете, химический заменитель хуже естественной шерсти?

— Наши штапельки, — говорит начальник химического цеха Зоя Ивановна Шереметьева, — по длине примерно такие же как и натуральные шерстинки: 65 миллиметров — для грубошерстных тканей, 120 — для тонкосуконных. И «греет» штапель не хуже шерсти, да и по прочности ей не уступает.

Кстати, о прочности. Она измеряется интересным показателем: разрывной длиной. Если, допустим, взять конец длиннущей шерстяной нити и поднимать его вверх, то нитка порвется от собственной тяжести где-то на высоте 12—14

километров. А вискозное волокно имеет разрывную длину 14—16 километров. О специальном же вискозном волокне и говорить не приходится: оно вдвое крепче шерсти.

В Московском текстильном институте группа ученых успешно работает над тем, чтобы придать вискозным нитям еще больше прочности — ведь искусственные волокна пока что занимают первое место в производстве «химического текстиля».

Натуральным тканям явно несдобровать! Сегодня они еще преобладают, но завтра им придется отойти на второй план: соперник шагает вперед втрое быстрее!

Сквозь огонь

и воду

и медные трубы

Как же ухитряются химики превращать елку в шерсть? И почему именно елку, а не сосну? В принципе можно, конечно, изготовить вискозу из сосны и любого другого дерева. Но волокна еловой древесины длиннее и крепче. Химический состав их тоже более подходящий. Целлюлоза из нее получается, как принято говорить, мягкой.

Целлюлоза — это толстые белые листы, похожие на картон. Привозят ее арамильцам из Архангельска, Котласа, Красноярска. Там-то на целлюлозных заводах и кладут начало чудесному превращению зеленой красавицы в элегантные костюмы и пальто.

Но самое интересное происходит в Арамии. Ведь целлюлоза — это, в сущности, волокна все той же древесины. А как их превратить в шерсть или шелк?

Трансформация целлюлозы начинается с резательных машин. В каждой из них — вал с острыми, как бритва, ножами. Один за другим белоснежные листы целлюлозы режутся на квадратики величиной со спичечную коробку. Их миглом засасывает труба пневмотранспортера — и пошли они в бункеры вискозных аппаратов.

Но собственно химия — за отделением резки. Это настоящее королевство резервуаров и труб. Людей тут почти не видно. Зайдешь в иное помещение — ни души, только гудят аппараты, шумят моторы компрессоров, перекачивающих не то щелочь, не то кислоту, да колеблются стрелки приборов. Даже как-то жутковато станет. Того и гляди, забредешь туда, где без противозага не ходят.

Баки, баки... Это содовая станция. Сюда подается из цистерн крепкий каустик (едкий натр). Тут его разбавляют до концентрации рабочей щелочи и нагревают до определенной температуры — 90 градусов. Готовая щелочь перекачивается в мерники — специальные баки поменьше. А теперь — вот оно, отделение вискозных аппаратов! Каждый — высотой с трехэтажный дом. Вверху — бункер, в который загружают уже знакомые нам квадратики целлюлозы. В аппарате (тоже своего рода бак!) они перемешиваются, измельчаются. Особые колеччатые валы крутятся то в одну сторону — работают на измельчение, то в обратную — происходит перемешивание. Это все дело рук особого автоматического переключателя.

Если заглянуть в иллюминатор аппарата, видно, как волнами ходит белая «целлюлозная каша». Попробуйте целлюлозу пальцами — никак мыльная? Действительно. Она вступила в союз со щелочью. Сделан первый шаг к растворению елки.

Вискозные аппараты напоминают рубки танинственных боевых кораблей, которых здесь целая эскадра! Тут и иллюминаторы, и штурвалы, с помощью которых перекрывают клапаны, и «капитанские мостики». А вот и командир корабля — Любовь Степановна Пospelова. Она только что внесла запись в «корабельный» журнал и подошла к одному из агрегатов.

Любовь Степановна работает аппаратчиком около четырех лет. Любит профессию химика и, по отзывам начальника смены Маргариты Константиновны Солдатовой, знает свое дело отлично. А быть аппаратчиком-отличником очень нелегко. Надо пристально следить, чтобы строго соблюдался технологический режим: и температуру нужную «держат», и необходимую дозировку, и концентрацию реагентов. Порой случается так, что недодаст аппаратчик самую малость щелочи — и образуется плохо растворимая вискоза, вся партия идет в брак. А это ведь сотни костюмов...

На помощь аппаратчику шагает автоматика. Нынче, например, на заводе намечено устано-

вить автоматические счетчики и дозаторы. Это заметно облегчит труд.

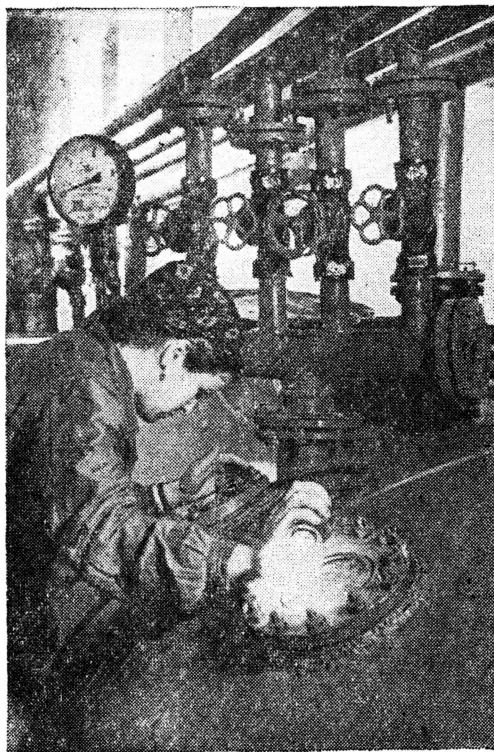
— Работу стараемся организовать так, чтобы вискоза поступала пряядильщикам непрерывно, — рассказывает Любовь Степановна между делом (а она в это время накрепко затягивает винты на крышке аппарата). — Вот здесь целлюлоза уже соединилась со щелочью. По условиям технологии мы ее охладили до двадцати одного градуса, — в «рубашке» аппарата циркулирует охладительный рассол. Сейчас начнем сульфидировать — зальем в камеру сероуглерод. Надо только люк «задрать», чтобы ни щелинки не было: летуч он больно.

Смотреть, как заливают сероуглерод, бесполезно: он сразу же превращается в бесцветный газ. В окошко камеры видно, что «каша» сохраняет прежнюю белизну. Но только пока. Через некоторое время масса начнет желтеть: сероуглерод соединится со щелочной целлюлозой, и получится новое вещество — ксантогенат целлюлозы. Это и есть решающий этап растворения елки.

— Реакция идет ровно час десять минут, — поясняет Любовь Степановна. — А потом зальем ксантогенат охлажденной водой — вот вам и вискоза.

„Чистилище“

В переводе на русский вискоза означает «вязкий». Вязкая, тягучая масса оранжевого цвета. Посмотреть ее и попробовать на ощупь удастся только в фильтровальном отделении. Но

там она будет уже темная, как нефть: ее успеют окрасить. Чтобы краска держалась прочно, вошла, что называется, в плоть и кровь вискозы, ее окрашивают через пять часов после того, как сольют из вискозного аппарата в так называемый дорастворитель. Тоже важный агрегат.

Оказывается, под каждым вискозным аппаратом на самом нижнем этаже установлено по большой цистерне. Цистерны и тут в «рубашках», чтобы поддерживать нужную температуру. А еще здесь есть устройства для перемешивания массы и растирания комочков.

Из любой вискозы нить не спрядешь, нужна определенная вязкость. Поэтому химики делают анализ и, если нужно, добавляют жидкость.

За отделением дорастворения снова и снова резервуары. От этих резервуаров уже голова кругом идет. Но для химика бак — что для металлиста станок. Нелегко подготовить вискозу к прядению. Для того чтобы превратиться в волокно, ей предстоит пройти через мельчайшие отверстия фильера. А перед таким «страшным судом» надо избавиться от малейших «грехов». Чуть какая соринка — нерастворившаяся ли частица целлюлозы, капелька ли смолы, пузырек ли воздуха, которого глазом не видно, — и ниточке конец. И вискозу, что называется, гоняют из одних баков в другие, пропуская «сквозь строй» фильтров. Тут только успевай менять полотно на металлических рамах фильтр-прессов. Первая стадия испытаний — просочится через два слоя бязи и два слоя байки. После второй такой же процедуры вискоза попадает... в тринадцать баков отделения обезвоздушивания. Шестнадцать часов томится она под вакуумом, чтобы ни единого пузырька воздуха в ней не осталось.

Ну, кажется, все. Можно двигаться к прядильщикам. Нет! Опять препятствие. Еще одна стадия фильтрации, самая тонкая: два слоя байки и два слоя шифона. Вот теперь путь к машинам для формирования волокна свободен!

Чудеса в ванне

Сейчас увидим самое интересное: рождение волокна. Здесь волшебница-химия выступит во всем своем блеске.

У длинных агрегатов, похожих на низенькие трамваи, застекленные плексигласом, хозяйничает прядильщица Александра Ивановна Разгуляева. На руках у нее резиновые перчатки, — ведь она имеет дело с серной кислотой...

— Вот в этом корыте внутри прядильной машины — кислотно-солевой раствор, называется «осадительная ванна», — показывает прядильщица. — А вот этот вал, снаружи агрегата, приводит в движение насосики. Каждый из них подает вискозу по трубке к фильере.

Александра Ивановна достает из тумбочки металлический колпачок. Это и есть знаменитая танталовая фильера?

— Она самая. Здесь 2 400 отверстий. Простым глазом их не рассмотреть, как ни старайся. Для страховки перед каждой фильерой поставлен еще специальный фильтр-палец — обернутый байкой цилиндр. Но и он, к сожалению, не всегда помогает...

В ту же минуту острый глаз прядильщицы заметил, как в одном из зеленоватых жгутов,

бегущих от поверхности ванны к системе роликов, появились черные нити.

— Опять фильера засорилась, — поясняет Александра Ивановна и устанавливает новую.

Что и говорить, фильеры — суровые контролеры. Но арамильским химикам удается избежать «танталовых мук». Около 96 процентов продукции они выпускают первым сортом — почти на процент больше задания.

Фильеру в действии не увидишь — она опущена в осадительную ванну. В этой-то мутной жидкости тончайшие струйки вискозы и превращаются в волокно.

Термин «осадительная ванна» почему-то наводит на мысль о грубом окрике: «Осади назад!» Вообще говоря, ванна оказывает вискозе не очень-то ласковый прием: гостя тотчас свертывается, превращаясь в нить.

Но и это еще не волокно! Суть химического прядения в том, чтобы у полученных молекул отнять едкий натр и сероуглерод, отщепить их. И тогда целлюлоза возвратится в первоначальное нерастворимое состояние. Вернется ее прочность. Особенно, если молекулы упорядочить. Как это сделать? Очень просто. Жгуты волокон вытягивают, и молекулы как бы распрямляются, плотнее прилегают друг к другу.

Вам, конечно, приходилось варить картошку? С виду картофелялина вроде бы уже готова, а кнешь ее вилкой — сыровата. Но ведь примерно то же может произойти и со стружкой вискозы в серной кислоте. Наружные слои будут обработаны, а внутренние нет. Чтобы такого не случилось, в осадительную ванну добавляют сульфаты натрия и цинка. Эти соли помогают вискозе превратиться в целлюлозу равномерно по всей толщине.

Удивительные вещи происходят в осадительной ванне! Дело в том, что встреча серной

кислоты с вискозой не проходит для нее бесследно: часть кислоты превращается в воду. Иными словами, кислота автоматически разбавляется водой. Концентрация все время падает. Этого допускать нельзя. Приходится часть раствора подкреплять кислотой и сульфатами, а избытки сливать.

Но куда сливать? Сливать раствор серной кислоты — дефицитнейшего хлеба химии!

Вот арамильцы и сооружают специальную установку для регенерации осадительной ванны. Воду в ней будут выпаривать, а серная кислота и сульфаты снова пойдут в дело. За год химики сэкономят свыше двух тысяч тонн кислоты. Каждая тонна этой чудесной жидкости — три тонны суперфосфата. Шутка ли!

Уменьшится расход кислоты и солей — снизится себестоимость волокна. А ведь дешевизна химической продукции при отличном качестве как раз и открывает ей «зеленую улицу»!

Арамильская ракета

От прядильных машин через весь цех тянутся два жгута волокон. В каждом из них — сотни тысяч тончайших нитей. На пути к резательной машине жгут промывается в горячей воде, вернее, в слабом растворе той же серной кислоты. Делается это в специальных аппаратах, похожих на толстые трубы. Здесь из волокон удаляется сероуглерод.

— И на этой стадии технологического процесса мы ищем способы экономии материалов, утилизации отходов, — сообщает старший мастер-технолог отделения формирования волокон Тамара Петровна Клочкова. — Не так давно сероуглерод из аппаратов выбрасывался в ат-

мосферу. А сейчас направляем его в газовый коллектор, конденсируем в холодильниках, очищаем и снова используем для сульфидирования алкалицеллюлозы. Наши отделочники Клавдия Ломовцева, Антонина Котельникова недавно нашли способ сберегать щелочь за счет повышения температуры раствора. Конечно, понадобилось вникнуть в суть химических реакций, а для этого нужны знания...

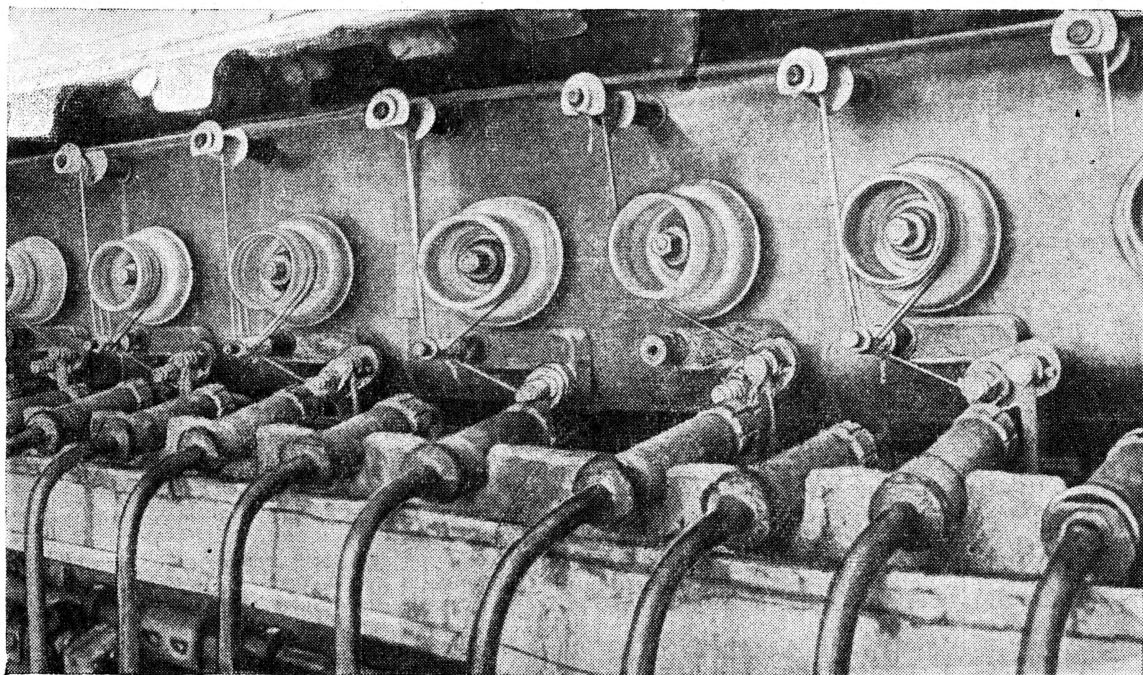
Тамара Петровна подробно рассказывает о творчестве химиков, об их учебе. Тем временем осматриваем участок отделки. Жгуты волокон по ходу своего движения промываются в длинных корытах со слабым раствором каустика. Здесь волокна очищаются от частиц серы. Затем еще один этап: нити обрабатываются олеиновым мылом. Оно придает им мягкость и блеск.

Теперь осталось разрезать жгут на штапельки и пропустить их через сушильный агрегат. И вот уже иссиня-черные пучки шелковистого штапеля упакованы в мешки. Их можно отправлять текстильщикам.

Арамильские химики поставляют волокно в Москву и Улан-Удэ, Прибалтику и Грузию — словом, во все концы Советского Союза. Не обижает и соседней — Арамильскую тонкосуконную фабрику.

Велика ли выгода народному хозяйству от уральского заменителя шерсти? Судите сами. Штапель примерно в шесть раз дешевле натуральной шерсти. А за год Арамильский завод даст столько волокна, сколько можно получить от стада овец... в полтора миллиона голов! Попробуй вырасти такую отару! А тут берут кубометр древесины и превращают его в 160—170 килограммов отличного волокна.

Широким шагом двинулась вперед уральская химия после декабрьского Пленума ЦК на-

шей партии. Не стоят на месте и арамилыцы. Они настойчиво совершенствуют технику и технологию производства, осваивают выпуск новой продукции. Вот что рассказала Зоя Ивановна Шереметьева.

— Раньше мы делали волокно № 1800. Это значит, что в килограмме штапеля — 1800 километров нитей. А с весны стали давать более высокий номер — 3200! Три тысячи двести километров!

Да, это требует немало сил. Раз отверстия в фильерах теперь гораздо тоньше — надо готовить идеально чистую вискозу.

В заключение о Юпитере. Не одна сотня миллионов километров до той далекой планеты. Но если связать волокна, которые делают арамилыские химики лишь за один месяц, то нить протянется от Арамии до загадочного Юпитера, да еще и останется «кусочек», равный рас-

стоянию от Земли до Венеры. А годовой продукции этого небольшого завода хватило бы, чтобы «связать» все планеты Солнечной системы.

Но дело не только в сравнениях с космическими расстояниями. Химия и космос вообще связаны очень прочно. И не только тем, что чудесные синтетические материалы используют для строительства ракет. Прогресс отрасли-волшебницы приведет к новым победам в освоении просторов космоса прежде всего потому, что она несет нам богатство, изобилие. Тут ее можно смело уподобить могучей ракете, которая позволит быстрее вывести страну на орбиту коммунизма.

Ради этого вдохновенно трудятся и арамилыские кудесники. Ведь их завод в этом смысле — тоже ракета.

В. АЛЕХИН

ЧЕЛОВЕК ПРИНЕС ЗАЯВЛЕНИЕ...

Человек принес заявление: *«Прошу разыскать моих родителей, которых я потеряла 28 лет назад...»*

Начинаются поиски. Их ведут сотрудники милиции. Дело трудное. Оно требует много времени, сноровки, находчивости, большого такта. Встречаются очень трудные случаи, когда близкие родственники потеряли друг друга еще во время гражданской войны — почти полвека назад!

Десятки тысяч запросов летят во все уголки Советского Союза. Запрашиваются различные учреждения. Работники милиции в городах и селах кропотливо перерывают горы дел давно минувших лет, пока найдут след затерявшегося человека. Результаты, как правило, хорошие. Так в 1963 году мы разыскали 770 родственников, за 6 месяцев 1964 года — 317.

Среди наших работников есть настоящие мастера своего дела.

Недавно редакция газеты «Советская Россия» сообщила в Ревдинский горотдел милиции, что к ним поступило письмо от жительницы Ревды Пархоменко, в котором она сердечно благодарит начальника паспортного стола Ивана Петровича Струганова за то, что он помог ей встретиться с родными.

Перелистывая дело, видишь, сколько сил пришлось вложить Ивану Петровичу в эту работу!

Пархоменко потеряла своих близких 32 года тому назад. Знала имя отца. Помнила, что у нее есть брат Александр. До войны они жили на

юге Украины, то ли в деревне Николаевка, то ли в Ивановке. Проверка по учетам Красного Креста ничего не дала. Начались розыски по всем южным областям Украины. В Крымской нашлся «подходящий» Пархоменко, но оказалось — просто однофамилец. Наконец на Днепротровщине установили брата, но об отце он ничего не знал. И снова поиски. Наконец в Херсонской области, Генничевском районе нашли родственников Пархоменко, которые рассказали о судьбе ее родителей.

«От души благодарим этого чуткого человека,— пишет в своем письме Пархоменко.— Он принес нам такое большое счастье! Недавно на своей родине — Херсонщине — встретила вся наша семья!»

Ивана Петровича Струганова всегда будет помнить воспитанник детского дома учащийся Ревдинского профтехучилища Леонид Кузнецов. В два года он остался без матери и ничего не помнил о своих родных. Струганов в Ирбитском районе разыскал отца и дальних родственников Леонида. Надо было видеть, какой радостью светилось лицо юноши, когда Иван Петрович принес ему письмо отца с приглашением приехать к нему.

Таких примеров можно привести сотни и сотни. И каждый из них — огромный, упорный, кропотливый труд очень чутких и внимательных людей — работников милиции, настоящих следопытов своего дела.

К. ТРИФОНОВ,
подполковник милиции

О НАЙДЕННОМ И НЕНАЙДЕННОМ

Поиски наследия поэта

В петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков поступил дворянин Манвелов. Получив одну из освободившихся коек, он решил привести в порядок стоявший возле нее шкафчик. Когда Манвелов выдвинул ящик, то обнаружил между ним и стенкой шкафчика какую-то тетрадь. Присев на койку, он стал рассматривать свою находку. Это был альбом рисунков, сделанных то пером, то простым карандашом. На одном из рисунков был изображен постоянный двор. Мимо избы проезжает тройка; в санях — ямщик и два седока. А вот равнина с виднеющимися вдали горами и каким-то жильем. Летит тройка. На козлах лакей; в коляске барин. Ямщик, сдвинув арзамасскую шапку набекрень, гонит вскачь свою тройку.

Перелистав еще несколько страниц, Манвелов обратил внимание на любопытную бытовую сценку: охоту с поросенком. На пригорке лес. У самого края едет тройка, запряженная в сани. Ямщик стоя правит лошадьми, а в санях полулежат два охотника. Один из них стреляет в стаю волков, которые несутся за поросенком, посаженным в мешок. Мешок же привязан длинной веревкой к саням и волочится позади тройки, привлекая волков.

На других листах конные уланы, лица людей, головы лошадей, пейзажи...

Не обнаружив на тетради имени хозяина, Манвелов показал свою находку товарищам: может, среди них художник? И тут выяснилось, что тетрадь эта принадлежала Лермонтову, уже отбывшему к месту службы.

Так эта тетрадь и осталась у Манвелова. Была она толстая — в 68 страниц, одета в картонный переплет с кожаным корешком. На листах две с половиной сотни рисунков, сделанных Лермонтовым за период учебы в школе гвардейских подпрапорщиков.

Н. Н. Манвелов долго хранил у себя драгоценную находку. Но в 1883 году при Николаевском кавалерийском училище был создан лермонтовский музей. Почитатели таланта поэта и особенно начальник училища А. А. Бильдерлинг старались собрать все, что было связано с жизнью Лермонтова и его творчеством. В этот музей и передал Манвелов свою тетрадь.

А однажды Бильдерлинг получил для музея необычный портрет. На нем был изображен знатный испанец в средневековом костюме, по выражению лица чем-то напоминающий Лермонтова.

Происхождение этого портрета походило на легенду.

Приехав однажды в Москву, Михаил Юрьевич остановился в доме своего приятеля Алексея Александровича Лопухина. Ночью Лермонтову приснился во сне его воображаемый предок Лерма. Утром, встав с постели, Михаил Юрьевич по памяти воспроизвел свое сновидение... на стене! Лицо испанца Лермы было настолько выразительно, что Лопухин решил во что бы то ни стало сохранить изображение. Он пригласил мастера, чтоб тот покрыл рисунок стеклом и плотно к стене приколотил рамку. Но неловкий мастер разбил штукатурку.

Невозможно было описать отчаяние Лопухина. Но Лермонтов успокоил его, обещав нарисовать точно такой же портрет на полотне. Вскоре он выполнил свое обещание и воспроизвел точнейшую копию поврежденного на стене изображения своего воображаемого предка.

Впоследствии этот портрет и подарил музею сын Лопухина.

Так, благодаря стараниям любителей поэзии Лермонтова, начали собираться воедино его автографы, книги, журналы с его стихами.

Среди тех, кто разыскивал наследие Лермонтова, были и истинные энтузиасты.

Небогатый пензенский помещик, живший недалеко от Чембар, П. К. Шугаев сделал большое дело: он собрал много документальных материалов о поэте и, кроме того, повидел всех тархановских старожил и записал их воспоминания о Лермонтове, его бабушке Е. А. Арсеневой, о его близких и дальних родственниках.

Одна из находок Шугаева особенно любопытна. Как-то знакомый рассказал Петру Кирилловичу Шугаеву о том, что он видел много лермонтовских рукописей и документов у одного из современников поэта. Шугаев принялся за розыски. Много ему пришлось потратить на это времени и сил. И вдруг он узнает, что владлец этих сокровищ лет восемь тому назад скончался, а все имущество перешло к бывшей его экономке.

Снова поиски, надежды, разочарования. Наконец, после невероятных усилий энтузиасту удалось найти старушку. Но та, оказалось, ничем помочь уже не могла: часть лермонтовских документов изорвал ее сын, когда был еще ребенком, а оставшуюся часть бумаг общим весом в три пуда она, не разбирая, продала калачни-

ку по 40 копеек за пуд. Калачник же употребил рукописи поэта на завертывание калачей и кренделей!

Итак, в результате больших трудов П. К. Шугаеву удалось найти лишь толстую тетрадь с переписанными стихотворениями Лермонтова да портрет поэта в лейб-гусарском мундире. Любопытно то, что тетрадь, о которой рассказывал Шугаев в своих воспоминаниях, снова пропала и до сих пор не найдена.

Очень много сделал для сохранения рукописей Лермонтова журналист Андрей Краевский, постоянный издатель и редактор всех произведений поэта. Публикуя стихотворения Лермонтова в своих журналах, Краевский оставлял рукописи себе и сберегал их как большую ценность.

Но, увы, не все подвластно даже самым старательным и талантливым следопытам, разыскивающим лермонтовские материалы. Несмотря на старания энтузиастов, многое так и не удается разыскать до сих пор.

Современники Лермонтова упоминают, что у поэта имелся альбом caricatur на Мартынова. Наиболее близким друзьям удавалось видеть эти рисунки, в которых высмеивался гордый, но недалекий офицер. Однополчанин Лермонтова Александр Иванович Арнольд так описывал альбом:

«Это была целая история в лицах, где красавец, бывший когда-то кавалергард, Мартынов был изображен в самом смешном виде, то въезжающим в Пятигорск, то рассыпающимся перед какою-нибудь красавицей и проч...»

И вот сейчас ни в государственных хранилищах, ни в личных коллекциях этого альбома не имеется. Он пропал бесследно. Одни считают, что альбом этот утерян при неизвестных обстоятельствах, другие — что он похищен врагами из имени А. А. Столыпина.

Е. П. Растопчина в письме к Александру Дюма рассказывала о том, как пропали некоторые автографы Лермонтова, когда тот был на Кавказе:

По мере того как он оканчивал, пересмотрев и исправив, тетрадку своих стихотворе-

ний, он отсылал ее к своим друзьям в Петербург; эти отправки — причина того, что мы должны оплакивать утрату нескольких из лучших его произведений. Курьеры, отправляемые из Тифлиса, бывают часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть в горные потоки или пропасти, через которые они переправляются на досках или же переходят вброд, где иногда, чтобы спасти самих себя, они бросают доверенные им пакеты, и таким образом пропали две-три тетради Лермонтова, это случилось с последней тетрадкой, отправленной Лермонтовым к своему издателю, так что от нее у нас остались только первоначальные наброски стихотворений вполне законченных, которые в ней заключались».

Как ни странно, но были такие люди, которые сознательно уничтожали рукописи Лермонтова.

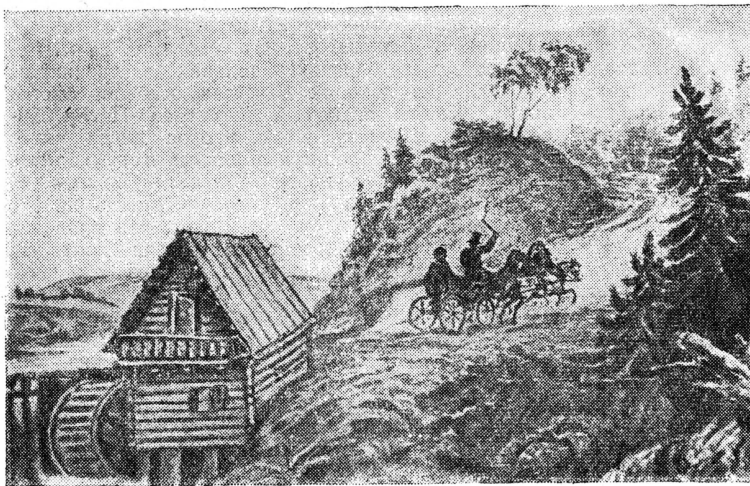
Близкий друг поэта А. П. Шан-Гирей пришел в негодование, когда после смерти Лермонтова в газетах и журналах стали появляться юношеские стихотворения поэта, отрывки из незавершенных произведений. Он был глубоко убежден, что для потомства важно только то, что публиковалось при жизни самого автора, остальное же должно быть уничтожено. Потому-то Шан-Гирей и поспешил сжечь после смерти Лермонтова многие его рукописи, бумаги. Он, например, страшно удивился, увидев, что каким-то образом уцелели «нестоящие», по его мнению, рукописи поэта. Записывал в воспоминаниях:

«Срок отпуска Лермонтова приближался к концу; он стал собирать обратно на Кавказ. Мы с ним сделали подробный пересмотр всем бумагам, выбрали несколько как напечатанных уже, так и еще не изданных и составили связку. «Когда, бог даст, вернусь, говорил он, может, еще что-нибудь прибавится сюда, и мы хорошенько разберемся и посмотрим, что надо будет поместить в томик и что выбросить». Бумаги эти я оставил у себя, остальные же как ненужный хлам, мы бросили в ящик. Если бы знал, где упадешь, — говорит пословица, — соломки бы подостлал; так и в этом случае: никогда не прощу себе, что весь этот хлам не отправил тогда же на кухню под плиту».

Шан-Гирей с удовлетворением вспоминал, что сожжена была первая поэма Лермонтова «Индиянка», и пришел в неопределимое отчаяние от того, что уцелела драма «Menchen und Leiden sih aften». Он писал: *«Не понимаю, каким образом оно (это произведение, Б. Ч.) оказалось налицо; я был уверен, что мы сожгли эту трагедию вместе с другими плохими стихами, которых была целая куча».*

После такой «работы» одного из друзей поэта, кажется, ничего не оставалось делать исследователям, как смириться с мыслью, что больше ничего найти нельзя, и довольство-

Пейзаж с мельницей и скачущей тройкой. Акварель М. Ю. Лермонтова.

ваться уцелевшими. Но исследователи-энтузиасты не опустили руки. Правда, если говорить о новых документах, которые находят историки и литературоведы, то счастье больше улыбается пушкинистам; материалы, связанные с Лермонтовым, находятся значительно реже и не в таком количестве, как о его знаменитом путешественнике. Но все же нет-нет, да и промелькнет в газете, журнале или в специальном сборнике сообщение о новонайденных черновых набросках стихотворений поэта, его автографах; находят книги с дарственными надписями или письма.

Расскажем об одной любопытной находке лермонтовского автографа.

В салоне Елизаветы Алексеевны Карлгоф гостями бывали Крылов, Денис Давыдов, Жуковский, Вяземский. Хозяйка дома пожимала руку Пушкину, Полевому, Карлу Брюллову. О своих встречах с прославленными современниками она оставила воспоминания: «Жизнь прожить — не поле перейти». В своих записках Елизавета Алексеевна довольно живо описала свою первую встречу с Пушкиным, давала краткие, иногда не лишённые меткости характеристики писателям, художникам, музыкантам.

В 1884 году Е. А. Карлгоф обратилась с просьбой к другу Лермонтова С. А. Раевскому подарить ей какой-нибудь автограф покойного поэта. Тот не замедлил откликнуться на ее просьбу и прислал листок со стихотворением и рисунками Лермонтова. На листочке — головы людей, наброски лошадей. А вот восемь неизвестных строк:

*Никто моим словам не внемлет... Я один.
День гаснет... Красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной — я полон весь мечтами
О будущем.. и дни мои толпой
Однообразно проходят предо мной.
И тщетно я ищущу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный
судьбой!*

Далее шли строки, напоминающие лермонтовское стихотворение «Гляжу на будущность с боязнью...»

Долгое время листочек с рисунками и стихотворением Лермонтова не был известен историкам литературы. Но лет тридцать тому назад исследователь Н. Пахомов обнаружил его в архивных материалах, принадлежавших ранее Елизавете Алексеевне Карлгоф. Пахомов передал лермонтовский автограф в Государственный литературный музей.

Примерно в это же время (в 30-е годы нашего века) Общество политкаторжан приобрело архив семьи Якушкиных. В нем исследователи обнаружили копию ранней редакции «Маскарада», сделанную самим Лермонтовым. Драма в первой редакции была запрещена цензурой, и Лермонтову пришлось переработать ее, создать «вторую редакцию». А рукопись варианта «Маскарада» так и пропала. И вот спустя почти сотню лет один из ранних вариантов был найден в архиве Якушкиных.

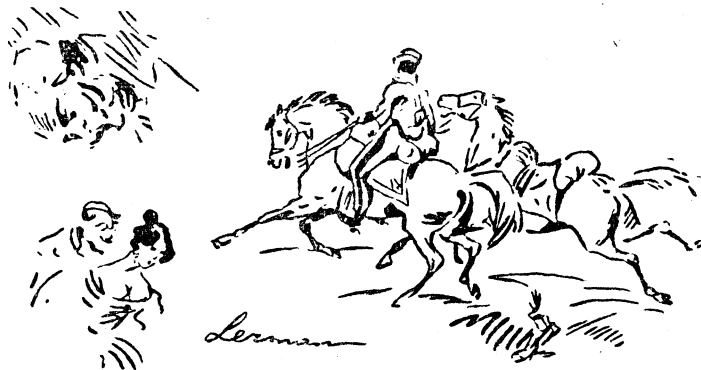

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

В 1959 году доцент Иркутского университета С. Шостакович обнаружил в фондах Центрального государственного исторического архива в Москве интересную переписку Бенкендорфа и Николая I.

В письме к царю шеф жандармов сообщал, что он послал стихотворение Лермонтова генералу Веймарну, чтобы допросить поэта, который содержался при Главном штабе без права видеться с кем-нибудь извне. Далее Бенкендорф сообщал свое мнение Николаю I о стихотворении «На смерть поэта»:

«Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. По словам Лермонтова, эти стихи распространяются в городе одним из его товарищей, которого он не захотел назвать».

Прочитав письмо Бенкендорфа, Николай I наложил такую резолюцию:

«Приятные стихи, нечего сказать: я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

В последних словах Николая содержался, видимо, намек на то, что с Лермонтовым возможно было поступить так же, как с П. А. Чаадаевым — попросту объявить сумасшедшим.

Сейчас лермонтовские документы находятся в основном в двух крупнейших хранилищах Ленинграда — в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Пушкинском доме. Некоторые документы сохраняются в Москве, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Те богатые материалы, которые находились при Николаевском кавалерийском училище, перешли в Пушкинский дом.

А начало лермонтовскому фонду Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина положил князь В. Ф. Одоевский. Произошло это таким образом.

Лермонтов в последний раз уезжал на Кавказ. Перед отъездом Одоевский вручил ему чистую записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю испишанную».

Поэт аккуратно выполнял просьбу своего

друга: возил книжку всегда с собою, записывал в нее свои новые стихотворения.

После гибели Михаила Юрьевича эта записная книжка с автографами поэта попала опять хозяину. Одоевский же в 1857 году подарил драгоценный альбом Публичной библиотеке.

Автографы произведений Лермонтова имеют большое значение особенно потому, что они нередко являются единственным источником, по которому могут публиковаться тексты его стихотворений и некоторых прозаических произведений. Ведь большая часть литературного наследия поэта не была опубликована при его жизни.

В разыскании автографов и биографических материалов Лермонтова большая заслуга принадлежит энтузиасту-исследователю Ираклию Андроникову, чья работа получила горячее признание не только литературоведов, но и широких масс читателей. Трудно перечислить все находки и открытия, которые сделаны советским ученым. Ко дню юбилея Ираклий Андроников вы-

пустил новую книгу о Лермонтове, где впервые опубликованы тексты поэта, обнаруженные им в нашей стране и за границей. Так, читатели могут впервые познакомиться с неизвестным стихотворением Лермонтова «Послание».

Советский исследователь-лермонтовед В. А. Мануйлов однажды заметил в одной из своих работ:

«До нас дошло в печатном или рукописном виде большинство произведений Лермонтова. Однако возможность открытия новых текстов (и весьма значительных по своей ценности) не исключается. Каждый вновь найденный автограф вносит уточнения в наше представление о творческой эволюции Лермонтова».

Понски наследия замечательного русского поэта не прекращаются.

Б. ЧЕЛЫШЕВ, доцент
Кишиневского университета

ПЕРМСКИЙ ЛИСТ

В художественной галерее города Перми бережно хранится лист с подлинными рисунками Михаила Юрьевича Лермонтова.

На листе, с обеих сторон которого поэт набросал тринадцать зарисовок, имеется надпись: *«Сцены из ставропольской жизни, майя 18—1837 — Лермонтов».*

Репродукции с этого листа уже печатались, но, к сожалению, даже специалисты еще очень мало знают о рисунках: портреты ли это, и если да, то чьи?

Искусствовед Н. П. Пахомов в работе «Живописное наследство Лермонтова», говоря о пермском листе, отметил: *«Рисунок этот представляет для нас значительный интерес, так как устанавливает новую точную дату пребывания Лермонтова в Ставрополе весной 1837 года; кроме того, на нем, очевидно, даны четыре портретных зарисовки».*

Из всех зарисовок «мы можем — писал далее Н. П. Пахомов, — расшифровать только первую: в фигуре крестящегося генерала возможно найти сходство с генералом бароном Григорием Владимировичем Розеном, командиром Отдельного кавказского корпуса, под начальством которого служил Лермонтов в первую ссылку свою на Кавказ и о котором он упоминает в своем письме к бабушке из Пятигорска от 18 июля 1837 года».

Об остальных зарисовках исследователь с огорчением писал: *«Расшифровать, кто изображен на рисунке, нам не удалось».*

Не удалось одному, может быть, удастся другому? Эта мысль заставила меня заинтересоваться портретными рисунками на «пермском листе поэта». Я разыскивал и внимательно рассматривал портреты людей, окружавших поэта на Кавказе, в частности в Ставрополе.

И вот оказалось, что даже единственная предположительно расшифрованная зарисовка — *«Фигура крестящегося генерала»* — расшифрована неверно. Она изображает не генерала Розена, а другого генерала — начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморин Павла Ивановича Петрова, родственника поэта (он был женат на двоюродной сестре матери Лермонтова). Для того чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно посмотреть на портрет П. И. Петрова, что висит в экспозиции музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске. Сын этого генерала, А. П. Петров, в своих воспоминаниях писал: *«Михаил Юрьевич был не только хорошим нашим знакомым, но и родственником... В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он находился в Ставрополе... Ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он (Лермонтов) совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой».*

Тетка умерла за полгода до приезда Лермонтова в Ставрополь. Потерявший жену, П. И. Петров в горе своем впал в особую набожность. Не случайно поэт изобразил его в момент молитвы.

Что же касается мнения Н. П. Пахомова, то ведь оно не более как предположение, высказанное об этой зарисовке в осторожной форме.

К расшифровке другой зарисовки — *«Фигура военного без фуражки в накинутой на плечи шинели»* — пришлось даже привлечь экспертизу.

Однажды в Рукописном отделе Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина при просмотре поступившего из Костромы семейного архива уже упоминавшегося Аркадия Петрова, среди дневников, рукописных книг, тетрадей со стиха-

ми, альбомов с рисунками, списков книг и разных заметок Аркадия Павловича Петрова был неожиданно обнаружен портрет, набросанный карандашом на бумаге и только в верхней части — законченный акварелью. На нем изображен человек в череске, с пышными генеральскими эполетами, при орденах и медалях. Пожилой, серьезный, даже чем-то сильно огорченный, с небесно-голубыми грустными глазами. В документации указывалось, что это — портрет Павла Ивановича Петрова.

Мне же он сильно напоминал «давно знакомые черты» рисунка *человека в шинели* на «пермском листе». Необходимо было проверить, насколько это верно.

И вот две фотографии лежат рядом. Одна — с новонайденного акварельного портрета, другая — с нерасшифрованного карандашного наброска, сделанного Лермонтовым. Сравниваю, сопоставляю их и постепенно убеждаюсь, что на рисунке и портрете изображено одно и то же лицо.

На рисунке Лермонтова, как и на портрете, тот же самый простой пробор с левой стороны, точно так же свисающие волосы, а прядь одинаково закрывает лоб. Такой же довольно большой, слегка изогнутый нос с характерными длинными ноздрями, те же по-чумацки опущенные вниз усы.

Но эту связь рисунка с портретом надо еще доказать. Поэтому пришлось обратиться к специалистам.

* * *

Из книги академика В. В. Данилевского об изобретателе Нартове мне было известно, что в сличении портретов ему очень помог криминалист-эксперт Б. Р. Киричинский, живущий и работающий в Киеве.

Мы встретились. Посмотрев на фотографии рисунка Лермонтова, двух портретов «Петрова» и нескольких других лиц, «подозреваемых» в том, что кто-то из них мог быть изображен на лермонтовском рисунке, Киричинский сказал:

— В этой любопытной задаче есть одно непреодолимое препятствие. На всех портретах изображение лица дано с поворотом в три четверти или около того, а рисунок сделан в профиль. Для научной экспертизы необходимо брать за основу такую постоянную величину, как расстояние между зрачками. Затем по расстоянию в соответствующем масштабе делаются все сравниваемые изображения лиц, и только после этого можно приступать к различным сопоставлениям, которые и приведут к тому или иному выводу. В данном случае экспертиза исключается... Я давно и сильно люблю замечательные произведения Лермонтова и поэтому... ничего не обещаю, но попробую. Оставьте фотокопии на несколько дней.

Через несколько дней мы встретились снова. Борис Романович сообщил:

— Из всех портретов мы... (тут он сказал, что, следуя мудрой народной пословице «одна голова хорошо, а две лучше», он привлек к изучению фотографий Елену Юльевну Брайчевскую, которая три десятилетия работает в отделе судебной фотографии Киевского научно-исследовательского института судебной экспертизы)... мы отобрали два наиболее близких. В них особенно поражает необыкновенное сходство и внешне-

Бильдерлинг А. А. Портрет М. Ю. Лермонтова в папахе и бурке Нижегородского драгунского полка.

сти и внутреннего состояния изображенного человека.

Мнение Е. Ю. Брайчевской и Б. Р. Киричинского подтвердили и другие специалисты.

В Москве, в Научно-исследовательском институте милиции, мне посоветовали проконсультироваться у молодого, но уже отлично зарекомендовавшего себя специалиста в области исследования внешности человека, кандидата юридических наук Виктора Алексеевича Снеткова.

Внимательно всматриваясь в фотокопии рисунка и портретов, думая вслух, он говорит:

— О какой-либо экспертизе в строго научном понимании этого слова здесь совершенно не может быть и речи, поскольку перед нами не фотографии лиц, а рисунок и портреты. Однако, сопоставляя те из признаков лица, которые отобразил художник, можно сказать, что портрет номер четыре (это был акварельный портрет из архива Петрова) ближе всего к портрету номер первый (это был рисунок Лермонтова). Фасон причёски, форма волос и вид усов у лиц, изображенных на них, одинаковы; совпадают также лоб — по высоте, глубина переносья, очень похож нос по контуру спинки, кончика и положения основания. Художник точно передал даже характерную дряблость щек, складками висящих на уровне нижней челюсти.

Можно было считать, что догадка подтвердилась: Лермонтов изобразил генерала П. И. Петрова.

Обрадованный, я рассказал о расшифрованном рисунке Лермонтова в статье, которую послал в пермскую газету «Звезда». Статья, хотя

Бильдерлинг А. А. Портрет М. Ю. Лермонтова юнкером.

и в сокращенном виде, была опубликована. Я был рад, что мне удалось расшифровать еще один рисунок на «пермском листе поэта».

Но спустя некоторое время, при дальнейшем изучении «пермского листа», мне бросилась в глаза невероятнейшая нелепость. Получается, что на одном и том же листе, даже на одной и той же его стороне, Лермонтов нарисовал дважды П. И. Петрова. Причем рисунки совершенно не похожи.

Так который же из двух рисунков изображает П. И. Петрова?

Новые поиски позволили установить, что на портрете, найденном в костромском архиве Петровых, изображен не П. И. Петров, а генерал-майор Петр Семенович Верзилин, бывший наказным атаманом Кавказского линейного войска с 1832 по 1837 год.

Но, если это так, то и на «том» рисунке Лермонтова изображен П. С. Верзилин? Пожалуй, да. Ведь все установленное экспертами

в разных городах о полном сходстве этого рисунка с акварельным портретом остается по-прежнему в силе.

* * *

А кто изображен на остальных зарисовках? Об этом пока можно только гадать.

Складывается убеждение, что это тоже работники штаба войск, находившиеся тогда в Ставрополе.

На третьей зарисовке «*фигура военного по пояс (точнее, по грудь), с усами и взбитым комом*», возможно, изображает дежурного штаб-офицера, гвардии капитана Всеволожского.

А еле заметный набросок головы «*мужчины с большими усами, прямолично*», скорее всего изображает служившего в те времена при штабе казачьего офицера, сотника Ивана Порохню.

Однако и то и другое еще нуждается в тщательной проверке.

В фигуре «*рослого военного с шапкой волнистых волос*» некоторые исследователи (например, профессор А. В. Попов из Ставрополя и сотрудник лермонтовского музея в Пятигорске С. И. Недумов) «определенно видят» генерала А. А. Вельяминова. Он с 1831 года был командующим Кавказской линией и Черноморией, а до того состоял начальником штаба у Ермолова. Вельяминов благожелательно относился к жертвам царского произвола — к поэту Полежаеву, композитору Алябьеву, декабристам Бестужеву-Марлинскому, Лореру и другим, встретив которых, заверил, что даст им возможность отличиться и перестать быть солдатами. Не случайно Грибоедов считал свое знакомство с Вельяминовым, как «прекраснейшее открытие достойного человека». Лермонтов был хорошо знаком с этим генералом.

* * *

Невольно напрашивается вывод, что портретных рисунков у Лермонтова во много раз больше, чем принято считать, а на пермском листе все зарисовки — портретны. Они ждут внимания и труда исследователей и, надо надеяться, со временем все будут расшифрованы.

Нужно ли говорить о том, как много даст расшифровка этих зарисовок для более полного знания жизни Лермонтова, для изучения его окружения, для более проникновенного понимания его творчества!

Леонид ПРОКОПЕНКО

А как попал в Пермь этот лист с рисунками Лермонтова?

Такой вопрос, вероятно, возникнет у большинства читателей очерка Л. Прокопенко. Поэтому редакция обратилась к старейшему пермскому искусствоведа Николаю Николаевичу Серебрянникову с просьбой рассказать, что он знает об истории появления лермонтовского листа в Перми. Вот что он ответил:

В 90-х годах прошлого столетия малограмотный кунгурский сапожный подмастерье Е. Н. Косвинцев вдруг стал сотрудником уральских, а затем и столичных газет и журналов. Случай необыкновенный! А достиг он этого путем самообразования и благодаря незаурядным своим способностям.

Косвинцев писал не только корреспонденции, статьи, очерки, но и стихи; неплохо рисовал; изучал и печатал исторические материалы об Урале; собирал предметы старины и искусства и дарил их в музеи. В Пермскую

художественную галерею он передал интересную коллекцию русских народных картинок XVIII—XIX веков, серию гравюр и рисунков.

С 1923 года Е. Н. Косвинцев работал в Москве (в редакции «Правда»). По воспоминаниям знавших его людей, он часто ходил на аукционы старинных и художественных предметов, часами бродил по Сухареву и Смоленскому рынкам и выискивал там среди раскладок старья интересные предметы. Ценные рукописи и редкие издания он находил среди книжных «развалов» у букинистов, гнездившихся тогда у Китайской стены, Ильинских ворот.

Так Е. Н. Косвинцеву удалось приобрести и этот лист рисунков замечательного русского поэта М. Ю. Лермонтова, который затем был передан в Пермскую художественную галерею.

Н. СЕРЕБРЕННИКОВ

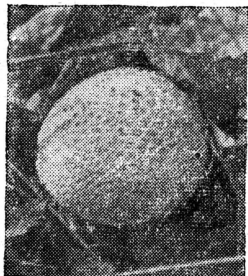
Загадочный промысел

В прошлом веке часть жителей села Петропавловского, на месте которого вырос город Североуральск (Свердловская область), занималась заготовкой сосны и лиственницы. В те годы здесь не велось ни строительства, ни углежжения. К тому же, вокруг предприятий и селений Богословского горного округа, куда входило Петропавловское, лесу было вволю.

Старожил Петр Геронтьевич Баянов оставил после себя летопись здешних мест. В одной из тетрадей написано: «Жители заготавливали сосну и лиственку, только ровную по кругу и по диаметру соответствующую мерке, которую давал финн-подрядчик». Затем бревна на лошадях отправляли в Богословск. Баянов писал, что даже при рубке на выбор удавалось только из 15—20 спиленных деревьев найти одно нужное.

Цель этого промысла долгое время была загадкой. Ответ на нее получили лишь тогда, когда удалось разыскать недостающую тетрадь летописи. Оказывается, из таких бревен в прошлом веке делались колеса для вагонеток, которые работали на шахтах и заводах Богословского горного округа.

А. МАЛЬЦЕВ

Гриб, «добывающий» цинк

В 1934 году два чехословацких химика, Бабичка и Немак, определяли химический состав зерен кукурузы, выросшей в районе города Ослани. В золе сожженных зерен под микроскопом они увидели тончайшие металлические нити и пластинки, которые растворились только в «царской водке».

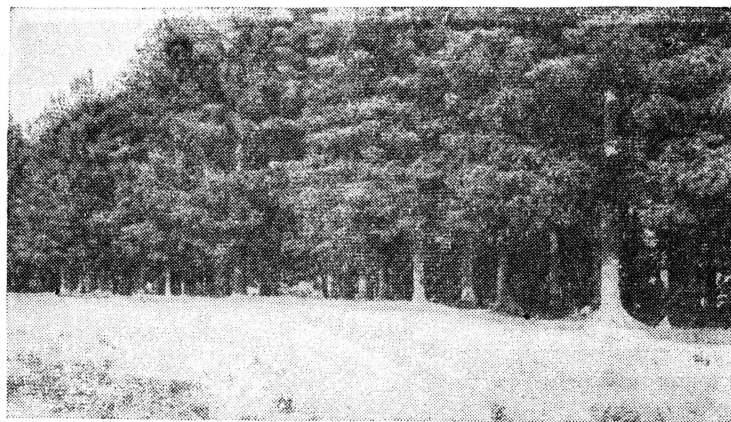
Неужели золото? — подумали исследователи. Дальнейшие многочисленные анализы подтвердили догадку. Тогда химики провели анализ почв и горных пород в окрестностях Ослани и обнаружили золото, примерно 0,2 грамма на тонну породы.

Некоторые растения в

Столетняя кедровая роща

В нагорной части Тобольска, прилегающая к Завальному кладбищу-музею, растет столетняя кедровая роща. Посадил ее участник польского восстания 1863 года Журавский. Он выкопал молодые кедровые деревца в таежных лесах, а затем перенес их на свою усадьбу.

Сейчас рощу опекает правнук Журавского — Петр Петрович Журав-

больших концентрациях накапливают цинк, никель, медь. В одном килограмме гриба-дождевика, какой вы видите на снимке, содержится 0,242

грамма цинка. А красный мухомор усиленно концентрирует очень редкий элемент — ванадий.

А. КЛЕБАНОВ, инженер

ский — инвалид Великой Отечественной войны.

Столетние кедры единственные в Тобольске. Посадки более ранних лет не сохранились. О них мы знаем только по литературе.

Сибирскими кедром, разведенными в 18 веке, побывав в Тобольске, восхищались современники П. Ершова — автора сказки «Конек-Горбунук». Это глядя на них, Василий Дмитриев в начале прошлого столетия восторженно писал: «Славьтесь, места, любимые солнцем, гордитесь, высоты ливанские, своими кедром; не видя вас в моем отечестве на матерой земле, России принадлежащей, не смею и величать, но зато в глазах моих тенистый кедр богатой Сибири не уступит вам в красотах своих и мне вас заменит; какое величие в осанке сего дерева, какая священная тень в густоте лесов его».

Под кроной кедров Дмитриев встретил в 1818 году почтенных лет старца, который поведал ему, что кедровые дички он посадил в юности. При царице Елизавете его взяли в солдаты. После 25-летней службы он уже не встретил никого из своих родных, но посаженные им деревья сохранились и обильно плодоносили.

Что стало с более ранними культурами кедром сибирского в окрестностях Тобольска, неизвестно. Но столетние красавцы, посаженные польским повстанцем Журавским, в расцвете.

Следопытам города надо взять эту рощу под свое покровительство, помогать Петру Петровичу охранять ее и передать приумноженной как зеленую эстафету другим поколениям.

М. ПЕТРОВ.

ДОЗОР

*Комсомольцам
оперативного отряда
Кировского района
города Свердловска*

* * *

— **Добрый вечер!** —
Включаются телевизоры.
— **Добрый вечер!** —
Лепечут бульвары кленами,
И от Втузгородка
до ВИЗа
Переполнен
Свердловск
влюбленными.
Атакуя трамваи дружно,
Как в субботу заведено,
Мчит
в театры
мой город-труженик,
В филармонию
и в кино.

* * *

Как воробьи на жердочке,
На лоб напялив кепочки,
Заскучали жорочки,
Старички-скептики.
Местные мистеры,
Плоские прически,
Рижские
транзистеры,
Шведские обноски.
Туп с похмелья
взгляд тюлений,
Мальчик щурится в народ:
Мол тебе —
проспектом Ленина,
А нам наоборот —
«Брод»...

— **Есть сорочки и чулки**
Из заграники...
— **Не стройте ли, чуваки,**
На полбанки!..

* * *

Вдоль гомона и говора,
Скверов и обочин
Идет
патруль
по городу
Дозорный,
рабочий.
Всю неделю за станком,
Им бы —
на свидание,
Но заданье райком,
Дал народ
заданье,—
Чтоб смести
метлой поганых
Жуликов-соколиков,
Чтобы —
к ногтю хулиганов,
В баню —
алкоголиков!

* * *

— Ну, какая это жись!
Тягнули по-братски,
Вдруг, откуда ни возьмись,
Красные повязки:
«Ах вот,— говорит,—
Компания блатная!
Пройдем,— говорит,—
Сквер — не пивная.
Прихвати,— говорит,—
Кстати, и посуду.
Не беги,— говорит,—
Дам пятнадцать суток...»

* * *

В штабе —
Словно в поликлинике:
Порядок, чистота.
— Девочки с «плотинки»,
А ну-ка сюда!..
Сивухой разит
От такой «брижжитки».
— Любовь! — говорит,—
Что за пережитки!
Все берут на учет,
Чем бедняга мучится:
Как живет! Сколько пьет!
Почему не учится!
В стороне — смущенный вор,
Тут особый разговор.
Ключики... Отмычки...
— Дайте сигаретку,

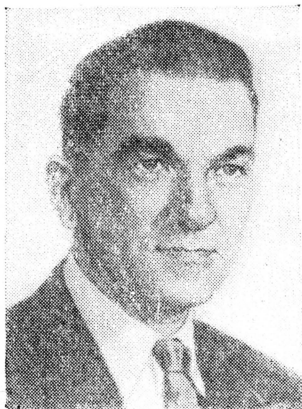
Тяжело с отвычки
Видеть небо в клетку...

* * *

Ветерки бегут по газонам,
На проспектах темным-темно,
Но не гаснет никак
бессонное
В комсомольском штабе окно.
У дверей машина:
— Грузите!
Есть тут пьяные в вырезвитель!
...Погрузив
пьянчугу
заботливо,
Вытирает дружинник лоб:
Словно на
цеховом субботнике
Целый вечер
лопатой греб.
Подбородок тронул ладонью.
— Эх, теперь бы
помыться всласть.
Что ж, ребята,
пора до дому!
Мать, наверное, заждалась...
Будет день,
будет снова солнце,
Пахнет чистый рассвет озоном,
По родным площадям
комсомольцы
Богатырским идут дозором...

Б. ФЕДОРОВ

О бессмертных

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

За самоотверженные действия и мужество, проявленные при задержании опасных преступников, наградить членов добровольной народной дружины **ЛЯПУСТИНА** Алексея Георгиевича и **ЧЕВДАРЯ** Ивана Георгиевича орденом Красной Звезды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ
СЕКРЕТАРЬ Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА КРЕМЛЬ
24 ДЕКАБРЯ 1962.

В тот вечер Алексей Георгиевич Ляпустин дежурил по штабу народной дружины. В штаб сообщили о трех пьяных головорезах. Ляпустин и Чевдарь задержали их. По дороге в штаб один из бандитов ударил ножом Чевдаря, а затем Ляпустина.

И не стало замечательного человека. Но память о нем останется навечно.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1962 года А. Г. Ляпустин и И. Г. Чевдарь награждены орденами Красной Звезды. Березняковская улица, на которой жил коммунист Ляпустин, теперь носит его имя. Именем героя-дружинника названы музыкальная школа и добровольная народная дружина Свердловского камвольного комбината.

Его десять помощников

«Преступника преследует Панов!» Почти четверть века в Свердловском уголовном розыске эта фраза звучала как самая лучшая аттестация, как надежная гарантия того, что преступник не уйдет. Почти четверть века беспрепятственных погонь, преследований, риска, нередко связанного с опасностью для жизни...

А помощники? Это Джильда, Рено, Пальма, Дежурный, Дикс, Найда... Собаки-ищейки. «Десять их было у меня», — говорит Андрей Николаевич.

Грудь Андрея Николаевича украшают орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» (хотя получил ее в тылу, в военные годы), «За отличную охрану общественного порядка» — чисто милицейский почетный знак. Премия — малокалиберная винтовка.

В книге учета отмечено: только в 1963 году им раскрыто восемнадцать преступлений. А всего? — «Долго считать».

Поглядишь — совсем не богатырь. Худо-

щав. Среднего роста. Длинное узкое лицо, изрезанное глубокими рытвинами (поработаешь в угрозыске — еще не то наживешь!), часто освещается лукавой, задорной и доброжелательной улыбкой, глаза открытые, ясные. Любит шутку-прибаутку.

В ноябре 1932 года прибыл он, имея двадцать шесть лет от роду, из армии в милицию. До тридцати девятого был рядовым милиционером, потом поступил в школу проводников службнорозыскных собак. Почему пошел туда, и сам не знает. «Кто желает?» — спросил командир. Ну, он и пожелал...

Учился в Свердловске у Плишкина, Борисова. Многие старые собаководы помнят их. Прошел шестимесячные курсы. Поскольку у него уже был стаж работы в милиции, требовалось только освоить спецслужбу — розыскную, с собакой. После стал проводником — сержант милиции. За двадцать пять лет дослужился до старшего лейтенанта. Первая собака была Джильда, серая овчарка, похожая на волка. Сам дрессировал. Сперва боялся подойти к ней — больно люта, никого не подпускает. Начал кормить, угощать, ходить. Стала хвостом вилять,

ПО СЛЕДУ...

как увидит... Потом совсем привыкла. А уж когда вышли впервые на поимку вора, ох и поволновался! Как-то сработает Джильда? Не осрамиться бы...

Впрочем, предоставим слово Андрею Николаевичу.

Черная кошка

В ноябре тридцать девятого вышел я в первый раз с Джильдой на расследование квартирной кражи. Было страшно, понимаешь. Сам учил собаку, а как выучил? Вдруг плохо?

В доме на улице Красноармейской неизвестный проник через окно в квартиру и унес костюм, пальто, еще кое-что. Вещи хорошие, ценные. Хозяйка до слез переживала. «Костюм,— говорит,— только мужу справила, украли костюм»... Ясно, жалко.

Чтобы собака взяла след, надо осмотреть все — местность, предмет взлома, не сохранилось ли там чего-нибудь такого с запахом преступника. Сделали наружный осмотр. Ничего нет. Зашли в квартиру с оперуполномоченным Завьяловым. Джильда — впереди, тянет за поводок, я ее держу. Завьялов сзади идет.

Только, понимаешь, вошли, кошка черная с русской печи как шебырнется на собаку! Будто ее кто сбросил! Урчит, взъерошилась, когти выпустила. В морду Джильде метила, да промазала. С собаки — на оперуполномоченного, прямо на грудь, он только рукой успел прикрыть. Потом в окно... Окно разбила.

Джильда, конечно, зарычала, закрутилась на месте. Рвется — еле удержал. Завьялов напугался. Сперва-то даже за револьвер схватился. К кобуре руку приложил, потом опаматовался: в кого стрелять будет? В кошку?

Я, само собой, тоже растерялся. Идешь ждешь, весь напряженный, а тут черт кошку бросил.. Да еще черную! Плохая примета. Тьфу ты, думаю, пропало дело. Черная кошка

дорогу перебежала, не получится ничего. Джильда отвлеклась. С непривычки-то каждая мелочь непреодолимым препятствием кажется. Хоть назад поворачивай.

Ну, все-таки скомандовал «фу!».

Джильда была уравновешенная собака, сразу послушалась. Я ее успокоил, погладил. И сам успокоился.

А Завьялов еще долго кошку вспоминал! Идет чертыхается. Неудобно вышло.

В квартире ничего не обнаружили. Пошли в сад. В саду у окна — отпечатки ног. Глубоко вдавлены: прыгнул с подоконника. У меня даже под ложечкой екнуло. Неужели, думаю, найдем? Применил собаку: «Джильда, нюхай!» Она понюхала и пошла. Мы за ней.

Прошли огороды двух усадеб.

Зашли в третий двор. Джильда стала лаять на дверь. Постучали. Один раз, пожалуй, только и стукнули. Дверь открылась. Парень лет двадцати пяти. Пьяный в стельку. «Чего надо?»

Ну, а Джильда спрашивать не стала. Сразу на него. Он отшатнулся, чуть не упал. Завьялов его за подлокотки. Собака в угол тянет меня. А там все украденное лежит. И костюм, и пальто...

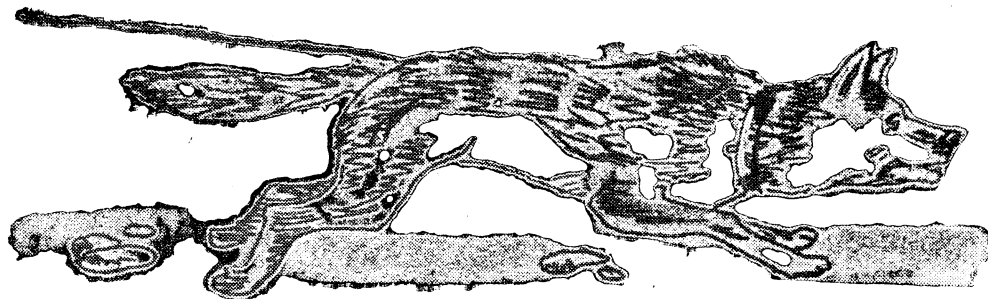
Вор очухаться не успел. Закрылся в своей квартире, думал не найдут. Стал запирается: «Это мое». Да какое же «мое»! Своя вещь висит в порядке, а тут брошено в углу. Пригласили пострадавших. Ну, они сразу опознали вещи.

Выходит, не помешала черная кошка...

Дело табак

А это в войну случилось. У меня уже опыт был. Ночью кто-то совершил кражу из продуктового склада. Вызвали меня с Джильдой. Прибыли мы на место. На Шейнкмана 19, дом Востокостали. Большой жилой дом, знаете. В пристрое склад.

Следы обнаружили на задах склада рано

утром. Часа три или четыре было. А может, пять. Светло, словом. Весна, светает рано.

Собака прошла квартал, дальше нейдет. Затоптано?

Обычно в таких случаях берешь другие следы. Сделаешь петлю или обогнешь угол, пустишь собаку, и она опять потянет, как по ниточке.

А тут ни в какую! Вот, понимаешь, какая незадача. Крутится на месте, тычется туда-сюда, а дальше ни шагу. Отойдешь, пустишь — опять сюда подводит, и точка.

Опустился я на четвереньки, по-собачьи. А зелень уж была, травка небольшая. Смотрю: что-то желтое. Прянулся, взял на ладошку — табак! Махорка! Опытный жулик!

Что делать? Собака нейдет, острые запахи у нее чутье отбивают. Смотрит на меня виновато, хвостом виляет, будто говорит: «Извини, не могу. Уж не сердчай...»

И впрямь табак дело получается. Слыхали такое выражение? Значит, в том смысле: хуже некуда.

Что делать? Не бросать же... Пришлось «своим чутьем», способом доводки. В трудную минуту и такой способ может пригодиться! Главное, не растеряться. Сам прошел по табаку метров пятьдесят. Я впереди, а Джильда за мной. Поменялись местами. А табак хорошо видно: желтая дорожка, сыпал старался... Табак подвел к жилому дому. Метров пять — восемь только не досыпано. Но тут уже опять Джильда взялась за дело. От шоколада обертку нашли, в траве кинута. Ну, думаю, теперь не уйдешь.

К двери. Постучал, пустили. Эге, не спят, нас, что ли, ждут! Трое. Здоровые ребята. Опомниться не успели — Джильда уже обнаружила краденое, недалеко спрятано было. Ну, правда, вор был один; двое посторонних, ни в чем не виноваты и про дело не знали. Это уже потом выяснилось, на следствии. А тут я скомандовал им всем троим, Джильда проконвоировала до отделения милиции.

Помог табачок-то!

Расплата—жизнь

В войну нашему брату пришлось трудненько. Развелось много всякого жуля. Ловить некому, бороться некому. Опытные оперативные работники ушли на фронт, в армию. Мастерам темных дел раздолье. В точности, как волки: те тоже в военные годы расплодились по лесам... Охотников не стало!

Во время войны они почти все вооруженные были, бандиты. Едешь на задание, думаешь: вернешься не вернешься... Других убивали. У меня даже ранения не было. Потому — Джильда всегда при мне. «Личная охрана».

Джильда, голубушка, сколько раз мне жизнь сохранила.

Как-то, помню, выезжали с нею в Красноуфимск. Там целая банда сколотилась. Уголовный элемент. Брала ее. Ничего. Выполнили все, как полагается, и вернулись домой в целости...

«Джильда, ищи!» — и начинается очередная цепочка расследования. На одном конце ее мы с Джильдой, на другом — жулик или, может, даже несколько, целая компания... Кто кого? Вопрос серьезный.

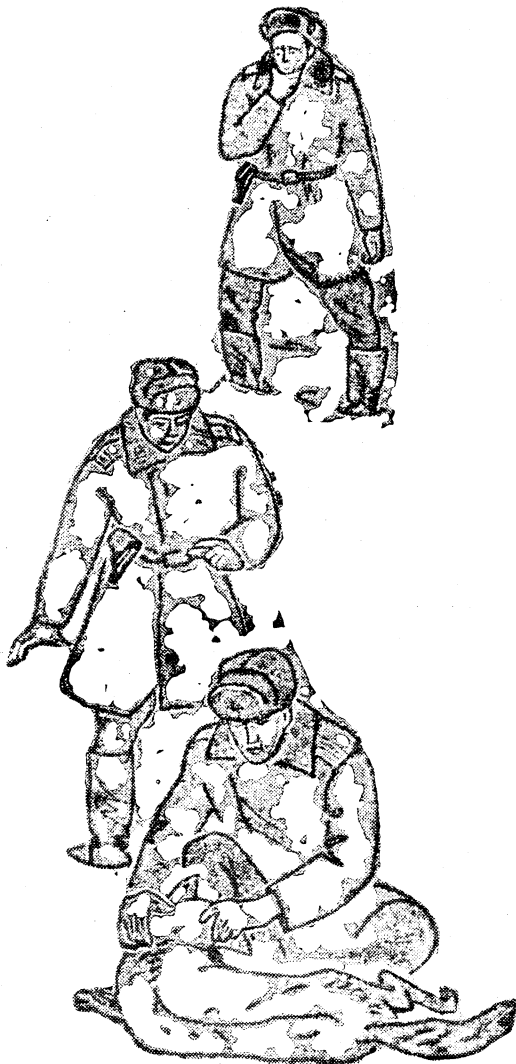
И чем все кончится, тоже не знаешь. Такая работа.

Раз позвонили по телефону: сторож лежит около магазина, связанный. Соседи увидели — сообщили. Ночью. Преступление не любит света, черные дела всегда совершаются в темноте. Он и не слышал, как к нему подобралась, ударили по голове, взяли кусок материи из магазина да примотали к весам. Спеленали, как младенца: ни рукой, ни ногой. Дали коробку папирос. «Кури». В издевку, значит.

Увезли продукты. Ящик масла, консервы. Я дал понюхать Джильде след санок: «Ищи!»

Повела она к горнозаводскому поселку. Дошли до улицы Тагильской. С полкилометра прошли. А тут как раз ручей, мостик переброшен небольшой. Она под мост. Глядим, там ящики свалены, все кучкой лежат.

Со мной было два оперуполномоченных. Молодые. Я посоветовался с ними: продолжать проработку следа или засаду делать? За ящиками придут — мы и сцапаем голубчиков.

Не успели договориться, глядь: трое идут. Один — под мост. Я выскакиваю навстречу с собакой, даю выстрел. Они, все трое, бежать. Я пускаю собаку на задержание: «Фас!»

Джилда выбежала на взлобок, они, все трое, выстрелили. Ранили ее. Слышу, завизжала. Я еще: «Фас!» Она еще бросилась. Снова выстрелили. Упала. Я к ней.

Оплошали оперуполномоченные. Говорю, молодые были. Когда я выбежал, им надо было за мной, а они остались около ящиков. Недоработка получилась.

Я еще раз выстрелил жуликам вдогонку. Позднее выяснилось, что попал одному в протезную руку. Инвалид он был, с искусственной рукой. А я еще подумал, что не должен был промахнуться! Их задержали через полтора года, на другом «деле», тогда все и стало известно до точности.

Подбежал я к Джилде. А она лежит, голу-бушка. Голову подняла и опять опустила. Осветил фонарем, вижу: кровь. Вся в крови, и лужа подтекла. Встать не может. Взял я ее на руки, отвез на машине в больницу на улице Белинского. Тороплю: скорей, скорей! Врача с постели подняли.

У Джилды было горло пробито. Другая пуля прошла насквозь. Посмотрели под рентгеном, хотели делать операцию. А уже поздно. Не дождалась...

Когда я ее привез, на столе лежала, как мертвая. Хочу уйти — она переворачивается. Раз упала. Вот ведь какая привязчивая. Ты скажи, до самой последней минуты меня не выпускала из виду, до последней крайности. Сколько мы с нею вместе опасностей пережили — не сосчитать. Где еще такого друга возьмешь?

Вздохнула в последний раз — и прощай...

Вышел я из больницы, ни людей, ни света не вижу. Реву, как маленький. Иду, а слезы в три ручья, не могу унять. Люди на меня глядят, что, думают, такое случилось у мужика? В опасные минуты не дрейфил, а тут...

А все оперуполномоченные виноваты. Сплоховали. Не растеряйся они, и жуликов сразу бы поймали, и Джилда была бы жива.

Оплошал — расплата жизнь. Если не твоя, так ее.

Такая работа.

Двое с обрезами

Как-то весной, под вечер, еще светло было, директор магазина сообщает: вооруженное нападение на кассира. Бакалейный магазин по улице 8-го марта, № 95.

Выехали. Кассир, женщина лет тридцати, рана в руку. Деньги не взяты. Народу много было. Говорят: «Двое подошли к кассе, наставили обрезы: деньги отдай. Она шум подняла, они выстрелили — и наутек».

У меня тогда Пальма была. Черная, как уголь. Тоже работала хорошо. Тоже спокойная, уравновешенная, исполнительная. Прошли мы с нею квартал. Вышли на улицу Белинского, к троллейбусной остановке. Обрыв следа...

Люди видели: бежали двое в нетрезвом виде. Добежали до остановки, сели, уехали.

Приехали мы в управление милиции. Через пять минут звонят: снова нападение на кассира,

НА БАСМАЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Камилу Ярмадова старшее поколение кинозрителей помнит по фильмам: «Из-под сводов мечети», «Гость из Мекки», а среднее и младшее — по фильмам «Друзья встречаются вновь», «Алишер Навои», «Авиценна». Но немногим известно, что в 1921 году Камил Ярмадов служил в милиции.

Обстановка в Канибадаме, маленьком таджикском городке, была тревожной: вокруг бесчинствовали басмачи, и милиция была в боевой готовности.

Тогда-то с Ярмадовым и познакомился писатель Леонид Соловьев.

«...Начальником районной милиции в Канибадаме, — вспоминал позднее Леонид Соловьев, — был в те годы Камил Ярмадов, ныне благополучно здравствующий народный артист СССР. Он был высоким, стройным, подтянутым и необычайно красивым, причем его красота носила сосредоточенный, углубленный в себя, несколько мрачный характер. Он появлялся в Канибадаме редко, на несколько дней, а в остальное время гонялся со своим отрядом милиционеров за остатками разбитых басмаческих шаек. Просто удивительно, как он тогда не сложился где-нибудь в горах своей головой».

Однажды в Канибадам приехала на гастроли драматическая труппа во главе с основателем советского таджикского театра Хамзой. Перед началом гастролей случилась беда: в труппе не нашлось подходящего типажу на роль басмаческого курбаши. Неожиданно кто-то из актеров увидел среди зрителей молодого начальника милиции. Его мощная высокая фигура, сабля и маузер в деревянной кобуре произвели впечатление, и Ярмадова уговорили сыграть... басмача.

Правда, роль была довольно простой: стоять на сцене и слушать, что про тебя говорят. Но дебют будущего народного артиста СССР кончился неудачно. Ярмадов не выдержал ругани, которая обрушилась на него как на басмаческого курбаши... и красной от стыда сбежал.

А основание ненавидеть басмачей у члена коммунистического союза молодежи Ярмадова было. Басмачи нападали на аулы, грабили мирных жителей, убивали коммунистов и комсомольцев. Один из их вожakov даже дал клятву отомстить Ярмадову за все те потери, которые понесла его банда от милиционеров Канибадама. Темной ночью налетели на город басмачи, завязался бой. Много погибло тогда красных милиционеров от кривых басмаческих сабель, но Ярмадов сумел отбиться. Когда басмачей вышибли из города, Камил узнал, что бандиты разгромили его дом, а отца привязали к лошади и увели в горы...

Впоследствии впечатление, связанные с борьбой против басмачей, легли в основу некоторых актерских и режиссерских работ Камилу Ярмадова.

Л. С.

теперь на улице Бажова. Деньги опять не взяли, только угрожали. Сильно пьяные.

Мы с Пальмой туда. Пока в этом магазине разговаривали, подъехал таксист, говорит: «На улице Шевченко двое с обрезам, в сильном опьянении стреляли в женщину. Правда, не попали».

Мы — в машину. Доезжаем до улицы Шевченко, заворачиваем. Смотрим, двое с обрезам идут. Мне начальник скомандовал:

— Панов!

Я уж знаю. Раз «Панов», значит, «действуй!».

Наставление молодым

Выпрыгнул, машина еще остановиться не успела. Собаке: «Фас!» Им кричу: «Стрелять буду!» Они остановились.

Патроны были еще, штуки по две, по три. Свободно могли убить. А как увидели собаку, оцепенели.

Тут наши подскочили. Одного собака держит, другого они. Не убежишь. Постреляли — хватит.

Вот и вся история.

На воре шапка горит

А тут дело было в овощесовхозе на Гореловском кордоне... Бригадир жалуется директору: как ни придут рабочие на работу — опять огурцов недосчитываются. Подозрение на сторожа. Больше никому. Но у него — ничего, никаких улики.

Решили применить собаку.

А что она искать будет? Доказательств никаких. Огурцы как огурцы, на грядке все одинаковые. Росписи он на них не оставил.

Утром, часов в десять, я приехал с Пальмой. Обследовали. С чего начинать — неизвестно...

Сторож лет пятидесяти, с бородой. Сытый такой. Глядит в глаза, не сморгнет. Ему что. Не пойман — не вор! А поди поймай. Никаких признаков.

Рабочие все тоже глядят. Интересно: ходит милицейский с собакой.

Вот, понимаешь, история. Осрамиться не охота.

Решил опять «способом доводки».

При обследовании я нашел люк, через который можно проникнуть в теплицу, минуя дверь. Около люка — следы ног. Дай, думаю, применю выборку. Есть такой прием. Поставил всех в шеренгу. Сторожа тоже. Его или не его следы?.. Попытка не пытка!

Пальме говорю: «Ищи!»

Нарочно громко сказал, авторитетно.

Она стала всех по очереди нюхать. Сторож стоит и, вижу, вроде бы в лице начал меняться. Рот то закроет, то откроет, как чебак. Глаза выпучил. А я виду не подаю.

Только она до него дошла, потянулась, чтобы ему живот понюхать, он вдруг как заорет:

— Как она могла знать, что я сюда огурцы-то ложил?!

Не выдержал, стало быть. После рассказал все, как было. «Пока дежурю, приготовлю к утру: сорву — и на базар. Работаю через день, мне хватало».

Никогда не терялся, а тут растерялся. Одним видом его собака допекла.

Самое быстрое расследование

Звонит в управление женщина:

— У меня соседка была, пропали часы. Нельзя ли собачку вызвать? Я уверена, что это она взяла, соседка, больше никому...

Я как раз трубку взял. Говорю:

— Пожалуйста.

Записал адрес. Не успел собраться, снова звонок. Она же:

— Прошу извинить: соседка услышала, что я вызываю собаку, часы принесла...

От других мне не раз приходилось слышать: не работает собака, ничего не получается. Вроде бы устарело это занятие...

Собака не автомат, а живое существо. Ее уважать надо, понимать, чувствовать. Без этого ничего не сделаешь.

Иной раз молодые обижаются: «Я образование имею хорошее!» А собаку не понимает. Откуда же будут результаты?!

Первое дело — внимательность. На собаку надейся, сам не плошай. Проводнику надо быть, как артисту. Собака очень смотрит на проводника. Как он, так и она. Плохое поведение проводника — и ничего не сделаешь. Никакое образование не поможет.

Ну, конечно, времена меняются. Милиция теперь другая. Прежде транспорта было меньше, а теперь и рации, и автомашины — все, что хочешь. Легче стоять на страже законности и порядка.

В начале шестьдесят четвертого года проводили меня на пенсию. Говорят: поработал — пора отдохнуть. Провожали хорошо. Грех обижаться. А дело привычное все тянет...

Сейчас у меня Найда. Молоденькая еще, год с небольшим. Учу. Пригодится, мало ли что бывает! Это моя первая личная собака. Вот грибы пойдут, посажу в мотоцикл — и айда в лес... С нею веселее. Привык я к собачкам за двадцать-то пять лет!

И еще одно хочу сказать молодым: помни, какому делу служишь. Пусть тебе погоня за жуликами не затмевает глаза, не портит характера. Жуликов — единицы, честных людей — тысячи, народ. У народа нашего лучшая в мире власть — Советская. А милиционер представитель этой власти.

Значит, будь строг к себе, не оказывай себе поблажек. Оправдай доверие. На людей не рычи, не громыхай, действуй вежливо — тебя же больше уважать будут. Конечно, от возни с преступниками радости мало, но любое дело можно делать по-человечески, с душой, даже самое тяжелое и неприятное, если от него польза.

И еще одно: если избрал специальность проводника розыскной собаки и хочешь по-настоящему добиться успеха, надо любить свою собаку. С нее все и начинается...

Б. РЯБИНИН

Рисунки Б. Палеха

Чусовая... Неповторим ее облик. Повидаешь раз — запомнишь на всю жизнь и всегда будешь мечтать о повторной поездке по быстрой красавице («чус-ва» значит «быстрая вода»).

«Камни», «переборы», стремительный бег воды... То засияет солнце над головой, то загремит гром в горах... На дню несколько перемен, не знаешь, что будет через полчаса. На рассвете все одето в густой туман. Но взошло солнце, разогнало молочную мглу, — и вновь засияли вокруг яркие чистые краски!

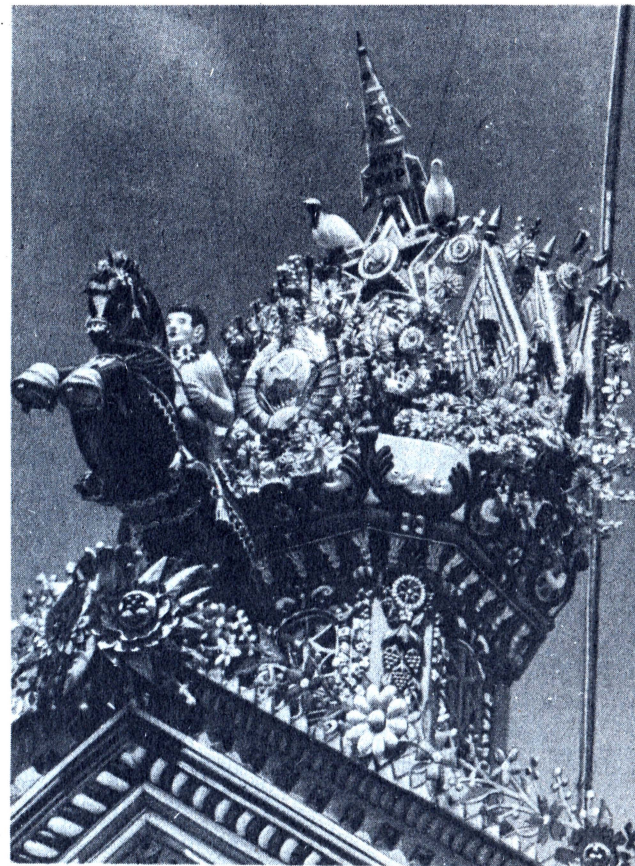
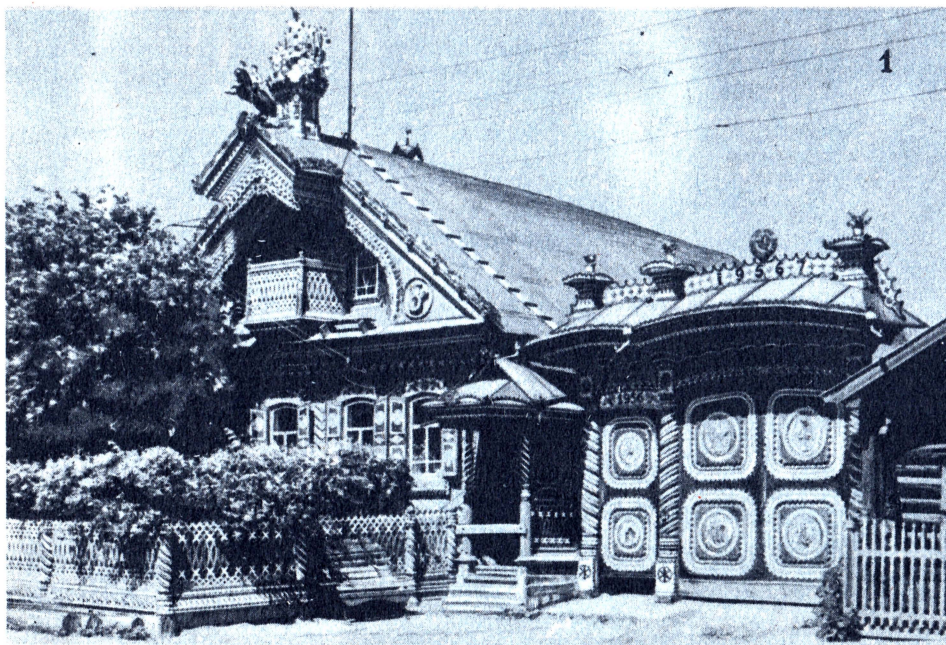
Чусовая прекрасна. Незабываемы ее пейзажи. Помните Камень Печку? Прозрачные стремительные струи тащат плоскодонку прямо в этот каменный зев; кажется, не миновать беды; но внезапно лодку отшвыривает к другому берегу, и через несколько сотен метров она входит в темную молчаливую сень другого каменного великана — Камня Высокого. Таких камней на реке много.

Художник В. Яковлев

Уральские Теремки

В уральских городках и селах иной раз встретишь такой оригинальный домик, что невольно останавливаешься, восхищенный и удивленный — будто домик из сказки встал на твоём пути. Так и хочется спросить: „Терем-теремок! Кто в тереме живет?“

С этим домиком (1) читатели „Следопыта“ вроде бы знакомы. Да, это о нем писалось в № 5 за 1960 год. Но как он с тех пор изменился! Сличите-ка снимки. Смотрите, какая причудливая башенка появилась на коньке крыши, сколько нового прибавилось еще в отделке домика-теремка. Неумные руки умельца не могут отдыхать без любимого дела. Их отдых — в работе.

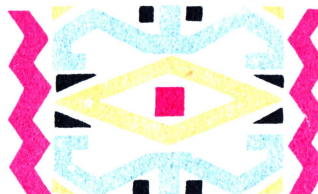
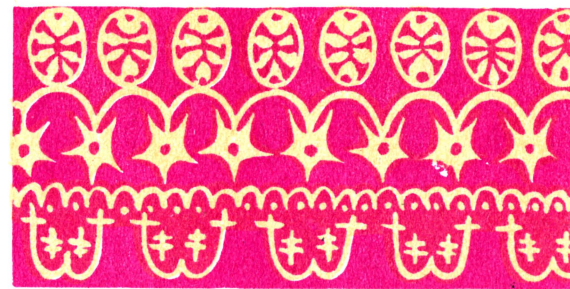
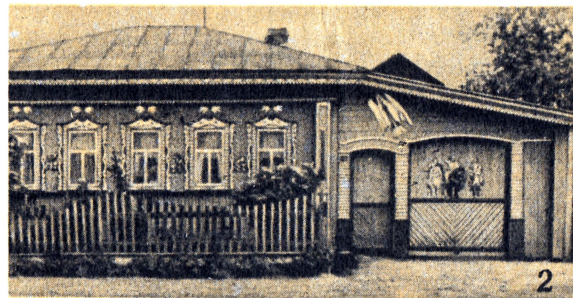
А живёт в тереме, что стоит в деревне Кунара Невьянского района, все тот же кузнец Кириллов.

Около этого дома в деревне Уфимка (2), которая входит в район города Михайловский (Свердловская область), всегда много ребятшек. И не удивительно: с фасада дома на них смотрят герои веселой сказки „Колобок“, а на воротах можно увидеть былинных богатырей — Илью Муромца, Алешу Поповича и Добрыню Никитича. Художественной резьбой украшены и карнизы дома.

Из домика-теремка вышел мастер-строитель Михайловского совхоза Николай Федорович Косолапов.

Николай Федорович в детстве любил рисовать, выпиливать и резать по дереву. Потом он стал строить дома, животноводческие фермы в совхозе, а в свободное время продолжал что-нибудь мастерить. Так появилась в квартире мебель, отделанная изящным орнаментом, потом и сам домик украсился искусной отделкой.

В поселке Двуреченском по набережной № 29 нам встретилась целая улочка домиков-теремков (3). Разукрасив деревянную резьбой свой домик, его хозяин Павел Алексеевич Абрисимов, бывший кузнец, ныне пенсионер, поставил рядом еще несколько игрушечных домиков. Это ограда усадьбы. Но посмотрите, как оригинально, с какой выдумкой сделана она!

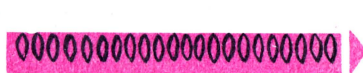
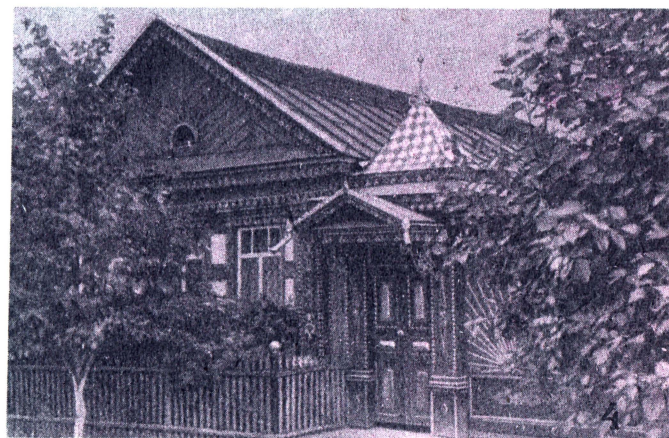

В городке золотодобытчиков — Березовском на улице Новой еще один домик-теремок (4). Он весь в разноцветном деревянном кружеве — сверху донизу покрыт прихотливой деревянной резьбой. Искусные руки мастера украсили не только лицевой фасад. Зайдите во двор — и удивитесь еще больше: там тоже все, как в сказке: разнаряжены сени, сарайчик, тепличка, беседка, даже собачья будка.

Спросите любого прохожего: „Что в этом тереме живет?“ — и вам ответят: Виктор Николаевич Вольхин.

Идобавят: ему за шестьдесят, он пенсионер, но еще недавно работал электриком гаража. Полюбить красоту, приохотиться к искусству деревянной резьбы ему помог еще с детства его отец, умелый мастер-кузнец.

Русскому народу всегда было присуще чувство красоты, стремление облагородить свой труд, украсить его. Ученые-искусствоведы до сих пор с неослабеваемым интересом изучают древнее искусство резьбы по дереву, камнерезное мастерство, образцы художественного литья мастеров-уральцев. Но это искусство живет и в наши дни — эстафета красоты передается из рук в руки от поколения к поколению.

Формула счастья

Повесть

Олег КОРЯКОВ

Рисунки Ю. Ефимова

*Он устремлен вперед. Ведь он искатель.
Такого же искателя он ищет,
Который ищет вдалеке другого
И в нем себе подобного находит.
Вся жизнь его — искание исканий.
Он будущее видит в настоящем.
В нем жажда бесконечных устремлений*

Роберт Фрост

Задача с двумя неизвестными

Выйдя из воды, Ярослав пробежался по берегу, потом улегся на теплых пластмассовых мостках. Пологие, плоские волны, взблескивая солнцем, безостановочно катились из яркой, словно намалеванной сини озера. Собственно, это было не озеро, а пруд с давним, почти забытым названием Партизанский. Но все его звали просто Озером. Вдали бугрились чуть подернутые маревом невысокие уральские горы.

Ветерок и солнце быстро сушили тело. Ярослав закрыл глаза. Волны плескались о берег мерно, и от этого шум сосен казался ритмически организованным. Ярославу почудилось даже, что он улавливает неясную мелодию. В нее вплетался легкий сипловатый стрекот пассажирских электролетов. Их стоянка была недалеко.

По мосткам мягко прошлепали босые ноги и остановились. «Ранó», — догадался Ярослав. Он представил, как она, чуть склонив голову, смотрит на него. Ему хотелось, чтобы взгляд был нежным.

— Дремлешь? — спросила Ранó и села рядом.

* Печатается с сокращением.

— Слушаю мир, — сказал Ярослав, не открывая глаз.

— И что ты услышал?

— Очень многое. Плеск волн и шум деревьев. Стрекот пассажирских козьяков и грохот ракет, которые уходят в космос. И бесшумный лет Земли и шорохи Юпитера. И то, как ты натягиваешь белую купальную шапочку.

— Как ты узнал, что белую?

— Она тебе идет больше других. Золотистое тело, черные волосы и белая шапочка.

— Яр, тебе полезно валяться на солнце: оно будит в тебе поэта.

— Хо! — Ярослав стремительно сел. — Зачем его будить? Поэт всегда бодрствует во мне.

Светлые, коротко подстриженные волосы Яра еще не успели просохнуть и смешно торчали. Ранó посмотрела на его стройное мускулистое тело и решила, что с завтрашнего дня («Почему с завтрашнего, а не сегодня?» — тут же подумала она) заставит Андрея по два часа в день плавать. И в ту же секунду Ярослав спросил об Андрее:

— Где твой братец?

— С утра дежурил в школьной фонотеке.

— Это уже было три дня назад.

— Андрею нравится. Он хочет придумать какую-то новую систему программирования для кибер-учетчиков.

— Значит, придумает. — Ярослав сделал стойку на руках, потом опять сел. — Мой дед

говорит, что характер мужчины отределяется в шестнадцать лет. А у Андрея он определился в десять. Уже тогда — помнишь? — Андрей доказал, что он выполняет все им задуманное.

— А у тебя характер определился? — улыбнулась Ранó.

— Нет, ведь я нормальный человек. Подожду, когда исполнится шестнадцать. Ждать совсем недолго.

Ранó опять улыбнулась, чему-то своему, затаенно, и задумалась.

Солнце медленно катилось меж высоких и легких перистых облаков. В парке было малоллюдно. Кое-кто плавал в озере, другие отдыхали на мостках; на теннисных кортах глухо ударились мячи.

— Ты будешь купаться? — спросил Ярослав.

— А у тебя радик с собой? — вместо ответа поинтересовалась Ранó.

— Со мной. Ты хочешь вызвать Андрея?

— Да. Он просил позвать его, если я встречусь с тобой. Что-то опять придумал...

Ярослав протянул ей карманный радиовидеотелефон. Пальцы Ранó быстрыми легкими движениями прошли по кнопочному циферблату настройки и вызова. Одна из плоскостей аппарата вспыхнула мягким фосфоресцирующим светом. Вскоре в ней появилось чуть одуловатое лицо Андрея. Угольно-черные волосы топорщились — видно, по обыкновению, он ерошил их. Андрей был недоволен: оторвали от дела.

Ранó усмехнулась, но совсем не добродушно:

— Я не теряю надежды, Анд, что когда-нибудь ты приучишь себя начинать разговор с более приятным выражением лица.

— Это так важно?

— Разве ты живешь вне общества? — Ранó начинала сердиться.

— А я надеюсь, что когда-нибудь ты приучишь себя разговаривать со мной без нотаций.

— Не раньше, чем ты научишься вести себя.

— Это все, что ты хотела мне сообщить?

— Мы ждем тебя в парке, справа от главного эскалатора.

— Мы — это, надеюсь, с Яром?

— Конечно.

Лицо Андрея просветлело.

— Прости, я был не прав. Сейчас буду...

— Спасибо, — сказала Ранó, возвращая радик Ярославу. И тут же рассмеялась: — Нет, характер Анда вовсе не определился. Во всяком случае, я его таким не приемлю. Потому что упорство — это еще не характер. Анд не умеет уважать людей. Извиняться — не значит быть воспитанным. Быть воспитанным — значит не допускать того, за что необходимо извиняться.

— Ох, и строгая сестра! — покрутил головой Ярослав.

— Справедливая, — поправила Ранó.

Она была моложе их на год, и все же они не могли не слушаться ее. Может быть, потому что она была почти безупречна и, значит, имела право на власть.

Их семья издавна жила в одном микрорайоне, и ребята воспитывались в одном ин-

тернате. Ранó для Ярослава была как сестра, Ярослав для нее — как брат. Она, пожалуй, любила его еще больше, чем родного брата Андрея. Но, конечно, не показывала вида. Старалась не показывать. Ведь нехорошо, если мать отдаст предпочтение одному из сыновей, а сестра — одному из братьев. Это древняя мудрость. В Ранó она была.

В ней вообще было что-то древнее. Наверное, в глазах. Они были диковатые. О нет, не безумные и не бездумные, наоборот, в них светилась мысль, в ее больших и темных карих глазах. Но очень уж яркий, даже яростный огонь порой вспыхивал в них, хотя тут же, сдерживая себя, Ранó тушила его. В этом огне, думалось Ярославу, горят отблески великих страстей и бед, пережитых ее далекими предками и в кровавых битвах двадцатого века, и еще раньше, в пламени народных восстаний, и еще — в угрюмых походах и безжалостных сечах полудиких азиатских орд.

А может, это только казалось Ярославу? Он любил думать о прошлом человечества. Его не переставала удивлять поразительная история людей — этих существ, которые, в общем-то, еще совсем недавно ютились в пещерах и землянках, дубинками и камнями отбивались от четвероногого зверья, потом нелепо враждовали друг с другом и в то же время стремились к идеальному устройству общества. Ярослав уже опубликовал две свои первые заметки в юношеском журнале археологов и не то шутя, не то серьезно говорил, что когда-нибудь напишет труд, в котором обобщит закономерности общественного развития разумных существ Вселенной.

— Смотри-ка! — воскликнула Ранó. — Мир меняется на глазах. Анд идет по тропинке.

Ярослав оглянулся. Действительно, Андрей, на удивление, в этот раз не воспользовался эскалатором, бегущим к озеру, а спустился с горки, от остановки электролетов, по пешеходной тропе.

— Поздравляю, — с усмешкой встретила его сестра. — Ты, я вижу, решил-таки приобрести истинно спортивную закалку.

Андрей рядом с ней казался грузным и неповоротливым.

— Скажи, историк, — обратился он к Ярославу, — девчонки всегда были такими? И в двадцатом веке, и раньше — в средневековье? Они такими будут и в двадцать втором столетии? Видимо, в них, где-то внутри, навечно запрятана мечта о восстановлении матриархата. Они хотят властвовать. Неистребимый пережиток древности.

— А тебе нужен патриархат? — сверкнула глазами Ранó.

Ярослав усмехнулся.

— Ведь ты знаешь, Анд, что в переводе на русский имя Ранó означает: шиповник, дикая роза.

Ранó мгновенно повернулась к Ярославу.

— Ты хочешь сказать, что я похожа на розу или что у дикой розы есть колючки?

— Конечно, он говорит о колючках, — пожал плечами Андрей. — Видишь, историко-лингвистические данные помогли нам научно обосновать особенности твоего характера.

Глаза Ранó блестели. Она любила перепалки.

— Ну, подождите, я свой характер покажу в воде!

Андрей присел под тент, сказал миролюбиво:

— К тому времени я тебя умаслю. Нет, серьезно, Ранó. Я должен признаться, кое в чем ты права. Сегодня я слушал запись последнего выступления профессора Беляева. Вообще он говорил о бионике, но, между прочим, привел факты, которые заставили меня задуматься о себе. Как ни разумны люди и их образ жизни, человек как вид хиреет, если он слишком увлекается вот такими благами цивилизации.— Андрей кивнул на бегущую ленту эскалатора.— Беляев говорит, что совершенно необходимы постоянная закалка и тренировка.

— О, люди!— с трагическим пафосом воскликнула Ранó.— Но ведь именно это нам внушали с первых школьных лет.

— Я как-то не придавал этому значения,— признался Андрей.

Ярослав улыбнулся.

— До сегодняшнего дня Анд не слышал этого в своих ультрафонограммах.

То была шпилька. Книгам и лекциям Андрей предпочитал звукозапись. В их школе работала экспериментальная серия аппаратов, которые, преобразуя звуковые волны в электромагнитные, определенной силы и частоты, позволяли воспринимать запись непосредственно мозгом. Усвоение «услышанного» было очень быстрым и прочным. Ярослав же больше любил чтение: оно позволяло наслаждаться самим процессом познания.

— Скоро и у тебя ультрафонограммы станут любимыми,— возразил Андрей другу.— Они у всех станут любимыми. Это неизбежно.

Ярослав смешно сморщился и тут же вскочил.

— Поплыли?

— Сядь,— попросил Андрей.— Я ведь по делу. Помнишь, я говорил, что предстоит диспут с парнями из Чили. О будущем. Я говорил об этом, как о задаче с одним неизвестным— грядущим. На самом деле неизвестных два. Чтобы точнее представить будущее, необходимо знать прошлое. Это как функциональный график...

— Чем я могу помочь? — прервал Ярослав.

— Не знаю. Наверное, советом. Учебники истории, литература прошлого — это одно. Мне нужно глубже. Мне нужен... живой человек из прошлого. Без литературной обработки. Из того времени, когда страна начинала выходить на магистрали коммунизма

— Ой-е-ей, как он у нас умеет говорить! — насмешливо кольнула брата Ранó.

Ярослав напомнил:

— А все-таки что хотел бы ты?

— Понятия не имею. Но что-то такое, что можно... подержать в руках, ощутить, понять.

Ярослав что-то соображал.

— Надо посоветоваться с дедом,— наконец, сказал он.— Он ждет меня сегодня к обеду. Нагрянем вместе?

Ранó задумчиво пересыпала песок из ладони в ладонь.

— Интересно,— тихо сказала она.— И немножко страшно.

— Почему? — вскинул на него глаза Ярослав.

Она ничего не ответила, встала и пошла в воду.

Обед у деду

Дед Ярослава родился в 1999 году и потому с усмешечкой говаривал, что он человек из прошлого века.

Его отец был астрономонтажником и погиб при закладке лаборатории на Марсе. Юрий Крылов не пошел по отцовским стопам. Увлеченный поразительными успехами биофизики, он с молодых лет работал в пищевой промышленности, конструируя новые виды полезных бактерий, а позднее перенес опыты на растения и сейчас трудился на плодовой плантации. Свой досуг, кроме обычных увлечений, Юрий Игоревич посвящал историческим исследованиям — они стали его второй профессией, и, наверное, от него это увлечение перешло и к Ярославу...

Дед встретил внука и его друзей у своротка шоссе от элострады к плантации.

— Бездельникам легко узнать друг друга,— улыбнулся он.— До обеда еще сорок минут, а вы уже здесь, и я встречаю вас. Выходит, все мы бездельники. Здравствуйте, юные!

— Добрый день, Юрий Игоревич!

— Мы не хотели опоздать,— добродушно скитрил Ярослав.

— Вы хотели, чтобы до обеда я обыграл вас в городки,— тут же принял решение Юрий Игоревич.— А Ранó может поразмяться с Анной Александровной на теннисной площадке. Или с нами?

— Спасибо. С Анной Александровной.

Андрей склонился к уху Ярослава.

— Может, поговорить с ним сейчас?

— После,— отмахнулся Ярослав и повернулся к деду:— Ты даешь нам с Андреем фигуру вперед?

— Две,— коротко бросил дед и побежал впереди ребят.

Впрочем, впереди он бежал недолго. Ярослав бурно обошел его и, добежав до площадки, быстро начал строить городошную фигуру.

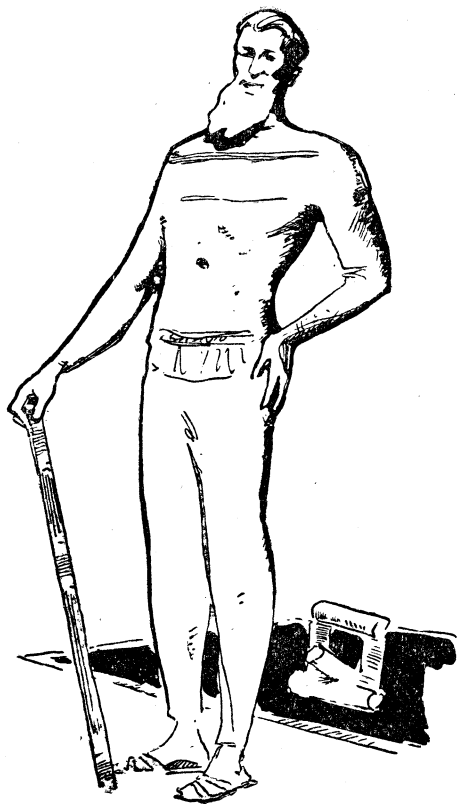
Через несколько минут возле дома стоял потешный гвалт. Выбежал дядя Ярослава, младший сын Юрия Игоревича, восьмилетний Ив. Он приехал из интерната навестить родителей. Сначала Ив поощрял играющих только криками, потом потребовал, чтобы и ему дали биты.

— Помогай отстающей команде,— кивнул Юрий Игоревич на Андрея и Ярослава.

Юрию Игоревичу пришло не очень-то легко. Но все же старик выиграл и был этим очень доволен. В душевой, пофыркивая под сильными струями воды и энергично растирая тело, он пригрозил:

— В следующий раз дам три фигуры вперед.

Обедали на открытой веранде. Мелкими глотками отпивая фруктовый коктейль, Юрий Игоревич поинтересовался, как сегодня молодежь отдыхала. Он недаром, хотя и в шутку, назвал их бездельниками. Учебное время в

школах кончилось. Через несколько дней все они должны были лететь в юношеский лагерь на Памире.

Ярослав рассказал, что с утра отливал корпус для домашней справочной картотеки, читал, затем играл в водное поло. Ранó сидела над своей серией музыкально-световых миниатюр, потом занималась на стадионе художественной гимнастикой. Андрей сказал, что дежурил в школьной фонотеке, а потом просто сидел и размышлял.

Крылов слушал их с внимательным и улыбочивым прищуром. Ему нравилась мальчишеская непосредственность Ярослава; паренек не скупился на лишние слова и мимолетные эмоции, с подробностями рассказывая, как и почему перегрел пластмассу для корпуса и как потом, во время игры, нырнул и, увлекшись красивой ракушкой, подвел свою команду. А Ранó — сложнее; в ней проступает уже зрелость, она учится сдерживать свой темперамент, но суровость сдержанности мягчеет от доброй и туманной, еще не раскрытой женственности. Наверное, она очень талантлива, эта девочка; надо послушать и посмотреть ее последние миниатюры, ведь прошло не меньше года как он познакомился с первыми вещами... Андрей, как всегда, на слова скуповат; он не очень-то любит рассказывать о своих увлечениях. Вот и сейчас чувствует: не «просто сидел и размышлял», а что-то задумал, но пока замысел не оформится до конца, едва ли расскажет.

— Станный у нас мальчик Андрей, — с какой-то особой, иронической и вместе с тем покровительственно-нежной улыбкой сказала Ранó. — Ему, наверное, нравится быть непохожим на других.

Юрий Игоревич опустил глаза. Ему не хотелось, чтобы ребята заметили сначала удивленный (как совпали мысли!), потом прихмурившийся взгляд. Помолчав, дед сказал:

— Мы все непохожи друг на друга. А странные мальчики и девочки — это не так уж плохо. Те, кто придумал когда-то первое колесо, кто изобрел иглу, разработал теорию относительности, создал единую теорию поля, — все они были, наверное, «странными» и задумчивыми.

Анна Александровна решила переменить тему: зачем смущать Андрея?

— Никто не сообразил, — спросила она, — из чего приготовлено жаркое, которое вы так аппетитно поедаете?

Все отложили вилки: ребята — задумавшись, Юрий Игоревич — с ожиданием наблюдал за ними.

— Да, — сказала Ранó, — оно какое-то... оригинальное.

— Из рыбьей печени, — определил Ярослав.

— А ты, Анд, что скажешь?

— Я никогда не задумываюсь, что я ем.

— А я знаю-аю! — радостно пропел Ив.

— Ну еще бы ты не знал! — ласково усмехнулся Юрий Игоревич. — Эта «печенка» растет у нас на плантации. Но — тут Яр прав — в воде. Совершенно новый вид водорослей, недавно выведен. Пойдем гулять — покажу. Хороший сюрприз нашим тихоокеанцам. — Он говорил о своем сыне и его жене — родителях Ярослава, которые работали сейчас в одной из тихоокеанских глубоководных экспедиций. У деда была такая привычка — понарошке смешно коверкать слова. Тихоокеанец — тихоокеанец.

— А что сообщают ваши? — повернулась Анна Александровна к Андрею. — Хорошо им отдыхается?

— Отлично, — буркнул Андрей, не поднимая головы от тарелки.

И все же минуту спустя Ранó вернулась к прежней теме.

— Юрий Игоревич, — ее большие, широко распахнутые глаза смотрели настороженно-строго, — вот вы говорили о «странных» и задумчивых. Это, наверное, правильно. Но я хотела вас спросить... Как-то с подругами мы зашли в проекционный зал Музея истории и посмотрели два фильма. Очень старые, им больше ста лет. Изображение плоское и серое. Люди в смешных и неудобных одеждах. Машины неуклюжие, громоздкие, угловатые. Но не в этом дело, это все понятно. Я — о другом. Я подумала вот что. Середина двадцатого века, грозного века могучих революций и жестоких битв. Советский Союз только что пережил опустошительную, хотя и победную войну — Великую Отечественную. Разрушены многие города. В воздухе носится атомная пыль от бомб. Где-то в лесах и пустынях стоят ракеты со смертоносным грузом. Нацеленные, всегда готовые взлететь. Так ведь было? А люди — в фильмах они спокойные и веселые и не говорят ни о войне, ни об атомной

пыли, а говорят о своей любви, о каких-то бригадах, о мелких житейских делах... Я, видимо, слишком многословна? Я хочу понять: вот тогда, в начале социалистической эры, когда наши предки творили великие дела, — какими же они были сами, эти люди?

Юрий Игоревич заметил, что Андрей был особенно внимателен и напряжен. Словно Ранó задавала свои вопросы от его имени.

— Ты тоже задумывался над этим, Анд? — спросил Юрий Игоревич.

— По-настоящему пока еще нет. Но мне это интересно. Зная прошлое и сравнивая его с тем, что есть, легче представить будущее. Я думаю о будущем. Мы как раз поэтому и пришли к вам.

Ранó хотелось уточнить свою мысль. Она сказала тихо и тревожно:

— Они мне показались бездумными. Поэтому я удивилась, и поэтому меня взволновали ваши слова о задумчивых. Ведь люди, делающие великое дело, не могут быть бездумными. Да, Юрий Игоревич?

— Да, Ранó, это так.

С тихой и мудрой улыбкой Юрий Игоревич взглянул на свою жену, словно говоря: «Она права, эта девочка, верно? Но в ней еще столько наивности, и сейчас мы с тобой должны кое-что объяснить ей». Он откинулся на спинку стула и задумался.

— Это так, — повторил он, — и не так. Я не знаю, какие фильмы ты смотрела, но знаю, что по двум фильмам нельзя судить об эпохе. И еще знаю, что фильмы того времени были очень далеки от совершенства. И все же... Тебя удивило, что люди там изображены спокойными и веселыми, они даже показались тебе бездумными. Но почему же им не быть

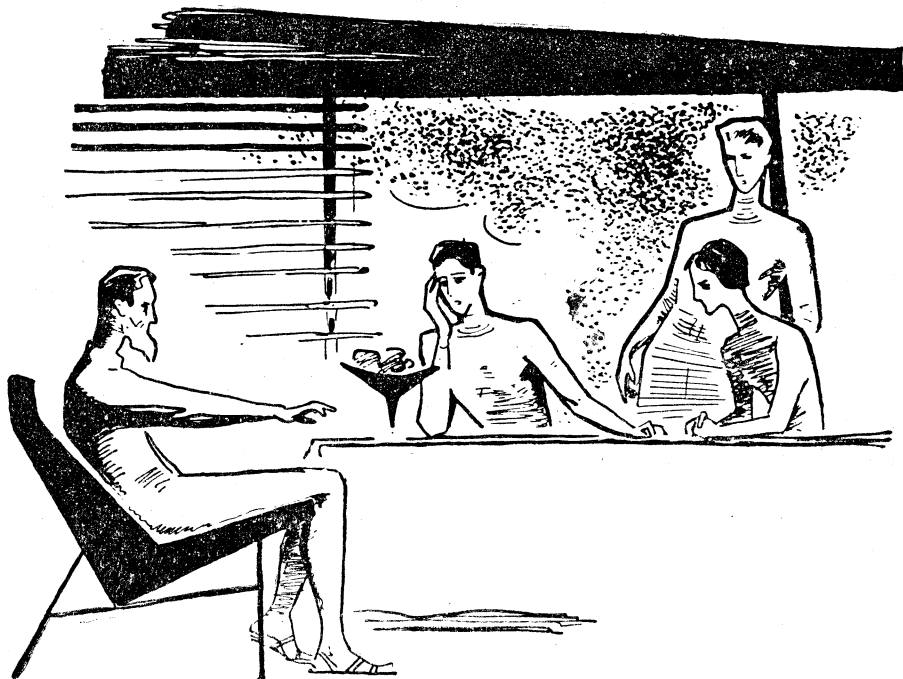
спокойными и веселыми, если в них живут сознание правоты и уверенность в будущем? Зачем им быть суровыми и задумчивыми? — Он пошевелил бровями. — Трудности? Да, трудности перед ними высились грандиозные, порой почти нечеловеческие. Но в том-то истинное величие, чтобы преодолевать их, не ахая. Мы ведь тоже живем не без них. Изменился лишь их характер.

Юрий Игоревич положил руки на край стола и говорил тихо, раздумчиво.

— У каждой эпохи свои трудности, но они будут сопутствовать человечеству всегда, и, если бы они исчезли, их необходимо было бы создать. Впрочем создавать не понадобится. От классового мира мы получили в наследство неплохую технику, но обезображенную, обедненную природу. Сейчас мы воссоздаем естественные ресурсы на суше, в первую очередь лесные. Заканчиваем строительство гигантской сети очистительных сооружений. Начали штурм океана. Вы знаете, как это не легко. Настанет время широкого штурма космоса — будет не легче. Потом придут и всегда будут приходить новые трудности. Единственное, чего мы не ждем и за что вы должны быть благодарны предыдущим поколениям, — мы избавлены от самого трудного и злого: войны.

Он замолчал. Никто из них не знал войны — этого бессмысленного, противоестественного состояния, когда люди убивают людей, и все равно он замолчал, и все молчали, невнятно ощущая душевный холод, повеявший из далекого прошлого.

Первой заговорила Анна Александровна. Что-то похожее на извинение за нечаянную стесненность прозвучало в ее голосе.

— И бездумными они, конечно, не могли быть. Вот Юрий Игоревич говорил о трудностях. А ведь именно в то время, после Октябрьской революции, люди сознательно взвалили на себя главную, до того времени не стоявшую перед человечеством трудность: переделать самих себя, очистив от скверны прошлых эпох, выковать нового человека. Как же тут можно быть бездумными?

— Аннушка, мы с тобой совсем старики! — вовсе не по-стариковски воскликнул Юрий Игоревич. — До чего же мы умные, все знающие и страшно скучные. Ведь все, о чем мы с тобой толкуем, им прекрасно известно и без нас. Не правда ли, юные искатели истин?

— Нет, — сказал Андрей.

— Да, — сказала Ранó, — все это мы слышали в школе, но слышанного всегда мало. Как мне хотелось бы перенестись лет на сто назад, в то время — такое трудное и боевое! Поверьте, я стала бы совсем неплохой комсомолкой и поехала бы на какую-нибудь стройку в самую глушь, и у меня появились бы мозоли на руках....

— ...и ты стала бы мечтать о том, чтобы перенестись на сто лет вперед, — закончил за нее Ярослав.

Ранó гневно сверкнула глазами, чуть помолчала и... рассмеялась.

— Не знаю, — сказала она. — Ведь тогда я была бы иная... Анна Александровна, разрешите, я уберу со стола.

— Нет, это моя работа, — сказал Ив.

— Мы вместе, — успокоила его Ранó.

— А мы потихоньку пойдем к прудам, — сказал Юрий Игоревич, — и по дороге побеседуем с Андреем. Ты догонишь нас, Ранó.

Предвечерний покой лег на землю. Ветерок исчез. Среди зелени фруктовых деревьев матово светились ажурные башенки солнечных конденсаторов.

Юрий Игоревич, выслушав Андрея, одобрительно похмыкал.

— Кое-что я могу посоветовать, — сказал он. — Идет перестройка жилого массива В-12. Оттуда, из старого хранилища, перевозят в новое вспомогательные архивные фонды. Соображаете?

Парни дружно закивали.

— На редкость сообразительны, — усмехнулся Юрий Игоревич. — Завтра в семь представляйтесь Роберту Лацису, он занимается этим.

— Спасибо, дед, Лациса я знаю.

— Тем лучше.... В этих фондах не все разобрано и учтено. Предстоит предварительный просмотр, может, и вам доверят кое-что.

— О, уж мы постараемся!

Они и не подозревали, что ожидает их завтра...

Находка в старом архиве

Утром они встретились у подъезда. Андрей был сосредоточен и нахочлен, Ранó — беззаботно улыбочива.

— Ты с нами? — глянул на нее Ярослав.

— А ты думал иначе? — удивилась Ранó. Город был по-утреннему свеж. Цветники и скверы жадно дышали солнцем и, переплавив его в миллиардах крошечных потайных лабораторий на свой лад, щедро дарили людям буйную кипень красочного многоцветья. Бесчисленные фонтаны и искусственные водопады, устроенные для ионизации воздуха, радужно искрились.

— Ты слышишь, Яр, как поет свет? — тихо сказала Ранó и сама, казалось, вся засветилась.

— Нет, — Ярослав неловко пожегил, — свет я только вижу.

Андрей иронически покосился на сестру. Ранó взглянула на них как-то странно...

К зданию Архива они подошли молча. Ярослав приближался к нему с трепетом. Здесь обитала сама История. Не в ученых трудах, не подвергнутая холодному анализу, не спрессованная в книги, а такая, какая была и есть. В бумагах. В разных документах. В переписке официальных лиц, постановлениях властей, в проектах зданий и рудников, в бухгалтерских отчетах и протоколах собраний — во множестве бумаг, которые когда-то в суетной текучке дней казались людям столь обычными и даже надоедливими и по которым теперь историки, споря, волнуясь и радуясь, набрасывали штрихи канувшей в прошлое жизни общества.

Роберт Лацис, голубоглазый седой великан, один из хранителей Архива, встретил их приветливо. Потирая висок длинными гибкими пальцами, он сказал, что поставит их на предварительный разбор материалов. Надо кое-что рассортировать по тематике, составить первичную опись, подготовить данные для кибер-учета.

Им выдали легкие пепельно-серые комбинезоны из искусственного шелка. Точно такой же был на Лацисе. Коротким стремительным взлетом лифт доставил их на пятый этаж. Здесь шла подготовка материалов к хранению, само хранилище на двадцать этажей уходило под землю.

Вся мебель комнаты, в которую Лацис ввел их, состояла из широких стеллажей и нескольких стульев. Ее дополняли видеофон, электропишущая машинка и небольшой переносный пылесос. Вдоль наружной стены тянулась лента внутреннего транспортера. Яркий, но не бьющий в глаза рассеянный свет заливал комнату.

На одном из крайних стеллажей лежали бумажные мешки с материалами из старого архива. Лацис объяснил, как и что нужно делать, пожелал успеха и ушел.

— Начнем? — спросил Ярослав.

Его охватило волнение. Вот сейчас он распакует мешок — что увидят они в нем? О чем, быть может еще неведомом, расскажут бумаги, пролежавшие во тьме более ста лет? Чьи мысли и мечты, чьи судьбы раскроют они сейчас?

— Начнем, — тихо ответила Ранó.

Андрей чуть приметно поморщился. Может быть, он предполагал, что какие-нибудь архивные роботы сразу же выдадут то, что было ему нужно? А тут, оказывается, роиса сам в пыльных бумагах...

Бумаги оказались не очень интересными.

В основном это были финансовые документы одного из райкомов комсомола их города за шестидесятые годы прошлого, двадцатого века. Правда, изредка среди них попадались «дела» иного порядка — отдельные протоколы заседаний бюро райкома, чьи-то заявления и объяснительные записки.

Обрывок одного из протоколов поразил Раню. Из него она узнала, что «пьянка и поножовщина в комсомольско-молодежном общежитии привели к убийству крановщицы Пономаревой». Раня дважды перечитала это место, руки ее бессильно опустились, лицо стало недоумевающим и горестным.

— Как же так?.. Разве у них это было возможно?

Ярослав тоже был потрясен. Он знал о подобном из литературы, но, описанное в книгах, это воспринималось совсем по-иному. А сейчас перед ними лежал живой документ — неумолимое свидетельство о конкретном случае убийства человека человеком. Комсомольцем. Ярослав не знал, что ответить Раню.

— Тогда еще многое было возможно, — сказал он, опустив голову, словно сам был виноват в той далекой нелепой беде.

Андрей устался в окно и долго стоял так, словно силился разглядеть что-то вдали.

Другой протокол вызвал у Раню смешливое удивление.

— Послушай, Яр! Вот тут Андрей нашел: бюро одобряет инициативу школьников и призывает всех комсомольцев района выйти на сбор металлического лома.

— Да. А что тебя удивляет?

— Я не понимаю, где они могли собирать лом.

— Всюду. Во дворах, по квартирам, на пустырях.

— Откуда же он там брался?

— Выбрасывали.

— Лом? Выбрасывали? Он же был необходим металлургическим предприятиям!

— Потому и собирали.

— Но зачем же выбрасывать, а потом собирать? — не выдержал и Андрей. — Где логика?

— Вы забываете, что это было все же совсем другое время.

Более веского объяснения Ярослав привести не смог.

— Ох, трудно вашему брату — историку, — лукаво посочувствовала Раня.

— Легко — неинтересно, — рассудительно парировал Ярослав, не принимая иронии.

Некоторое время они работали молча. Ляцис по видеофону поинтересовался, не нуждаются ли молодые люди в каком-либо совете, пошутил насчет кислого вида Раню и, дружески скорчив уморительную гримасу, исчез с экрана.

— А он хороший, — сказала Раня.

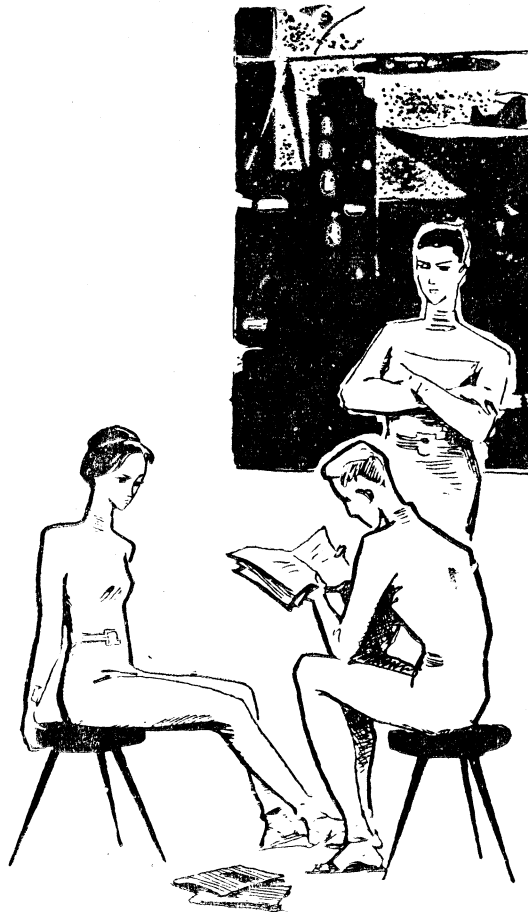
— Он, наверное, очень много знает, — отозвался Андрей.

— Душевные качества определяются не знаниями, — возразила сестра.

— И знаниями, — поддержал товарища Ярослав.

Раню не хотелось спорить. Не было настроения.

— Цифры, цифры, — вяло сказала она.

Андрей был прав: заглянуть бы в живую человеческую душу.

— Чего захотела! Цифры — это тоже очень важно. — Ярославу и самому они надоели, просто он хотел поддержать честь историка. — По цифрам можно узнать массу интересного.

— Я понимаю. Экономика. Конечно, важно. Но ведь хочется знать, о чем и как они думали, как проводили время, в чем находили счастье. В сборе лома? В мечтах о будущем?

— В борьбе за будущее.

— Мы тоже боремся за будущее, но у нас счастливое настоящее.

Ярослав задумался. Андрей смотрел на него, будто Яр мог ответить на все вопросы, решить все проблемы, — ведь он был в родной стихии истории.

— Это сложная штука, — сказал Ярослав. — Конечно, и в их настоящем было счастье. Уже то, что они шли в коммунизм первыми — одно это должно было возвеличить их, делать жизнь особо содержательной, исполненной чего-то высокого.

— Ну вот, я и хочу понять это. И Андрей, по-моему, тоже. Понять их формулу счастья, что ли. А эти твои цифры ничего мне не говорят.

— Почему мои? Это их цифры.

— Не придирайся. Ладно, давай работать...

Раскрыв одну из папок, Ранó увидела газету. В нее были заложены какие-то платежные ведомости. Газета была очень старая, на рыхлой, толстой желтоватой бумаге. Ранó взглянула на дату: 18 июня 1963 года. С первой страницы улыбались Валентина Терешкова и Валерий Быковский, одни из первых космонавтов Земли.

Сколько потом было космических полетов, экспедиций, рейсов — не счесть. Они стали будничными. Но тот... Ведь это был один из первых, самых первых в истории человечества.

Лица этих космонавтов были знакомы Ранó по книжным портретам. Но здесь они выглядели совсем по-иному. Черты лиц были те же, а выглядели по-иному. На газетную полосу они вошли прямо из жизни, с фотографической пленки. Они улыбались, два молодых, радостных человека, слушая восторженный гул землян. Он и сейчас, через долгое столетие, вдруг почудился Ранó в тихой светлой комнате архива. Она представила себя читательницей газеты тех дней и сразу ощутила, как сильно забилося сердце.

Почти все место в газете занимали материалы о космонавтах: официальные сообщения, приветствия, очерки, статьи, фотографии. Но были тут и заметки о строительстве гигантской электростанции на сибирской реке и о новых моделях машин, о кровавых боях в южном Вьетнаме и забастовке в Лондоне, кого-то ругали за срыв заводской программы, а объявления на четвертой полосе газеты извещали о разводе супружеских пар, о приеме на работу и сообщали, какие фильмы будут демонстрироваться в кинотеатрах.

Они воздвигали могучие промышленные комплексы, лезли в глубины земли за рудой, воевали за каждую тонну металлического лома, в заброшенных степях выращивали хлеб, делали машины, а по вечерам упрямо листали книги или шли в кино, и радовались и смеялись, а кто-то печалился и негодовал, а где-то злой падший человек наотмашь бил ножом другого в сердце...

Спазма сжала горло Ранó. Милые, далекие мои предки! Как же нелегко и как гордо вы жили! Да, звериное прошлое еще карежило людей, еще поднимал человек на человека оружие, было трудно, и кто-то среди вас хныкал и ныл, слабый душой маловер, а вы, упорные и целеустремленные, все же шли вперед, отшвыривая мерзости прошлого, расчищая дорогу будущему, нам..

Сквозь все еще звучащий приветственный гул она слышала тяжелое погромыхивание и скрежет землеройных машин, шум станков и негромкое гудение электромоторов. На тревожное сверканье алых струй ритмически четко накатывались спокойные широкие полосы голубого. Ей давно слышалось и виделось то, что она хотела и стеснялась назвать «Симфонией звездных дорог». Но то было лишь пение космических трасс, свистящий пронзительный взлет, неземные, странные перезвоны и шорохи, спящее сияние светил. Ей не хватало земной основы будущего произведения. Сейчас она ее слышала.

Ранó вслушивалась в прошедшее столетие. Рука Ярослава легла на ее плечо.

— Ты где-то очень далеко, Ранó. Мы окликали тебя дважды.

— Да? — Она нехотя возвращалась в свое время. — Извини, Яр, я задумалась.

— Взгляни, что он нашел! — Андрей был необычно возбужден. — Дневник!

В руках Ярослава были тетради, какими в двадцатом веке пользовались ученики. На каждой из них стояла подпись: «Инга Холмова» и номера, начиная с третьего.

— Дневник, понимаешь? — Глаза Ярослава лучились.

— Но... ведь это личные записи...

— Они сделаны более ста лет назад. Их автора давно нет в живых...

Дневник Инги

Тетрадь третья

17 декабря 1962 года.

Ого, сегодня я начинаю третью тетрадь. Подумать только, уже третью! А вести дневник я начала два с лишним года назад, была совсем еще девчонка, семиклассница. Теперь как-никак в девятом!

Я перелистала старые тетради. Смешно! Какие-то пустые, бессодержательные записи: «Сегодня по истории получила пять, по немецкому — пять. Завтра контрольная по химии». И так — каждый день, и это я называла дневником! Хорошо, что Агния Ивановна дала добрый совет. В последнее время записи стали другими. Ну, и сама я, конечно, взрослею. Ведь все-таки мне шестнадцать лет, и я в девятом классе. Впрочем, иногда мне кажется, что я полная дура, тупица, ничего не могу понять в жизни, и тогда я становлюсь противной себе...

Ну, расфилософствовалась, Ингочка!..

Вчера был хороший день. Во-первых, две тетради (только что издевалась над такими записями). Во-вторых, на занятиях нашего литкружка я читала свой рассказ, всем понравилось, а потом был интересный разговор...

— Тут зачеркнуто, — сказал Ярослав. — Помоему, зачеркнуты слова: «В-третьих, один человек...».

— Значит, этим «в-третьих» она боялась поделиться даже сама с собой, — задумчиво сказала Ранó.

— Наверное, проще: «в-третьих» было несущественным, — заметил Андрей.

...О нашем литкружке я еще не писала. Он гораздо лучше, чем в старой школе, откуда я перевелась. Я считаю, что все дело в руководителе. У нас руководитель Венедикт Петрович Старцев. Он еще не очень старый, лет сорока, лохматый и милый очкарик, толстенький и безобидный. С нами держится, как с равными, вслушивает очень внимательно и спорит яростно. С ним интересно:

ни казенщины, ни нотаций. Мы читаем свое (у нас несколько «писателей»), обсуждаем литературные новинки и говорим на самые различные темы.

Ребята в кружке, конечно, самые разные. Есть, по-моему, интересные. Мне нравится (как человек) Володя Цыбин. Правда, он противоречивый. Положительное в нем: держится независимо, хорошо воспитан, мыслит оригинально. Отрицательное — слишком любит все модное и немножко важничает. Ну, а то, что он подражает Вознесенскому и еще кому-то (Володя у нас «поэт»), так это не страшно: начинающие все кому-нибудь подражают.

Его противоположность — Мила Цапкина. Она у нас очень «правильная», очень дисциплинированная и очень въедливая. Володя дал ей прозвище Догматик, и оно прямо-таки прилипло к Миле. Но, мне кажется, она неплохая девчонка. Прямая и честная. Мы с ней, похоже, начинаем дружить. Ну, еще не по-настоящему, но как-то сблизилась. Я ее два раза поддержала на собраниях (она, хотя и сухарь, а говорила очень верные вещи), и Мила, видимо, почувствовала ко мне расположение. Сама она не пишет, а просто любит литературу и потому записалась в кружок...

— Смотрите, — сказал Ярослав, — рисунки. И дальше тоже. Она не только писала, но и рисовала.

Среди текста теми же фиолетовыми чернилами были набросаны портреты людей, дома в каком-то уголке улицы, старинный городской трамвай.

— А она неплохая художница, — похвалила Ранó. — Очень уверенная рука... Взгляните, какое неуклюжее сооружение... Ну-ка, ну-ка, покажи это...

— Надо по порядку, — сказал Андрей. Ярослав снова стал читать.

...Венедикт Петрович почему-то очень тянет в кружок Даниила Седых, но тот упирается. Вообще странный парень. Девчонки говорят про него: «интересный», подразумевая красивую внешность. Мне кажется, даже Мила Цапкина порой заглядывается на Данечку. Я лично не нахожу в нем ничего особенного. Здоровый, сильный парень, нормальное лицо — и все. Сутулится, потому что высокий, ходит вразвалочку. Правда, на спортивных занятиях и в играх он всегда один из первых. Откуда-то появляются и ловкость, и быстрота. А так — руки в брюки, молчит, усмехается... Иногда грубит. Но вообще-то, видимо, толковый парень. Увлекается биологией и биофизикой, должно быть, много читает, хотя учится не блестяще.

Вчера я, как староста кружка, подошла к нему после уроков. Велел Венедикт Петрович. Спрашиваю:

— Ты придешь на занятия литкружка?

Он насмешливо пожал плечами:

— В обществе гениев я чувствую себя стесненно.

— Тебя, Седых, всерьез спрашивают.

— А похоже, что я шучу?

Я разозлилась:

— Ну, как хочешь!

— Вот именно. — Он повернулся, руки в карманы, и пошел куда-то, длинный и взлохмаченный. За ним, как всегда насвистывая, — Саша-Патефон, его верный адъютант...

Сегодня с Милой ходили в кино, там встретили Володю с какими-то приятелями. После сеанса они хотели проводить нас, мы отказались. Домой почти бежали: было поздно и очень холодно.

А Володя, оказывается, курит. Мила расфырчалась. А что тут особенного? Многие курят. А ведь Володя уже и паспорт имеет...

— Что это такое — паспорт? — спросила Ранó. — Разрешение курить?

Ярослав улыбнулся:

— Удостоверение личности. Его выдавали органы охраны общественного порядка всем, начиная с шестнадцати лет.

— Зачем?

— Ранó, у меня тоже есть вопросы, — буркнул Андрей, — но, может быть, мы их отложим?

Ранó чуть-чуть надулась, но согласилась.

23 декабря 1962 года.

Сегодня было родительское собрание. На него, как обычно, отправился папа. Вернулся он не один — с каким-то громадным, тихим и улыбочивым мужчиной. Это мой папочка любит — ходить на всякие собрания, знакомиться с людьми, тащить их на чашку чая, разговаривать, и все у него получается так просто и естественно, будто весь мир — его родственники.

Мужчина вошел в комнату, распахнул на меня глаза и густейшим, но негромким басом рокотнул с усмешечкой:

— Вот он какой, Ингадатор!

«Ингаллятор» — это мое прозвище. Я на него не злюсь, прозвище совсем неплохое. Но откуда знать его этому дюжему дядюшке? Кто он такой?

Папа представил его маме:

— Прошу любить и жаловать: Павел Иннокентьевич Седых, отец товарища Инги.

Очень приятно, ха-ха!

Мама тут же начала хлопотать об ужине. Оба они у меня такие, любят угощать: мама — стряпней, папа — разговорами.

Они толковали о каком-то новом методе планирования производства. Папа работает заместителем начальника маргеновского цеха, а Павел Иннокентьевич — где-то на строительстве. Вроде бы совсем разные занятия, а вот нашлась общая тема. Ради нее папа и затащил гостя домой.

За ужином я все приглядывалась к отцу Седых. Он мне понравился. Очень спокойный, немногословный, видно, что сильный и добрый. Даниилу бы с него брать пример!..

После ужина они играли в шахматы. Тут уж я, конечно, пристроилась поближе. Сразу стало ясно, что теоретически папа подкован лучше. Но Павел Иннокентьевич тоже не промах. Он придумывал такие каверзные комбинации, что мне бы, наверное, не выпутаться. Папа все-таки выиграл и был очень доволен этим, словно малый ребенок. Он, конечно, старался этого не показать, но меня-то не проведешь.

— А как, Владимир Матвеевич, насчет шашек? — прогудел гость.

— С удовольствием, Павел Иннокентьевич.

Ну, не знаю, какое он получил удовольствие — три партии подряд проиграл. А Седых только ухмылялся: «хм, хм», смотрел на папу добрыми своими глазами и приговаривал: «Бывает, бывает»...

Папе он тоже понравился.

Завтра разбор домашних сочинений по литературе. Интересно, как дядя Веня отнесется к моей мазне. Я понадеялась на себя, все откладывала работу, а потом накатала за один вечер и, наверное, нагородила там что-то...

25 декабря.

Вчера начали разбирать сочинения, и был великий спор. Сегодня продолжали и снова спорили. Тема сочинения была такая: «Какой герой мне по нраву». Можно было писать по литературным произведениям, можно и просто так, «из головы».

Самое интересное сочинение, как ни странно, получилось у Саши Петряева. Он написал почти настоящий рассказ. Главный герой — командир космонавтов, очень похожий на Юрия Гагарина, веселый и бесстрашный. На далекой планете он без всяких фраз и позы жертвует собой ради других, но в конце концов не погибает: воля к жизни и победе помогает ему выпутаться из безвыходного положения.

Рассказ всем понравился. Вот вам и Саша-Патефон!

Только я не стала бы «выпутывать», спасти героя. Это ведь не меню обеда, которое завершается, да и то не всегда, сладким.

Хорошо написала о революционерах-ленинцах Мила Цапкина. Но о Милином сочинении говорили мало, скупое; я вообще промолчала. Слишком высоки, прямо священны для меня эти имена — Дзержинский, Свердлов, не говоря уже о самом Ильиче. Конечно, они были очень человечными, земными, но в них столько мудрости, отваги, любви к людям, они настолько выше всех, что подумаешь — и сердце замирает. Сколько ни называй их «обыкновенными» — они необыкновенны! Может быть, и у них были какие-то недостатки? Возможно, но разве в этом дело! Они все равно — прекраснейший идеал, и надо стремиться к этому идеалу, только без громких слов, без битья себя в грудь. Поэтому, наверное, и молчали наши ребята.

Зато на сочинение Даниила Седых набросились. Он написал об ученых. Конечно, постарался блеснуть эрудицией. Привел такие факты, о которых мы и понятия не имели. Где только выкопал? Идею он хотел вывести такую: настоящего ученого отличают упорство, точный расчет и способность к самопожертвованию во имя науки. Насчет самопожертвования не знаю, а так — что же,

вроде правильно. Но Цапкина обвинила Седых... в безидейности. Вообще-то она заглядывается на него и строит глазки, но тут ее железная принципиальность победила.

Она рассуждает так: трудолюбие, упорство, расчет, конечно, необходимы, но «ученому вообще» — и советскому, и буржуазному, и какому угодно. А что им движет? Какой-нибудь нанятый капиталистами ученый корпит в своей лаборатории, создавая средства для уничтожения людей в биологической войне — это одно. А наш ученый, думая о народном счастье, выводит культуры полезных микробов для защиты людей от болезней — это совсем другое.

А будто наши ученые не работают на военные цели?

Дальше она рассуждала правильно: все зависит от того, ради чего, во имя какой цели и идеи трудится ученый.

Кое-кто поддержал Милу.

Даниил говорит:

— А если бы, скажем, Эйнштейн был гражданином Советского Союза, разве бы его теория относительности от этого изменилась?

Ему возражают: нет, теория бы не изменилась, а применение — наверное. Ведь факт, что Эйнштейн своими выкладками помог американцам создать атомную бомбу, а потом рвал свои седые волосы.

Начали перебирать других ученых, вспомнили и Павлова, и Курчатова, и Понтекорво. Даниил огрызался, а потом сказал:

— Ну что же вы на меня нападаете? Неужели вы подумали, что я мог говорить об ученом-убийце?

И так это у него получилось, что мне даже жалко стало парня. Я выступила и поддержала его. В самом деле, ясно, что он говорил о советских ученых. Может, он сам ученым хочет стать...

А сегодня шум был уже из-за моего сочинения. Я назвала его: «Нужны ли нам Павки Корчагины?».

Как дядя Веня прочел название, класс затих, а потом зашумел, загомонил. «Вы сначала послушайте, — сказал дядя Веня, — а потом галдите». И прочитал сочинение. Я сидела, будто на еже. (Это — чтобы не употреблять «как на иголках»).

До сих пор не знаю, права я или нет. В чем-то все-таки, мне думается, права, только не сумела выразить свои мысли.

Я не против Николая Островского и его Павки. Я ценю в Павке его беззаветную преданность революции, его горячность, смелость и упорство. Но мне он представляется каким-то очень далеким, совсем не сегодняшним, словно из другой эпохи. Звонкая лихость, сабельные атаки — в наше время кому они нужны? И — какая-то ограниченность. Представляю, как раскипятился бы Павка Корчагин, начни комсомольцы при нем танцевать липси...

У героя сегодняшнего дня должны быть широкие интересы, высокий интеллект, спокойное упорство, деловая, без внешних эффектов одержимость идеей — большой, сильный, умный человек. Взять наших космонавтов. Да, дух у них, может быть, корчагинский, но облик и характеры — совсем другие.

Я хотела сказать, что герои меняются, каждая эпоха выкраивает их по-своему. Пав-

ка Корчагин в наши дни ведь тоже был бы другой и вел бы себя по-иному. Он воевал бы с технической рутинной, дрался за прогресс на производстве, может быть, поехал на стройку Красноярской ГЭС или стал кандидатом наук. Вот такие, сегодняшние герои нужны мне, а не «сабельники».

Ну и навалились на меня! Особенно Мила. Она припомнила и мое вчерашнее выступление и даже сказала, что я недостойна быть комсоргом. Ну-ну! Поверить ей, так я наплевательски отношусь к людям, отдавшим жизнь за революцию, и мне не дороги славные традиции прошлого.

Это сейчас я остыла и пишу вроде бы как ни в чем не бывало, а тогда была совсем не в себе. Сказать про меня такое!.. Спасибо дяде Вене, он немножко утихомирил этих глупцов.

— Холмова, — сказал он, — вовсе не подчеркивает таких литературных героев как Павел Корчагин. Она пытается, пусть неумело, проследить и понять диалектику их развития. Люди типа Корчагина бились за народное счастье в дни гражданской войны и разрухи, отважно служили Родине на фронтах Великой Отечественной войны; сейчас они самоотверженно трудятся, отдавая весь пыл души коммунистическому созиданию.

Потом он пожурил меня за торопливость и нечеткость изложения мыслей. «Уж вам-то, Инга, — сказал он, — это не должно прощаться». Почему это «уж вам-то, Инга»? Что я, Лев Толстой?..

А в голове туман, хочется спать. Мама ругается: двенадцатый час ночи. Все, сейчас бултыхнусь в постель.

27 декабря.

Потрясающая новость: в нашу квартиру переезжает... Венедикт Петрович Старцев! Кто бы мог подумать?!

Уже давно было известно, что к Новому году наши соседи (они занимают третью, угловую комнату) получат отдельную квартиру. Все мы радовались: четвертым в одной комнате им не очень-то сладко. Вчера мама говорит: «Приходил новый жилец». — «Кто он?» — «Какой-то учитель. Лупоглазый такой, в очках, вроде бы тихий, интеллигентный. Одинокий, это хорошо».

Лупоглазый, в очках?..

«Фамилия Старцев», — добавляет мама.

Здравствуйтесь-пожалуйста. Дядя Веня!

А сегодня он в перемену сам подошел ко мне, говорит:

— Вы знаете, Инга, я ведь переезжаю в вашу квартиру, уже ордер на комнату получил.

Я немножко растерялась, молчу, глазами хлопаю. Он говорит:

— Удивлены? Я тоже, когда узнал, несколько, надо сказать, растерялся. — И улыбается смущенно: — Но что же делать?

Тут я пришла в себя, говорю:

— Что вы, Венедикт Петрович! Это же просто замечательно!

И верно, подумала я про себя, будет очень хорошо. Всегда можно с ним посоветоваться, и с папой они сойдутся. Венедикт Петрович пробормотал что-то вроде того, что он очень рад, и засеменил по коридору, а я даже не до-

гадалась спросить, когда он переезжает и не надо ли ему помочь.

А в классе об этом, оказывается, уже знают. Откуда?

С Милой мы после ее погромных речей не разговариваем. Она воротит нос, а я что — бегать за ней буду? Наплевать!

28 декабря.

Сегодня я шла домой — меня догонят Володя Цыбин. Как, спрашивает, я буду встречать Новый год? Наверное, говорю, дома. Он предложил встречать у него. Говорит, что будет несколько ребят и девочек — его старые друзья. Я сказала, что подумую.

Надо спросить у папы с мамой.

Мы долго бродили с Володей. Он сказал, что ему очень понравилось мое сочинение и будто он даже рассказал о нем дома и его отец заинтересовался (отец его не то какой-то чин, не то адвокат, не знаю). Я пробовала отшутиться, но разговор пошел всерьез. Володя стал «развивать мои мысли». Он так и сказал:

— Если развивать твои мысли, можно представить и героя будущего.

Володя рассуждает так. Возможности науки и техники безграничны. Уже в следующем веке человек всю трудоемкую работу передаст машинам и электронным устройствам. Чем дальше, тем больше он будет поручать приборам и умственный труд. Всеохватывающие знания, совершенно точный расчет, машинная логика устранят из жизни человека всякие сомнения и тревоги, значит, исчезнут и такие качества как смелость, находчивость, решительность. Они станут просто не нужны.

На меня от этих рассуждений повеяло каким-то опустошительным холодом, я не могла принять их.

— Ну, а в космосе, например? — пыталась я возразить. — Какие-то неизвестные условия, неожиданные опасности...

— Во-первых, человек живет не в космосе, а на Земле. Во-вторых, ничего неожиданного в принципе быть не может. — Он рубил прямо как по-писаному. — Теория вероятности будет разработана настолько детально, что электронно-счетные машины смогут предусмотреть решительно все.

— Ну, а предположим, надо принять какое-то ответственное решение, — продолжала я. — Разве тут не нужны находчивость и смелость?

— Будут не нужны, — упорствовал Володя. — Электронный мозг поможет принять единственно верное, самое разумное решение.

Логика у него убийственная. Хотя внутренне я с ним не могла согласиться, во мне певельнулось что-то вроде уважения к нему. Все-таки он интересный парень, думающий. И, оказывается, здорово умеет говорить — так горячо, увлеченно.

Я впервые почему-то обратила внимание на его глаза. Они у него большие, темные, выразительные.

Мы бродили по скверу, долго стояли возле нашего дома, все разговаривали, потом Володя ушел.

Падал и искрился в свете фонарей мягкий, пушистый снежок. Во мне пробудилось что-то хорошее, словно песня. А потом стало грустно.

Вот пронесутся десятилетия и века, подумала я, а все так же будет падать над нашей землей снег, и такая же девушка выйдет под темное беззвездное небо и будет так же смотреть, как бесконечно роятся снежинки. Какая она будет, та далекая девушка? Ах, если бы, как в уэллсовской машине времени, слетать в тот грядущий мир! И поговорить, надо же обязательно поговорить с ними, нашими потомками... Как подумаешь о таком — тревожно и сладко замирает сердце... Но неужели Володя прав?!

30 декабря 1962 года.

Сие, наверное, уже последняя запись в этом году. Крутится старушка Земля и не ведает, что через сутки наступит Новый год. Ей хоть бы хны. А люди суетятся, бегают, чего-то жарят, парят, покупают вино, будто и на самом деле им предстоит перейти некую грань, за которой начинается Новая жизнь.

Условность? Да. Но я тоже, как все, чего-то жду от нового года, на что-то надеюсь, и мнится мне (совсем как в дрянных стихах это «мнится»), за ним должно вылезть что-нибудь слащавое и сентиментальное, — лучше уж не заканчивать фразу.

А правда, чудится некая грань. Или на меня действует присутствие в квартире нового (и такого неожиданного и «необычного») жильца?

Он появился сегодня утром (соседи выехали вчера) в сопровождении... Даниила Седых. Пришли с рулонами обоев и в два счета заново оклеили комнату. Даниил со мной и с мамой держался вежливо и суховаато — на высшем официальном уровне.

Днем, когда мы были в школе, Венедикт Петрович перевез вещи. Сейчас возится с ними, передвигает, что-то приколачивает. Папа говорит, что предлагал ему помощь — Венедикт Петрович отказался. Представляю, как разговаривали эти интеллигенты.

Папа. Венедикт Петрович, может быть, вам, если позволите, нужно помочь?

Дядя Веня. Что вы, Владимир Матвеевич! Пустяки. Пожалуйста, не беспокойтесь. Спасибо.

Папа. Но все-таки...

Дядя Веня. Что вы, что вы! Спасибо. Зачем же вам утруждать?

А что бы папе сказать: «Давайте помогу». А тот бы ответил: «Вот хорошо!» Только и делов. И обоим приятно.

Впрочем, это я — по злости. Я всегда злюсь, когда слышу такие «сверхинтеллигентные» разговоры. Все эти «ахи», «если позволите» и прочая галантерея, по-моему, пережиток классового общества. Со временем они отомрут. Конечно, тактичность и вежливость необходимы, но отношения должны быть проще...

А заглянуть к нему хочется. Любопытно же, какой он «дома». Но я нарочно не выхожу ни в коридор, ни в кухню, чтобы не подумал, что я сую свой нос.

Завтра девчонки налетят с вопросами — скажу: даже не видела его — ни за что не поверят.

Так и не решила еще, как встречать Новый год...

Продолжение следует.

Иванов. Бывший и будущий вор, доушник.

Говорит парень, злобно щуря темные холодные глаза. Сам он мелковат, но жилист, под пиджаком угадывается сильное, тренированное тело.

— Значит, будущий? — уточняет Илья и думает: «Опоганил же, черт, такую хорошую русскую фамилию. Тип, подонок!..»

А тип кипятится пуше прежнего:

— Ты, что ли, будешь кормить жену, дочку, которой завтра в школу? Сидят они обе, дуры, в этой вашей дыре — тоже мне, город! — и ахают: ах, папочка геолог. Ах, он в длительной командировке на Севере... Побывал я на Севере дважды, но только с другой целью...

— Вот что, — перебил Иванова Илья. — Еще раз скажешь плохо о нашем городе... В общем, не советую. А те места, где ты бывал, знаю... Выкладывай. Все!

...Они встретились на танцах. Наверное, в каждом небольшом городе есть уголки с летними танцевальными площадками. Есть такая ажурная веранда и в городе Серове, прямо за стадионом, в тенистой поросли молодого парка.

В субботу там обычно играет оркестр. Желающих потанцевать на свежем воздухе много. И, конечно, бывает обидно, когда нет-нет, да и начинается куролесить, портить веселье какой-нибудь «заяц во хмелю».

Сегодня была суббота, и оперативная группа, в которую входил Илья, дежурила по парку. На танцевальной площадке Илья заприметил «знакомую пару». Он обратил на них внимание еще днем на стадионе, где играли цеховые футболисты. Когда кто-либо из доменщиков «мазал» по воротам, парни эти изощрялись в оскорбительных остротах. Тогда Илья погрозил им, и задыры притихли.

И вот на танцплощадке он увидел их снова. Приятели, обхватив друг друга, дрыгали ногами в каком-то несусветном танце и выкрикивали: «Каррамба, бамбино. Каррамба, бамбино...»

Мальчишки как мальчишки. Белобровые, чистенькие. Трезвыми такие бывают чересчур застенчивы. А тут для храбрости выпили и вот, досаду на себя, на девушек, что отказываются с ними танцевать, разошлись.

— Может, хватит шаманить, ребята, а? —

дружелобно проговорил Илья. — Другим танцевать не даете.

— Дядя, — сказал один. — Не оскверняйте искусства...

— И вообще, кто вы с красной тряпкой на руке? — театрально взмолился второй. Он потянулся к повязке.

Улыбка мгновенно слетела с лица Ильи. Он ухватил парней за воротники, приподнял и крепко стукнул лбами. Все это произошло столь мгновенно, и так комично была ситуация, что парни застыли, огорашенно тараща глаза.

— А теперь домой, баиньки. — Илья великодушно полуобнял приятелей. Конфузливо озираясь, они послушно затрусили к выходу под веселый смех отдыхающих.

Тут-то из толпы и вышел к Илье этот чернявый крепыш.

— Можно вас на два слова, силач Бамбула? — заговорщически подмигнул он. — Нет-нет, не здесь. — И он указал на аллею.

Илья поискал глазами своих и, увидев слесаря Колю Исенкова, механика Илью Александровича Богаева, ответил:

— Отчего ж нельзя. Можно.

— Неплохо вы этих желторотиков, — сказал чернявый, когда они вышли в парк. — Должен сказать: такие шуточки не всегда проходят. На кого нарвешься...

— Если пугать надумал — напрасный труд, — зло оборвал Илья. Ему надоело фиглярство. — Что вы хотели от меня?

— Вот речь достойная... — начал было тот, однако, заметив, что Илья поморщился, перешел на серьезный тон: — Есть разговор. Как насчет завтра, в полдень?

Вл. НОВОСЕЛОВ

Илья прикинул в уме, что занятия в техникуме вряд ли к тому времени кончатся, и сказал:

— Давайте в пять. Встретимся в городском штабе дружины. На улице Льва Толстого.

— При всем моем уважении к гению мировой литературы, штаб — это типичное «не то» для бесед, — горько усмехнулся чернявый.

...И вот они сидят в ресторане. Илья решил до поры до времени не посвящать товарищей в эту историю, тем более, что, рассказывая, чернявый просил «не приводить хвостов».

— Вот ты говоришь: исколесил почти всю страну в поисках работы. А какой смысл? — спрашивает Илья. — Ведь рабочие руки у нас везде нужны.

— Везде! Я тоже думал так: раз государство по амнистии мне мои грехи простило, то всюду встретят с распростертыми объятиями. Пожалуйста, гражданин Иванов, все работы хороши, выбирай на вкус. Дудки! Глянут в мой паспорт и — «зайдите через недельку-другую...» В Кирове, помню, совсем на мель сел. Дай, думаю, заработаю по-честному. Приеду к жене чистым. Зашел на завод. Разнорабочие требуются им. Сидит в том отделе толстая, в два обхвата, кадра. «Ну-с, — игриво спрашивает, отмахиваясь от мух моим заявлением, — что вы умеете делать?» — «Деревья валить, говорю, дороги строить, слесарничать...» — «А какая ваша основная специальность?» — «Вор», — отвечаю, озлившись. — «Ой, мамочка!» — как ветром сдуло ее. Убежала, оставив сейфы открытыми. Так что мне делать? Где правда, скажи!

— Подожди, не кипятись, — остановил его Илья.

— Нет времени у меня ждать, — не унимался чернявый. — Не-ту! Вот сейчас могут войти сюда — и все. Снова в дальний путь, на долгие года...

— Это как понимать? — насторожился Илья.

— А так. Сегодня ночью я квартиру одну взял. Два чемодана. Может, обворовал-то родственников жены, которых никогда не видал. Хорошего человека, может, обидел. Э-эх! — Чернявый скрипнул зубами. — Я-то знаю, чем это пахнет. А ведь дочку охота повидать. Три месяца ей было, когда ушел из дома: знал, что возьмут. Сейчас ей шестой год. И жена... Красивая она у меня...

Он достал из кармана и протянул Илье открытку. Миловидная женщина с ямочками на щеках доверчиво смотрела в объектив.

«Трудно ей, — думает Илья. — Очень трудно». И мгновенно вспоминает то, что с радостью вычеркнул бы из памяти,

...Быстро пролетел первый год супружеской жизни. В тот день с утра Илья с женой торопились к праздничному столу: вот-вот должны были к Илье нагрянуть товарищи по цеху. Но случилось так, что короткий путь от завода до дому затянулся для Ильи ровно на два года.

Светило солнце. В аллеях возле Дворца металлургов резвились дети. Илья с нежностью подумал, что и у него скоро появится наследник. Что это будет сын, он даже не сомневался. Было спокойно и радостно. Приглушенный крик «помогите!» не сразу вернул Илью к действительности. В кустах двое мужчин заламывали руки девушке. Не раздумывая, Илья бросился на по-

мощь. Одного сшиб прямым ударом в челюсть, другого, навалившегося на него, швырнул через бедро. На заставе, где Илье довелось служить, пограничников обучили многим приемам.

Однако хулиганы оказались не робкого десятка. Первый, изловчившись, оседлал Илью сзади, повалил, и вдвоем они начали топтать его ногами. Вот тут-то жена и кинулась помочь Илье.

Неимоверным усилием вырвавшись из-под ног хулиганов, Илья со словами «тебе нельзя!» оттолкнул жену. Наверное, сильно толкнул горча. Она попятилась и ударилась о скамейку. В этот момент его и схватил милицейский патрুল.

В протоколе значилось «Избил двух отдыхающих граждан, а также нанес травму жене». Суд был коротким. Пожалуй, слишком коротким... Женщина, которую он бросился защищать, заявила на суде: «Чего встречал гражданин. Мы игрались с ухажером».

От отчаяния спасали его письма жены. Надолго запомнил он слова последнего из них: «Я хочу, чтобы, когда ты вернешься, ни один из нас не прятал глаза. Этих страшных лет не было в нашей жизни, Ильяша...»

На аглофабрике, где стал работать Илья по возвращении, никто не обмолвился о случившемся...

«А как поступит жена Иванова? — думал Илья. — Как будет вести она себя, узнав истинное занятие своего мужа?»

Илья возвращает фотографию и смотрит на собеседника. Потом спрашивает, боясь потерять возникшую мысль:

— Как тебя зовут?

— Василием.

— Василием? Слушай, а ты мог бы сейчас пойти к жене?

— Нет, нет! Чтоб завтра взяли прямо из дома? Нет!

— Краденое где?

— В камере хранения, на вокзале.

Закурили. Помолчали. Потом Илья сказал:

— Ну и?..

— Уеду,— ответил тот.
— Но ведь все такие дороги кончаются.
Где — ты знаешь.
Помолчали снова.
— Судьба...— сказал Иванов, не поднимая головы.

— Слушай, Василий,— заговорил Илья,— я не собираюсь агитировать тебя, но давай так. Мне надо еще побывать на огороде, картошку окучить. Махнем вместе? Вдвоем мы ее в два счета докачаем.

— Раззудись, плечо...
— Вот именно! А? Потом на вокзал за вещами — и ко мне. Утро вечера мудренее. Заночуешь и явишься к своим. А чемоданы я на себя беру. Дай адрес, я их верну владельцу в лучшем виде. Согласен? С женой моей познакомишься. Ну?

— Неловко как-то...
— Ерунда! Неловко брюки через голову надевать. Давай, давай, не раздумывай.
— Серьезно?
— Вполне. При одном условии: завтра идешь к своим.

Отличная у Илья жена. Все понимает. Без слов выложила две сотни, что собирала на холодильники: «Долго ждали, немного подождем. Раз человеку нужнее»...

Гость ушел, а через день, как условился, Илья повел его на завод. На аглофабрике Иванову не понравилось. Это Илья увидел сразу. Все механизировано, людей почти не видно. В отделении спекания Иванов оживился, глядя, как падают с высоты в думпкеры горячий агломерат.

В мартен попали на выпуск плавки. Когда металл с глухим клекотом ринулся в ковш, Василий аж подался вперед.

— К нам, что ли, привел? — крикнул Илье на ходу знакомый по дружине парень.— Давай, давай. Первейшая в мире профессия.

Потом был трудный разговор в отделе кадров.

— Поймите же,— горячился Илья.— Оттолкнем человека — куда он пойдет? Знаете? Ему в Кирове сказали примерно такое же.

— Я, в конце концов, ничего не понимаю,— искренне удивляется собеседник.— Чем должна заниматься народная дружина? Бороться с преступниками или адвокатами выступать?

— Воспитывать!
— Не знаю, не знаю... Случись что, с кого спросят?

— Я ручаюсь! Кстати, Николай Константинович очень интересуется этим случаем.

Илья нагло врал. Начальник городского штаба народной дружины секретарь горкома партии Чеченин и знать не знал о гражданине Иванове.

— Гм!— сказал кадровик. Зачем-то переложил скоросшиватель с одного края стола на другой. Погладил сукно, выщипнул с него две пылинки.— Куда он просится?

— В мартен,— ответил Илья.
— Ой! Куда его там? Учить надо!
— Прошу вас,— возликовал Илья. Он понял лед тронулся.— Не боги горшки обжигают. Ребята научат. Иванов еще знатным сталеваром станет!..

Пальцы кадровика завывивали дробь.

— Пусть заходит...— выдавил он.— И — новая серия дрови.— Завтра. В девять ноль-ноль.
— Сегодня...
— Валяйте!..

Когда человек занят по горло, время летит незаметно. Целый месяц не был Илья на заводе: сдавал экзамены.

Возвращаясь как-то с консультации, столкнулся с Василием.

— А, Илья!— еще издали заулыбался Иванов. Он был увешан всевозможными свертками.— Здравствуй! Ты меня больно бить будешь, если я не отдам сегодня обещанную часть долга? Первая получка, сам понимаешь... Подарки...

— Прощаю,— засмеялся Илья.— Домой? Давай помогу. Ишь, навьючился.

— Не-ет! Своя ноша легче пуха... Шагают рядом, и обоим хорошо.

— Смешной у нас народ,— неожиданно говорит Василий.— Заводилы дружинники, дружки твои. На днях, значит, собрание у нас было профсоюзное. Закончилась официальная часть, народ расходиться стал, а предсехкома и говорит: «Минуточку, дескать, внимания: еще один вопрос. Вчера, говорит, один наш товарищ получил от государства ссуду на строительство дома. Семьсот целковых. И вот мне, значит, выпала честь вручить ему эти деньги.— Берет со стола пакет и спрашивает: — Иван Михайлович, ты где? Давайте поаплодируем ему, товарищи. Правда, тут только шестьсот восемьдесят девять рублей. Но это — не ошибка бухгалтерии. Верно я говорю, Иван Михайлович?» Тот же спрятался за спины и, натурально, ревет от стыда и радости.

И в чем, ты думаешь, дело? Накануне решил этот горемыка спрыснуть с дружками ссуду. Прогулял одиннадцать рублей и уснул в газоне. А на его счастье — дружинники. Знают, что денег много должен нести человек. Извлекли их, а вместо денег — записочку: «Спи спокойно, дорогой друг. Пусть тебе приснится новый дом».

И, знаешь, наверное, проняло. Здорово? — Отлично! — соглашается Илья.

— Ильюша...— Василий чуток смущается.— Приходи к нам сегодня с женой. Придешь? Родня приехала какая-то...

Да, чуть не забыл. Еще новость. Бригадир-то наш велит мне присматриваться к завалочной машине. Машинист скоро в армию уходит.

Илья шагает домой и думает: «Случается же так. Этот бригадир чуть не лишился совсем недавно своих вещей, которые в двух чемоданах должны были отбыть в неизвестном направлении. Рассказать ему — не поверит. А я, пожалуй, расскажу им обоим. Со временем...»

— Здравствуй, Илья.

— Привет!

По проспекту Ленина — нога в ногу — идут трое — патруль народной дружины. Пожалуй, главное право этих людей — помогать каждому жить по-человечески. Одним помочь, других заставить. Гордое право! И дружина осуществляет его именем родного города.

* * *

Этот рассказ — только об одном члене трехтысячной дружины Серовского металлургического комбината. О дружиннике и его «крестнике». Оба живут и трудятся рядом. Изменены, по понятным причинам, только их имена.

ПРОФЕССИЯ МУЖЕСТВЕННЫХ И СЕРДЕЧНЫХ

СОРОК ПИСЕМ ГЛУПОЙ ДЕВЧОНКИ

Детской комнате милиции на Пермском вокзале иногда приходится подбирать потерявшихся детей. Да, дети, бывает, теряются. И это не так уж страшно: ребенка легко найти и так же легко объявить об этом по радио. Пока родители придут, с малышом займутся: в детской комнате есть игрушки, книжки.

Но, оказывается, бывают и постоянные «клиенты» детской комнаты. Это легкомысленные «любители путешествий», которые убегают из дому или катаются без дела, а то и без билета, на электричках. Задержат такого любителя раз, другой — и на него уже заведена карточка. Тогда работники детской комнаты милиции занимают им по-другому.

Сержант Зинаида Степановна Шварева хорошо знает таких, знает их родителей, даже в гостях у них бывала не раз. Есть мальчишки и девчонки, которые «навсегда порвали с прошлым» и теперь хорошо учатся, а к «тете Зине» приходят, чтобы поделиться своими делами, своими успе-

хами. Иные еще не преодолели страсти к железной дороге, — с ними продолжается работа.

Прошлой зимой сержант Шварева привела в детскую комнату пятнадцатилетнюю Аню Н. Девочка проводила вечера на вокзале, в зале ожидания. В спортивном чемоданчике у нее оказалась чернильница-непроливайка, ручка и сорок штук неотправленных писем. На конвертах значилось:

«Первому неизвестному солдату».

Аня узнавала у военных номер какой-нибудь полевой почты и, проставив его, отсылала всем почты одинаковые письма.

Она писала, что ей девятнадцать лет, что работает она следователем в милиции, или секретарем в прокуратуре, что хочет познакомиться и «выйти замуж». Были в чемоданчике и ответы, которые Ане уже удалось получить. Солдаты писали:

«Если ты следователь, почему делаешь так много грамматических ошибок? Лучше ты, Аня, учишь, не занимайся ерундой...»

Все это выглядело нелепо и смешно. Даже жалко стало девочку. Зинаида Степановна съездила к Ане домой. Оказалось, живет девочка несладко. Отчим частенько выпивает, дерется. Аня бросила школу, поступила работать санитаркой в поликлинику. Потом решила совсем уйти из дому. Но куда? Тут и появилась у нее мысль писать солдатам. Она бросила работу и стала проводить время на вокзале.

Новые друзья из милиции помогли Ане поступить на швейную фабрику. Сейчас в цехе ее хвалят, как хорошую работницу. Она учится в вечерней школе и частенько приходит проведать полюбившуюся ей «тетю Зину».

ГЛАВНОЕ — У ДВУХ КАПИТАНОВ

Сложна и очень кропотлива работа милиционера. Особенно на железной дороге. Поэтому и организована у нас, кроме обычной, милиция транспортная.

«Старые знакомые», «подшефные», «подопечные» есть и у капитанов Анатолия Дробинина и Евгения Новикова. Они — старшие оперативные уполномоченные.

Трудно хорошему человеку самому рассказывать о себе, о своей работе. По словам этих капитанов, все получается так: «Ну, надо найти преступника, ну, дело поручают Дробинину или Новикову. И они находят. Все».

Буднично? Просто?

Такая уж их обязанность — ни днем ни ночью не знать покоя, пока преступник не найден, не

пойман. Чтобы отыскать маломальский след, нужно терпеливо и дотошно действовать. И ни изнурительная жара, ни проливной дождь, ни жгучий мороз, ни длинные расстояния — не причина для передышки..

Оба капитана работают в Пермском линейном отделе милиции почти по двадцать лет. Участки, за которые каждый из них отвечает, тянутся вдоль железной дороги более чем на двести километров. Каждый поворот, каждый кустик им хорошо знакомы. Станции, разъезды. Везде люди. Их тоже надо знать. Попадают такие, что за ними нужен постоянный глаз — это «старые знакомые». Но у милиции очень много помощников, надежных, верных друзей.

— Что бы ни случилось, надо всегда посоветоваться, потолковать с людьми. Они всегда помогут, наши славные, отзывчивые граждане, — говорит Евгений Моисеевич Новиков.

Может, это слишком громко сказать: Дробинин и Новиков — гроза воров и хулиганов. Но сказать, что нарушители хорошо знают их и побаиваются, — не будет никакого преувеличения.

Но иногда не так-то легко поймать нарушителя.

— Бывает, почти точно знаешь, кто безобразничает, а поймать, захватить никак не можешь, — рассказывает Анатолий Максимович Дробинин. — Одно время на станции Пермь обворовывали пьяных, заснувших в электричках. Делали это, когда все пассажиры выйдут. И вот однажды, как только пришла электричка, я быстро пробежал по вагонам, увидел пьяного ротозея: спит на лавке, пола пальто свесилась до полу. Залез под лавку и жду. Пролежал почти полчаса. Слышу, идут. Точно: все трое, которых подозревал. Они обшарили у спящего карманы, взяли деньги, сняли часы. Выскочили из вагона и стали делить добычу. А я тут как тут.

Они от неожиданности даже нисколько не запырлялись.

— Ты обхитрил нас, начальник!

Наверное, оттого успешно работает Пермский отдел, что много там таких, как Дробинин и Новиков. Стены Ленинской комнаты украшают не только грамоты и дипломы за победы в спортивных соревнованиях. Главное украшение — портреты лучших, награжденных значком «Отличник милиции». Это гордость коллектива, работающего терпеливо, настойчиво, вдумчиво.

ДЕВЯНОСТО НИН КАМЕНСКИХ

В августе прошлого года на перегоне Оверята — Курья машинист пассажирского поезда заметил на рельсах труп. Молодой мужчина. Без пиджака, без документов. Что это? Несчастный случай или преступление? Медицинская экспертиза не обнаружила следов насилия.

Оперативные работники транспортной милиции во главе с начальником отделения уголовного розыска Григорием Андреевичем Галкой установили, что в ближайшие часы по этому пути проходили только грузовые поезда. Их догнали, осмотрели. И на площадке одной цистерны обнаружили кровь. Тут же нашли три пуговицы от рубашки, расческу.

Значит, была борьба? Появилось подозрение: человек убит, сброшен с поезда. Но пуговицы

расчески мало для доказательства, а тем более для поимки убийцы.

Григорий Андреевич тщательно осмотрел соседнюю платформу с автомашиной. В кабине новенького «МАЗа» тоже заметили кровь. Потом нашли два билета — «Курья — Нытва» и «Нытва — Курья», окурки, четыре сожженных спички и скровавленный кружок картонки от кепки. Все это преступник оставил, по-видимому, после убийства. Но как его найти?

Григорий Андреевич с большим трудом, принося самые совершенные научные способы, отыскал и выявил отпечаток пальца на баранке руля автомашины. Его сняли на дактилоскопическую ленту. Начались розыски.

Сначала поговорили со всеми проводниками, которые работали в день преступления на пассажирских поездах Нытва — Чайковская. Нашлись двое, узнавшие убитого. Да, он ехал в вагоне, курил в тамбуре с другим мужчиной в старом сером пиджаке. На станции Чайковская (пересадка по дороге из Нытвы в Курью) оба вышли.

Старый серый пиджак оказался выброшенным в километре от места происшествия (в сторону Курьи). Начали поиски в Нытве. Показывали старый серый пиджак многим людям, расспрашивали, не видел ли кто-нибудь человека в этом пиджаке. Нашлись такие, что вспомнили: да, заходил в буфет на вокзале мужчина. Он рассказывал, что раньше жил в Нытве, потом был осужден за преступление, вернулся и разыскивал Нину Каменских.

В городе Нытве оказалось пятьдесят Нин с фамилией Каменских. Да еще сорок Нин — бывших Каменских, которые вышли замуж за последние пятнадцать лет и носят другую фамилию. Какую из этих девяноста искал мужчина в сером пиджаке? Пришлось познакомиться с каждой.

Но это не помогло.

А эксперты занимались отпечатками пальца. Кто оставил его на баранке? Убитый? Нет. Его отпечатки не совпадали. Это мог быть и след пальца рабочего, который собирал машину на заводе, пальца шофера, людей, грузивших машину. «МАЗ» делали на Минском заводе, там же и грузили на платформу. Пришлось просить минских товарищей дать отпечатки пальцев, объяснить им, в чем дело. Собрали у всех, кто только мог оставить их на руле. Ни один не совпал.

Просмотрели множество отпечатков пальцев людей, привлекавшихся к уголовной ответственности. Долгая, кропотливая работа.. И эксперт Виктор Иванович Поздеев, наконец, нашел тождественные отпечатки. Они принадлежали Валентину Волкову, осуждавшемуся ранее на пятнадцать лет.

Волков, отбыв наказание, жил в Перми, но потом уехал. Куда? Нашли. В Пельмень-Бор — отдаленный поселочек Пермской области.

ПРОФИЛАКТИКА НЕ ТОЛЬКО В МЕДИЦИНЕ

Конечно, работникам милиции приятно, когда преступление раскрыто. Но еще приятней и радостней, когда преступлений нет, когда они предупреждены.

Врачи говорят, что профилактика в медицине — неотъемлемая часть в борьбе за здоровье трудящихся. В Пермском линейном отделе транспортной милиции считают, что профилактика в

их работе — главное. Начальник отдела подполковник Владимир Адамович Фещенко очень строго следит за соблюдением мер профилактики. Он учит подчиненных:

— Вы забыли, что летом народ ездит больше? Особенно в субботу и воскресенье... Никаких выходных в эти дни: должно быть усиленное дежурство на станциях. Надо уметь предупредить несчастные случаи и преступления, заранее принимать меры предосторожности.

В отделе говорят, несмотря на такую строгость: с Владимиром Адамовичем легко работать. Он отлично знает сложное милицмейское дело: сам начинал с должности оперуполномоченного. Президиум Верховного Совета СССР наградил его медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». У капитана Дробинина и у старшины Злыгостева — тоже такие медали.

Усиленное дежурство в летние дни, которое по требованию Фещенко, введено на всех станциях отдела, — это профилактика несчастных случаев и преступлений.

Еще одна мера профилактики — специальная радиогазета. Работники Пермского отдела вместе с железнодорожниками начали выпускать ее в конце прошлого года. Через радиогазету (ее читают в поездах, на вокзалах) пассажирам напоминают, что надо быть бдительными в пути, соблюдать все правила и порядки. В электричках по радио высмеивают и клеймят нарушителей общественного порядка, пьяниц, хулиганов, безбилетников. В Перми много народу ездит на работу поездом, и у радиогазеты огромное число слушателей. Постоянно выступают в ней начальник отделения службы Георгий Трофимович Ворончихин и заместитель начальника отдела Михаил Иванович Иванов.

Бывает и так: «Зинаида Владимировна Щапова, киоскер вокзала, вы слушаете нашу передачу?» И радиогазета рассказывает о проделках сына Щаповой и напоминает ей о родительских обязанностях. Это тоже профилактика — беседа о воспитании детей.

Более семисот километров вдоль железной дороги — «хозяйство» Пермского линейного отдела милиции. Служба в транспортной милиции тяжела, но отдел не был бы передовым, если б не мужественность, беззаветность его людей, увлеченных своим благородным делом, людей сердечных.

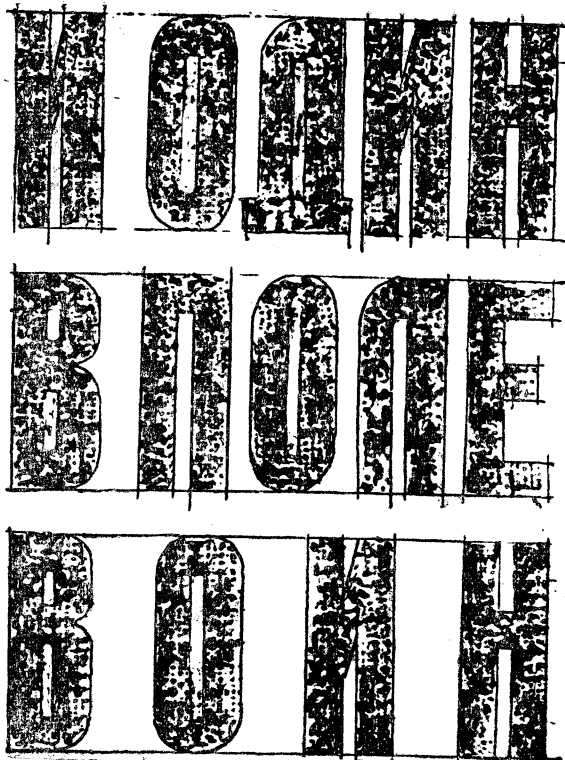
— Иногда будят ночью, только разоспишься. Вставать неохота, злишься, ругаешься, — признается Евгений Моисеевич Новиков. — А потом, если операция еще не закончена, скажи: Новиков, иди домой, ни за что ведь не уйдешь.

А Григорий Андреевич Галка добавляет с грустной улыбкой:

— Нас ведь не зовут, когда у людей радость, ни на свадьбу, ни на юбилей. О нас вспоминают, когда приходит беда, когда нужна помощь...

В Перми большое железнодорожное движение: ежедневно отправляется семьдесят четыре поезда дальнего следования, сто пятьдесят пригородных. Через два пермских вокзала в сутки проходит более семидесяти тысяч пассажиров. И их жизнь, их безопасность, покой и благополучие охраняют хорошие люди — люди мужественной и сердечной профессии.

И. ОЧЕРЕТИНА

Ю. ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

Рисунки С. Киприна

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Над пропастью

В радиотехнике Думбрайт разбирался плохо и, стремясь скрыть это от персонала школы, ни в какие разговоры с инструкторами радиододела никогда не вступал. Но сегодня, в силу исключительных обстоятельств, ему хочется не хочется пришлось вызвать к себе этого белесого, будто крыса, вымазанная сметаной, Вайса, один вид которого вызывал в нем физическое отвращение.

Очевидно, неприязненный взгляд Думбрайта и был причиной того, что инструктор, войдя в комнату, сразу же растерялся. Правда, этот бывший лейтенант гестапо каждый раз терялся, когда ему приходилось разговаривать с офицером, старшим по чину, а ведь в эту минуту он стоял перед всемогущим боссом!

¹ Продолжение. Начало см. № 8 за 1963 г.

— Согласно с договором между бывшим райхом и Испанией,— разворачивая на столе карту, запинаясь, начал докладывать Вайс,— вот эта территория, названная «квадратом четыреста двадцать семь», принадлежит нам, то есть школе «рыцарей благородного духа»...

— Да не торчите вы перед глазами! Сядьте!— гаркнул Думбрайт.

Вайс растерялся еще больше.

— Извините,— пробормотал он, опускаясь на кончик стула.

— Дальше!

— По параграфу номер четыре договора, о котором я имел честь докладывать...

— А короче можно? Без всяких там «имел честь» и прочее!

— Слушаюсь! В этом квадрате лицам испанского происхождения жить не разрешается...

— А может быть просто испанцам, так будет короче?

— Нет, испанского происхождения,— осмелился возразить Вайс.— Ведь фрау Менендос не испанка. А исключение сделано именно для нее, ее дочери и экономки. Пропуск есть и для падре Антонио. Он...

— Дальше!

— Квадрат четыреста тридцать седьмой пользуется экстерриториальностью: испанская полиция не имеет права вмешиваться в события, происходящие на территории квадрата. Полную ответственность за них несет администрация школы...

— Зачем мне вся эта предыстория! Плевал я на нее! Скажите лучше о том, что непосредственно касается дела,— о радиостанции!

— По договору...

— Ну чего вы все время от печки танцуете? Ясно, что по договору!

— ...школе предоставляется право иметь радиостанции — количество их в договоре не ограничено,— но все они подлежат регистрации в Испании с точным обозначением размера волн и времени передач.

— Наши станции все зарегистрированы?

— Так точно!

— Волны тоже?

— Так точно!

— На каких волнах работала запеленгованная станция?

— Прошу ознакомиться с актом, здесь все указано. Волны не наши. А вот и шифровка, переданная подпольной радиостанцией.— Вайс положил перед боссом лист бумаги с длинными рядами цифр.

— Передача велась на испанском языке?

— Нет, на немецком...

— Испанская разведка пыталась расшифровать текст?

— Когда я вылетел сегодня из Барселоны, сделать это еще не удалось...

— Эту станцию в нашем квадрате запеленговали впервые?

— Так точно, в первый раз, но...

— Что «но»?

— Разрешите доложить подробнее, я не могу так коротко сформулировать...

— Валайте, как умеете!— буркнул Думбрайт.

Вайс, будто готовясь к продолжительному разговору, сел удобней.

— Каждый вечер с десяти до двенадцати

я работаю на коротковолновой станции, зарегистрированной под номером десять. Семнадцатого ноября прошлого года в четверть двенадцатого — дата и время абсолютно точные, они врезались мне в память — я, извините, чихнул, и рука моя, вздрогнув, невольно повернула ручку настройки. В ту же секунду я ясно услышал цифру шестнадцать дробь два, а за ней еще несколько цифр. Очевидно, это был конец шифрованной передачи, потому что как я ни прислушивался, ничего больше...

— На какой волне, черт побери!— Думбрайт стукнул кулаком по лежавшему перед ним акту.

— На более короткой...

— Вы или сами недоумок, или считаете недоумком меня. Говорите точно!

— К сожалению, я снова чихнул, и от волнения...

— Идиот! Полюбуйтесь своими кадрами, мистер Нунке!

Начальник школы, не принимавший до сих пор участия в разговоре, вскочил со стула и так сжал кулаки, что, казалось, вот-вот схватит радиста за шиворот и швырнет его на пол.

— Продолжайте!— подогнал Вайса Думбрайт.

— Я поймал только несколько последних цифр и решил, что это подпольная антифранкистская радиостанция. Их в Испании много...

— А может быть, и запеленгованная вчера принадлежит испанским коммунистам?

— В Барселоне меня заверили: подпольщики используют свои радиостанции только в тех случаях, когда надо передать обращение к населению или какую-нибудь информацию. Но все это дается открытым текстом, исключительно на испанском языке или местных диалектах.

Вайс даже вспотел, докладывая боссу, но вынуть носовой платок, чтобы вытереть лицо и мокрую от пота шею, не осмелился. Он сидел, не сводя пристального взгляда с лица Думбрайта, от которого — Вайс хорошо знал школьные порядки! — зависит не только его дальнейшая карьера, но и сама жизнь. Главное, о чем он не мог даже догадываться, заключалось в том, что, рассказав о перехваченной осенью прошлого года шифровке, он нажил смертельного врага в лице начальника школы, а в лице босса — могущественного покровителя.

То, что в квадрате школы запеленговали радиостанцию, размежевало их позиции.

По мнению Нунке, Думбрайт сделал неправую ошибку, приказав всех новичков, нанятых в лагерях для перемещенных и прибывших в школу в марте этого года, принимать в школу сразу же, без предварительной подготовки на контрольных пунктах в Фигерасе. Нунке, соглашаясь с тем, что это ускоряет подготовку, доказывал, однако, что благодаря такой поспешности в школу может проникнуть не только нежелательный балласт, но и вражеский агент. Думбрайт в глубине души придерживался того же мнения, но продолжал настаивать на своем. Не мог же он признаться, что хочет во что бы то ни стало выслужиться перед высоким начальством и выполнить свое обещание: не позже, как че-

рез несколько месяцев, заслать в Советский Союз сотню, а то и больше диверсантов.

Теперь, когда в квадрате школы была запеленгована радиостанция, Нунке напомнил боссу о своих опасениях. Защищаясь, Думбрайт выдвинул свою версию: в школе скрывается давно посланный и хорошо законспирированный агент; до сих пор он молчал, а теперь, когда школа развернула работу, возобновил связь и, возможно, донес уже о том, что в ближайшее время в Россию будет заброшена группа агентов. Хотя информация Вайса о частично перехваченной осенью неизвестной шифровке не подтверждалась никаким документом и принадлежала к той категории агентурных данных, которые обозначались двумя буквами «ТП», то есть «требует проверки», тем не менее она значительно усиливала позицию Думбрайта. И босс, и Нунке как официальный начальник учреждения обязаны были сообщить о случившемся в Нью-Йорк. А это опасно. Очень опасно для одного из них.

Если выяснится, что агент проник в школу с новым пополнением, во всем обвинят Думбрайта. Его немедленно отзовут и накажут, по всей вероятности, очень чувствительно.

Если же будет доказано, что вражеский агент скрывается в школе давно, отвечать придется Нунке. До приезда Думбрайта он лично руководил и подбором слушателей и вообще всей работой, значит, спросят с него. Но ведь это же конец карьеры! А может быть и того хуже. Сам босс в минуту откровенности намекнул как-то, что из американской разведки живыми в отставку чаще всего не выходят...

И вот теперь, сидя в кабинете и глядя на вспотевшего Вайса, оба взвешивали свои шансы на спасение. Думбрайт готов был на радостях обнять Вайса, Нунке — задушить его. И, как два противника, приготовившиеся к смертельному поединку, они понимали мысли и чувства друг друга.

— Идите! Вы пока свободны! — после длинной паузы выдал из себя босс.

— Разрешите одно замечание... — несмело подал голос Вайс.

— Ну, что еще?

— Я советовался в Барселоне... У меня возник план...

— Ладно, я вызову вас немного попозже. Вайс вышел.

Думбрайт встал, демонстративно сладко потянулся и вплотную подошел к Нунке. Так и простояли они минуты две, молча глядя друг другу в глаза.

— Вы понимаете, чем это пахнет? — наконец спросил Думбрайт.

— Еще бы! Это — конец то ли вашей, то ли моей карьеры. Но предупреждаю: я не из тех, кто сразу же, подняв лапки вверх, падает на спину. Я буду бороться до конца!

— Представьте себе, я тоже!

— Разрешите привести аргументы, направленные против вас.

— Пожалуйста!

— По вашему приказанию за шифровками в Барселону поехал не я, а Вайс, самый бездарный из всех сотрудников школы... Как вы докажете, что перед поездкой не проинструктировали его, выдумав версию с перехваченной осенью шифровкой?

— С какой целью мог бы я это сделать?

— Чтобы скрыть допущенную вами ошибку — распоряжение принимать новое пополнение без всесторонней и основательной проверки.

— Но ведь у меня есть свидетель!

— Кто?

— Вайс!

Нунке захохотал.

— Мистер Думбрайт, этот свидетель — единственное мое спасение! Если он и в самом деле перехватил шифровку, то едва ли решился бы скрыть это от меня, начальника школы.

— Это зависит от того, какие вы ввели порядки... — возразил не совсем уверенно Думбрайт. Он уже понял, что радость его немного преждевременна, и что, выходя на поединок с таким противником, как Нунке, надо вооружиться как можно лучше. А чтобы подобрать соответствующее оружие, необходимо время.

— Что же вы предлагаете? — примирительно спросил он.

— Не топить друг друга. Искать виновника.

— Гм...

— Иначе мы можем утопить и себя, и школу.

— С чего же вы предлагаете начать?

— С сопоставления событий.

— То есть?

— Просмотрим дневник школы за ноябрь прошлого года. Если в этом месяце случилось что-нибудь, заинтересовавшее агента...

— Понимаю. Хотите сначала проверить мою версию? Что ж, я не возражаю.

Нунке подошел к сейфу и вынул из него прошнурованную тетрадь. На обложке было написано по-английски: «Ноябрь 1946 года».

— Почему не по-немецки?— бросив на нее взгляд, придирчиво спросил Думбрайт.

— Потому что в это время школа уже была подчинена Нью-Йорку и руководили ею фактически вы. И группа Протопопова...

— Но ведь не я же нашел и привез в Испанию эту группу?

— Нашел-то я, а вот приказ о ее отправке дали Хендкопфу вы. В Берлине, помните?

— Ладно, не будем полагаться на память, давайте читать.

Нунке и Думбрайт, сдвинув кресла, склонились над раскрытым дневником и углубились в чтение.

Тупым концом карандаша Думбрайт водил от слова к слову, от строчки к строчке, боясь пропустить что-нибудь значительное, на что, быстро перевернув страницу, с умислом мог не обратить внимания Нунке. Но как ни всматривался он в каждое слово, ничего более или менее значительного не находил. Обычные отчеты о повседневных делах. На странице, датированной девятым числом, взгляд его нашел, наконец, нечто, достойное внимания.

«Заключилась операция «Кролик»,— прочитал он вслух,— профессор Петерсон принес статью. Общее впечатление — положительное».

В такт его словам Нунке с явным удовольствием покачивал головой.

— В чем дело?— спросил Думбрайт.

— Имя профессора вам, конечно, известно... В Фигерасе он вел себя несолидно. Мы подослали к нему Мэри. В обмен на негатив профессору пришлось написать для нас статью, в аспекте, который мы ему предложили. Как видно из дневника, операция «Кролик» закончилась удачно.

— Тема статьи?

— Кибернетика. Самое выдающееся достижение идеалистической мысли.

— Как использована статья?

— Через соответствующие каналы мы передали ее агентам.

— Опубликована где-нибудь?

— В Польше и Югославии!

— А в России?

— По агентурным данным, готовится ответ Петерсону в солидном научном журнале. Кибернетика объявляется лженаукой, выдумкой мракобесов.

— Почему не сказано об этом в дневнике?

— О результатах дезинформации речь идет в записях за декабрь, когда статья появилась в прессе.

— Хорошо. Давайте дальше! Меня интересуют даты, более близкие к семнадцатому.

И оба снова склонились над тетрадью. После даты «16 ноября» шла запись:

«Артур Шредер—Грегоре Кокулеску вынужден был согласиться на поставленное нами условие: уезжая на гастроли в Москву, в качестве жены взять с собой Нонну Поко, которой поручено выполнение операции «Танец»».

Через минуту Думбрайт, прочитав эти строки, положил тяжелую ладонь на дневник. У него был вид человека, нашедшего, наконец, то, что его интересовало.

— Кажется, мы с вами не напрасно потрудились!— довольно воскликнул он.— Запись датирована шестнадцатым, а Вайс перехватил шифровку семнадцатого! Вот вам и разгадка таинственной передачи!

— Несколько цифр, услышанных Вайсом в то время, когда он чихнул и повернул ручку то ли вправо, то ли влево, ни о чем не говорят. Он мог случайно наткнуться на передачу одного из любителей коротковолнников, они все время шарят в эфире... И главное: недели две назад я сообщил вам, что Поко операцию провела успешно и просит разрешения продолжать турне со Шредером. Вы согласились и даже приказали выслать ей денег.

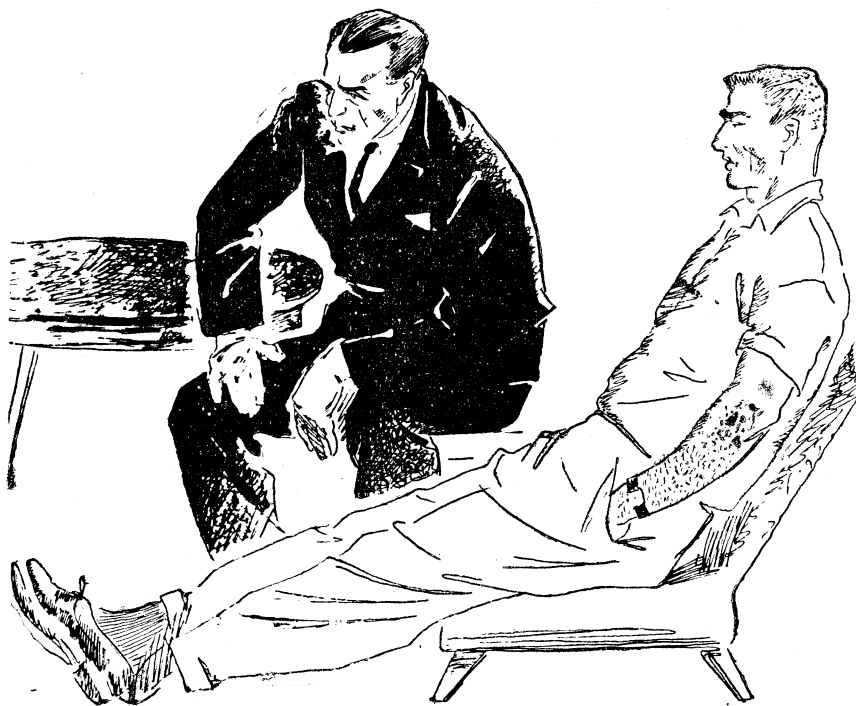
— Помню, но...

— Какие могут быть «но», если операция проведена успешно!

Глаза Думбрайта, не мигая, впелись в лицо Нунке. Казалось, он гипнотизирует своего собеседника.

— А вы не допускаете мысли, что сама Поко для советской разведки не представляла никакого интереса? Куда важнее было разрешить ей передать пластинки, проследить, куда они попадут, и тем самым обнаружить все наши каналы распространения... Допускаете?

— Допускаю. Но предположение — еще не доказательство. «ТП» — требует проверки...

— Кто разрабатывал план операции «Танец»?

— Фред Шульц и Шлитсен.

— Кто еще знал об этой операции?

— О том, что Нонна Поко едет со Шредером в Россию, знал весь город,— ведь ее «жених», по нашему требованию, устроил в ресторане такую пышную помолвку, что о ней даже писала местная газета.

— Позовите сюда Шульца, а потом Шлитсена. Только поодиночке.

Нунке набрал было номер, но тут же опустил трубку на рычаг.

— К Шульцу нечего и звонить. В это время он, по вашему приказанию, ежедневно бывает у баронессы.

— Звоните Шлитсену!

Через несколько минут Шлитсен стоял перед начальством. Испуганный неожиданным вызовом, в первые минуты он думал лишь об одном: как скрыть, что у него дрожат колени.

— Mister Шлитсен, вы принимали участие в разработке операции «Танец»?— голос босса звучал сурово, а глаза смотрели испытующе.

У Шлитсена сразу же отлегло от сердца: со слов Фреда, он знал, что Нонна задание выполнила, и ей по приказу босса выслали денежное вознаграждение.

— Так точно, мистер Думбрайт!— бодро отрапортовал бывший заместитель Нунке.— Принимал, и самое активное.

— Кто выдвинул кандидатуру этой... как ее... Поко для проведения операции?

— Я.

— Шульц сразу согласился?

— Сначала возражал, ссылаясь на ее молодость, и предложил Мери, но я ему доказал...

— Спасибо, нам нужно было уточнить одну деталь... Можете идти!

Шлитсена не надо было просить дважды. Почтительно поклонившись, он моментально исчез, теща себя надеждой, что этот поздний разговор об удачной операции, безусловно, связан с его возвращением на бывшую должность.

Думбрайт забарабанил пальцами по столу, как делал каждый раз, когда обдумывал что-то. Нунке, взглянув на босса, озабоченно насунился.

— Продолжим?— чтобы нарушить затянувшееся молчание, спросил он.

— Погодите. Вернемся к записям. Кто дежурил по школе семнадцатого?

— Фред Шульц. Вот его подпись.

— Что-нибудь случилось в этот вечер?

— Ничего особенного. Разрешите прочитать?

— Только пожалуйста медленней.

— «Я, Фред Шульц, приступив к дежурству в шесть часов вечера, принял рапорт от дежурного Ворона о наличии состава воспитателей и воспитанников. Во время вечернего обхода, начатого мной в десять часов, никаких нарушений дисциплины не обнаружил. К ученику класса «Р» Домонтовичу, которого беспокоила острая боль в пояснице, пришлось вызвать доктора Гауфе. От инструктора Вайса по телефону поступила просьба передать ему несколько таблеток аспирина— жалоба на насморк и головную боль. Мое предложение при-
слать на радиостанцию другого дежурного он

отклонил, заявив, что от аспирина ему станет лучше. В десять сорок пять проверил, в каком состоянии больной Домонтович. После порошков и грелки он спокойно спал. В одиннадцать ноль-ноль позвонил хозяин таверны и сообщил, что ожидаемый груз прибыл. Посты охраны на проходной и вокруг парка, как положено, проверялись через каждый час. Нарушений правил внутреннего распорядка не было.»

— Какие выводы можно сделать, проанализировав эту запись, мистер Нунке?

— Что из поля нашего зрения многое выпало. Мы все внимание сосредоточили на школе, а между тем квадрат четыреста двадцать семь занимает довольно большую территорию. Это первое и, пожалуй, самое главное.

— Резонно. До тех пор, пока мы не узнаем, откуда именно велась передача, все наши домыслы будут пустой болтовней.

— Второе. Не расшифровав текста передачи, нельзя решить, касается ли она непосредственно школы или нет. Это обстоятельство я поставил бы на первое место.

— Что вы предлагаете?

— Не надеяться на барселонских шифровальщиков и упражнения недосумковатого Вайса, а послать подслушанный семнадцатого текст в отдел дешифровки разведывательной службы США. А до получения ответа только наблюдать, накапливать факты... Этот радист сказал, что у него есть какой-то план. Может быть, вызовем его и послушаем еще раз?

— Не думаю, чтобы он предложил что-нибудь умное.

— Не следует пренебрегать мелочами...

Вайс, на протяжении одного вечера дважды вызванный высшим начальством, вырос в собственных глазах, почувствовал себя лицом значительным, к мнению которого прислушиваются. Поэтому он вошел в кабинет четким шагом, подтянутый, с высоко поднятой головой.

— Садитесь,— окинув его насмешливым взглядом, предложил Думбрайт.— Вы говорили о каком-то плане. В чем он заключается?

— Я предложил действовать по методу исключения, и в Барселоне со мной согласились.

— В чем же заключается этот метод?

— Берут под подозрение всех сотрудников без исключения и постепенно отсеивают тех, чье алиби не вызывает ни малейшего сомнения.

— Ну что же, попробуем. А вы подготовьте свои замечания относительно каждого, работающего в нашей школе.

— Я уже осмелился начать...

— Когда закончите, покажете мне.

— Извините, мистер Думбрайт. Мне хочется задать вам один вопрос...

— Придется извинить. Говорите!

— Кто из сотрудников школы знает о том, что станция в квадрате нашей школы заперенгована?

— Mister Нунке, я и Фред Шульц.

— Это плохо...

— Берете под подозрение нас троих?— не скрывая насмешки, спросил Нунке.

— Только Шульца,— спокойно ответил Вайс.

— Шульца?— сорвался с места Думбрайт.— Да у него уже сейчас готовое алиби!

— О чем не знаю, о том судить не берусь... Но кое-что в его поведении показало мне подозрительным.

— Факты!

— Как воспитатель, он часто присутствует на практических занятиях. Меня удивило, что он, опытный старый разведчик, совершенно не разбирается в радиотехнике. А месяц назад, когда он снова пришел на станцию, я умышленно сделал несколько ошибок. Шульц поправил меня и даже заметил, что для должности инструктора радиодела у меня не хватает квалификации. Тогда мне и пришло в голову, что Шульц по каким-то причинам просто скрывал...

— Боже, какой тонкий и глубокий анализ! — рассмеялся Думбрайт. — А не приходило ли вам в голову, что вы и в самом деле бездарность и Шульц вас проверял? Нам нужны факты, факты, а не ваши домыслы!

Вайс вышел из кабинета в значительно худшем настроении, чем вошел. Босс требует фактов, а где их возьмешь, если сомнения, появившиеся у инструктора радиодела, построены на мелких, почти неуловимых деталях, на интуиции, развитой у Вайса, как нюх у собаки-ищейки, благодаря длительной работе в гестапо. «Ночь напролет просижу, а вспомню все, что заметил подозрительного в поведении и разговорах Шульца. Буду следить за каждым его шагом. Факты будут! Нужно только время», — думал Вайс, направляясь в свой бокс.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Клетка остается пустой

Всего несколько дней прошло с тех пор, как несмело коснулась весна земли кончиками пальцев, а сегодня все вокруг красовалось уже в бурном цветении. Словно внезапно прорвало плотину, и какая-то неведомая щедрая сила неудержимым потоком хлынула на освободившиеся от снега холмы и ложбины, и ключом закипела в них неукротимая новая жизнь.

Агнесса остановила коня.

— Боже, какой воздух! Будто настоенный на травах, солнце и... воле. Каждая жилочка дрожит во мне, кажется, так и полетела бы куда-нибудь...

— Вы скоро полетите, Агнесса! — с грустью вырвалось у Григория.

Она окинула своего спутника испытующим взглядом, в позе ее чувствовалось напряженное ожидание.

А Фред молчал. Последние дни на сердце у него было тревожно. Почему-то сегодня он особенно остро почувствовал, как не соответ-

ствует его настроение и этому весеннему дню, и настроению молодой женщины.

Станцию запеленговали. Над Ирене и Агнессой нависла беда, его на каждом шагу преследует настороженный и подозрительный Вайс. Что может знать этот альбинос? О чем догадывается? Не взял ли он под подозрение и Домонтовича?

Он так углубился в свои мысли, что опомнился лишь после того, как заметил, что конь Агнессы понесся вскачь. Припав к шее Рамиро, она беспрерывно подгоняла его ударами хлыста, и он мчался, не разбирая дороги, перескакивая через кустарники, валуны.

Григорий догнал Агнессу у самой виллы.

— Нет, я вам больше не товарищ! — сердито воскликнул он, когда оба спешили. — Так нести! Я уверен, что вы когда-нибудь сломаете себе шею, свалившись с какой-нибудь кручи вместе с Рамиро!

— Вам было бы жаль меня? А ведь это должно быть чудесно — упасть и ничего не чувствовать! А весной прорастит стебельком или диким цветком... Как вы думаете, красивый вырос бы из меня цветок?

Агнесса выпрямилась, повела плечами и горделиво откинула голову. Григорий невольно залюбовался ею.

— Ну, почему же вы молчите?

— Чудесный! Но я все же предпочитаю иметь дело с живой женщиной. Давайте присядем вот здесь, на веранде; я должен о многом поговорить с вами.

Агнесса быстро взбежала по лестнице и упала в кресло. Григорий видел, как высоко поднимается ее грудь. От быстрого бега или от волнения? Острая жалость вспыхнула в его сердце: «Бедняжка! Не такого разговора ты ждешь!»

На мгновение у него появилось желание ничего ей не говорить. Просто, припасть разгоряченным лбом к ее прохладным ладоням, прошептать слова, которые она давно ждет, скрыться вместе с ней и Ирене, пока еще есть время, и он может спастись...

Время... да, время... Как раз времени-то у

него осталось очень мало. Он должен сказать ей все сегодня же, немедленно. Пусть она услышит это не от падре Антонио, который, зная об опасности, уже достал визы, а от него самого. Потому что вечером, через несколько часов, она должна уехать... Пока не спохватился Нунке... Пока не раскрылось все с радиостанцией...

— Агнесса!— Григорий увидел, как испуганно расширились глаза женщины. Очевидно, в его тоне было что-то, встревожившее ее...

— Помолчите минутку! Мне страшно!— Агнесса умоляюще подняла руку, будто инстинктивно хотела защититься от удара.

— Это что-то очень плохое, Фред?— тихо спросила она через некоторое время.

— Да. Мне кажется, я допустил ошибку, не подготовив вас заранее. Но так трудно признать боль тем, кто стал тебе дорог!

Глаза Агнессы засияли.

— Если это действительно так, я готова выслушать самое плохое...

— Даже если нам придется расстаться?

— О, я пробуду в Риме не больше месяца!

— Вы никогда не вернетесь сюда, Агнесса! Ради Ирене, ради себя, ради меня...

— Это невозможно! Тут все, чем я живу. Мой дом, мои друзья, моя школа... Тут... Скажите, что вы пощупили, Фред, что хотели просто испытать меня. Не молчите же, слышите, не молчите! И не смотрите на меня так, будто... будто... Я не хочу, чтобы вы так смотрели на меня!

— Тише, Агнесса, успокойтесь...

— Я не хочу молчать! Я не хочу ждать! Вы немедленно скажите мне, почему я должна отречься от всего!

— Что вы понимаете под словом «всего»?

— Я уже сказала: от моего дома, моей школы, от того святого дела, служить которому я поклялась!

— Святым делом вы называете убийство, нечеловеческую жестокость, самое преступное коварство, Агнесса!

— Опомнитесь, Фред! Слово божье — это любовь и милосердие!

— Вы думаете, что ваши «рыцари благородного духа» — это носители слова божьего?

— Я не понимаю вас, Фред. Вы произнесли это так, словно...

— Знали бы вы, что творится за стенами вашей школы! Для каких «походов» готовят «рыцарей», и сколько горя и слез несут они людям!

— По уставу школы...

— Вывеска, Агнесса! Ширма, за которой скрываются убийцы и провокаторы! Вашим именем прикрывают самое позорное пристанище разбойников. Выслушайте меня спокойно.

...Когда Григорий закончил, лицо Агнессы было мертвенно-бледным. Побелели даже запекшиеся, крепко сжатые губы.

— Вам плохо, Агнесса? Принести воды?

— Не надо. Я ничего не возьму от вас. Вы тоже предали меня, вы тоже меня обманывали... Глупую цыганку, которой вздумалось стать барыней. О, как я ненавижу вас всех! Я возьму Ирене и уберу в табор! Там выманивают только пессеты, но не трогают душу! Я заработаю на себя и Ирене! Я буду гадать, воровать, нищенствовать, и никто больше не ста-

нет плевать мне в душу!.. Но сначала я подожгу школу! Слышите, вашу школу, а не мою! А деньги, которые забрала из банка, пущу по ветру! О, Мадонна, как могла ты так обмануть меня!— Заломив руки, Агнесса упала на колени, выкрикивая проклятия и угрозы.

Григорий схватил ее за плечи, заставил встать и насильно усадил рядом с собой на ступеньках лестницы.

— Я непоправимо виноват перед вами, Агнесса! Я должен был раньше открыть вам глаза. Я не сделал этого лишь потому, что хотел защитить вас. Зная правду, вы не смогли бы притворяться.

— Защитить меня? А может быть себя?

— И себя тоже. Но не от вас, а от Нунке, Думбрайта, всех остальных. Я тоже обманом попал в эту ловушку, и даже не час, а каждая минута может быть для меня последней. Уже одно то, что я рассказал вам обо всем... Нет, нет, не пугайтесь! Ведь никто в школе не уз-

нает об этом. Для меня ваш отъезд тоже будет «неожиданностью»... Я так устрою, с падре мы обо всем договорились. Официально вы должны уехать в Рим. Нунке в этом заинтересован, так как хочет, чтобы послание к верующим всего мира поддержали в Ватикане. Он, конечно, не возражал бы против вашего отъезда, а я не торопил бы вас. Но Думбрайт решил убрать падре — единственного человека, который может помочь вам скрыться на некоторое время, устроить Ирене в санаторий...

— Как это «убрать»?

— Я только что рассказал вам о делах школы и методах ее работы. Неужели вы не понимаете? Они боятся его влияния на вас, боятся, что деньги, которые лежали на вашем счету, падре обратит на дела церкви. Он стал лишним в игре, которую они ведут!

— Боже праведный! Просвети мою темную голову! Ведь падре сам основал школу, они вместе с Нунке... Я, наверное, схожу с ума... Я теперь ничего не могу понять. Мой духовник, которому я доверяла каждую свою мысль, который так заботился о моей девочке, выходит, он знал все?

— Заботился об Ирене? Он сделал ее оружием ваших пыток! Вашего закабаления! Вспомните, как все это было! Он надругался и над ребенком, и над сердцем матери. Ирене необходим был хороший врач, а не молитвы, богомолья, пожертвования, весь тот обман, которым он столько времени оплетал ваше сердце и задурировал разум.

— Но чем я провинилась перед ним, чем провинилась бедная крошка. Не может этого быть, Фред!

— Ваша вина в том, что вы унаследовали деньги дона Менендоса...

— Я с радостью отреклась бы от них... Босой ушла бы из этого дома...

— Падре не разрешил бы вам сделать это. В его честолюбивых планах богатая сеньора и ее трагическая судьба играли слишком большую роль; ему важно было поднять вокруг вас шум, чтобы выдумка о крестовом походе, о школе «рыцарей» стала источником новых прибылей. О, падре хорошо рассчитал! Ошибся он лишь в одном — взяв в сообщники Нунке. Два волка, не поделив добычу, рано или поздно должны были перегрызться.

— Не могу, не могу больше слушать! Помолчите минуту, дайте собраться с мыслями... Они разбегаются, и в голове у меня пусто, и вся я пустая. Будто лечу вниз головой в темную пропасть, и все во мне оборвалось... Только не уходите, не уходите, Фред! Я должна что-то сделать и не знаю что... У меня просто нет сил пошевелиться. Помогите мне встать, мне надо идти, обязательно надо идти... а я... будто высосали из меня кровь...

Сжав ладонями виски, Агнесса сидела, тихо раскачиваясь, уставившись глазами в одну точку. Это внезапное оцепенение испугало Григория больше, чем предыдущий взрыв отчаяния и гнева.

— Агнесса, сию же минуту возьмите себя в руки! — крикнул он. — Слушайте меня! Вы немедленно встанете и приготовите все к отъезду. Сегодня вечером, как только стемнеет, вы уедете. Нунке оставьте записку о том, что сделать это заставило вас внезапное ухудшение состояния Ирене. Напишите, что послание

к верующим, с которым приходил к вам Думбрайт, вы взяли с собой, чтобы показать его в Риме. Вторую записку адресуйте мне. Извинитесь, что не успели со мной проститься, заверьте, что через две недели возвратитесь. Подпишитесь: «Ваша Агнесса». Если сможете, прибавьте несколько ласковых слов. Это необходимо для того, чтобы ни у Нунке, ни у Думбрайта не возникло подозрений относительно моего участия в вашем побеге. Деньги у вас есть, визы — у падре Антонио. Я его уже предупредил, попозже он будет здесь.

— Падре Антонио?! — это имя вывело Агнессу из состояния прострации. Она быстро вскочила. — И у вас поворачивается язык советовать мне ехать вместе с ним?!

— Другого выхода у вас нет. Не волнуйтесь: теперь вы поменялись ролями, и он будет в ваших руках. Доверенность на право пользования деньгами с вашего текущего счета вы отдадите ему лишь после того, как он устроит вас с Ирене, Пепитой и Педро. Конечно, все, что принадлежит вам, оставьте у себя. Этих денег должно хватить для скромной жизни и лечения девочки. Я понимаю, поездка с падре будет для вас нестерпимо тяжелой. Пересильте себя. Помните, что это необходимо для спасения вашего ребенка. И для моего спокойствия. Пообещайте, что вы делаете все, как я прошу...

— А вы, Фред? Ведь вы не бросите меня одну среди чужих людей?

Это был вопрос, которого Фред боялся больше всего.

— Как только я вырвусь отсюда, я сразу же разыщу вас. Не обещаю, что это случится скоро. Ловушка захлопнулась за мной слишком крепко.

— Как же я смогу жить, думая, что опасность преследует вас на каждом шагу?

— Одному мне легче будет бороться...

— Я так боюсь, Фред. Я всего боюсь: поездки, жизни в чужом краю, одиночества... Того, что я не смогу искупить зло, которое я невольно причинила. Если бы вы были рядом...

— У меня в Италии есть друзья. Кстати, один из них врач и живет в Риме. Фамилия его Матини, а адрес... — Григорий вырвал из записной книжки узенькую полоску бумаги и написал на ней несколько слов. — Имя и адрес выучите на память, а бумажку эту сожгите. Матини чудесный человек, мой большой друг и всегда вам поможет.

— А что передать ему от вас, Фред? И почему вы так странно смотрите на меня?

Григорий и в самом деле смотрел растерянно. Только сейчас ему пришло в голову, что Матини имя Фреда Шульца ничего не скажет. Назваться Генрихом фон Гольдрином? Нет, нет, об этом не может быть и речи! Как же быть? Ведь только Матини сможет помочь беглянке...

— Он знал меня под другим именем, Агнесса! Скажите ему, что вы пришли от его друга с Кастель ля Фонте, с которым он ходил парламентаром к гарибальдийцам. Он поймет, о ком идет речь. И еще напомните, что я не забываю его девиз: «Лучше быть жертвой, чем палачом». Это — слова его любимого писателя. О школе, конечно, ни слова. Просто, скажите ему, что вы встретились со мной в

Испании. Потом я все расскажу ему сам. Когда приеду в Рим...

— Мы все будем ждать вас, Фред, все... Я, Ирене, Педро и, надеюсь, Матини!— Агнесса отвернулась, пряча слезы, набежавшие на глаза.

— Ну, бедная моя путешественница, я не имею права задерживать вас дольше. Напоминаю еще раз: записка Нунке, вторая — мне. Доверенность падре вручаете только после того, как будете на месте. Тогда же можете и высказать ему все, что о нем думаете. Бумажку с адресом моего друга сожгите. А теперь...

Агнесса отступила на шаг, обессиленно прислонившись к дверному косяку.

— Подождите одну минутку!

— А я и не собираюсь уходить, не прощившись с вами, как с хорошим другом. Ну же! Улыбнитесь, чтобы в памяти моей вы остались веселой. А я поцелую ваши глаза... Пусть они не забывают обо мне...

— А с Ирене, с Ирене вы не попрощаетесь?

— Нет. Не стоит волновать ее раньше времени. А вот к Пепите зайду и велю ей, чтобы она ухаживала за вами получше! До свидания!

И Григорий, боясь оглянуться, быстро сбегал по ступенькам вниз.

Спас он эту несчастную и ее ребенка, или послал их на верную гибель?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Месяц больших неожиданностей

Май 1946 года стал для руководителей школы «рыцарей благородного духа» месяцем больших неожиданностей и еще больших неприятностей.

Началось с того, что воспитанник класса «Д» отказался лететь в Россию. Ничего подобного в школе со дня ее основания не бывало.

Случилось это так. Услыхав от Шульца о том, как враждебно относится Середа к своему воспитателю, Нунке распорядился:

— Передайте его вашему новому заместителю Домонтовичу!

Узнав об этой замене, Середа обрадовался. Но тем не менее, все старания Домонтовича вызвать его на откровенность успехом не увенчались.

— Все вы одним миром мазаны. Хватит! Я уже один раз исповедывался. Второй раз таким идиотом не буду,— отвечал Маленький на все намеки и вопросы своего нового воспитателя.

Как и раньше, Середу интересовали только стрельба и занятия по борьбе.

— Что же с ним делать, мистер Думбрайт?— спросил как-то Нунке, рассказав боссу о характере и школьных успехах Маленького.

— В другое время я пристрелил бы его, как собаку, но сейчас нам позарез нужны надежные люди. Маленький слишком провинился перед своими земляками, чтобы перемет-

нуться к большевикам. Это полностью исключено. Знаете что?— вдруг оживился босс.— Передадим его в распоряжение какого-нибудь агента и зашлем их вместе в один из пунктов. Вот Домонтовича, например, мы посылаем в Киев в качестве резидента. Вместе с ним можно и Маленького отправить. Пригодится на что-нибудь!

Когда Нунке сказал Домонтовичу о решении босса, тот обрадовался.

— Правильно! Такой помощник, как Маленький,— это клад. Сложное задание ему, конечно, не дашь, но он так боится возмездия, что положиться на него, безусловно, можно.

На ближайшем занятии Домонтович сказал своему подопечному:

— Готовься, Маленький! Через две-три недели полетим с тобой в самый Киев, вот где заживем! Вместе полетим! Что ты на это скажешь?

Середа отвернулся к окну и долго молчал.

— Киев... Андрей Первозванный...— заговорил он, наконец, повернувшись к Домонтовичу, и какая-то тоскливо-ласковая нотка зазвучала в его голосе.— А мама моего отца Андреейкой называла... Часто мне говорила: «Вырастешь, сынок, обязательно в Киев съезди, в церкви Андрея Первозванного за отца, безвременно погибшего, помолись. Он заступится за тебя перед богом, за грехи твои заступится».

— Вот и побываешь в Киеве, помолитесь.

— Брехня! Нет Василия Середы! Есть Василий Маленький! Все брехня!— Середа с такой силой ударил кулаком по столу, что тот сдвинулся с места.— Никакой святой не замолит моих грехов! Ты видишь эти руки! Видишь! А я на них смотреть не могу. На них кровь! Своих людей кровь! Я палач!

Это была истерика, тем более неожиданная, что случилась она с Маленьким, этим великаном, который славился в школе своей силой.

Середа упал головой на стол и зарыдал.

Домонтович молча сидел рядом, не сводя с него глаз: в припадке ярости он мог сорвать зло и на своем воспитателе.

Прошло минут десять.

Обессиленный, Середа медленно поднялся со стула. Руки его висели, как плети, уголки рта опустились.

— Испугались, наверно? Ничего, случается... А вашим начальникам скажите: Середа в Киев не поедет. Никуда он отсюда не поедет. Он еще пожить хочет... Вот тут, у вас, что угодно делать буду. Все равно не найди мне покоя на этом свете... Но ни в Киев, ни в Россию я не поеду! Лучше пулю в лоб пустите. Вот так и передайте. А сейчас уходите, пожалуйста. Я полежу немного.

Нунке очень удивился, услышав от Домонтовича о его разговоре с Середой. Захватив личное дело Маленького, шеф направился к боссу.

Думбрайт, выслушав Нунке, молча взял из его рук и начал небрежно перелистывать страницы. Дойдя до записанного Шульцем откровенного разговора в лагере под Мюнхеном, босс начал читать все медленней и медленней.

— Прикажите, пусть приведет Протопова.

В человеке, вошедшем в кабинет через несколько минут, трудно было узнать Протопо-

пова. Его полная когда-то фигура стала значительно тоньше и поэтому казалась выше. Брови под высоким лбом не без помощи косметолога изогнулись высокой дугой, и даже глаза, казалось, увеличились. Длинные кудрявые волосы падали на плечи.

— Звали, господин начальник?

Нунке подробно рассказывал об истерике Маленького.

— Что это, по-вашему?— обратился босс к Протопопову.

— Результаты моего воспитания в прошлом, одна из обычных истерик покаяния, на которых держится секта пятидесятников. Это как наркотик: привыкнув к нему, вылечиться уже невозможно.

— Меня интересует не происхождение его истерики, а то, к чему она может привести. Если страх перед поездкой вызван и в самом деле раскаянием...

— Господин начальник! Сделайте так, чтобы я с ним встретился! Только не в школе. И чтобы он был немножко под хмельком. Я приведу его вам тихим и смиренным, как ягненка.

— Согласен! Нунке, действуйте!

Тон, которым бросил этот приказ Думбрайт, да еще в присутствии Протопопова, больно резанул слух начальника школы, но он сдержал готовое прорваться раздражение и молча вышел. После памятного для обоих разговора о таинственной радиостанции между Думбрайтом и Нунке установились сугубо официальные отношения, которые — это прекрасно понимали оба — могли завершиться лишь поражением одного из них. Но служебной дистанции придерживаться все же приходилось.

Домонтович ждал начальника школы у него в кабинете.

— Разработайте план встречи Маленького с Протопоповым, ведь вы знаете обоих еще со времени пребывания в лагере под Мюнхеном. Когда-то они были друзьями...

— Но, кажется мне, недолго. А в последнее время их взаимоотношения вылились в откровенный конфликт.

— Ну что ж, это нам только поможет... Надо, чтобы Маленький был под хмельком. Но чуть-чуть. В помощь вам дадим одну особу из штата «сирен». Зовут ее Мери. Она полька по происхождению, но, хотя и с акцентом, хорошо говорит по-русски. Вы встретитесь в таверне, где когда-то провели вечер с Нонной. Познакомьте Мери с Маленьким, сделайте все, чтобы вывести его из равновесия. Вот тогда и подсядет к вам Протопопов. Если между ним и Середой завяжется, как у вас говорят, «задушевный» разговор, оставьте их вдвоем. Но будьте поблизости. Все.

— Герр Нунке, но ведь вы же сами разработали весь план! Мне остается только проследить за его выполнением.

Нунке самодовольно улыбнулся...

На другой день воспитатель и воспитанник направились к таверне.

Гостеприимный хозяин приветливо встретил гостей и, как было заранее условлено, провел их в знакомый уже Домонтовичу закоулочек, скрытый за ширмой.

— Сегодня в таверне, — отодвигая ширму, сказал одноногий, — не будет никого постороннего. Так будет просторней...

В разгар вечера, когда одна бутылка уже опустела, в зал впорхнула Мери. Увидев Домонтовича, она весело улыбнулась и подошла к их столику. Маленький радостно приветствовал неожиданную гостью. Он без конца пил за ее здоровье, но, казалось, не пьянел. Только по тому, как все настойчивей уговаривал он Мери называться Марией, можно было догадаться, что в голове у него начинает туманиться.

— Мария... Вы только прислушайтесь, как звучит! Так мою маму звали!

Протопопов вошел в таверну, когда Середка, закончив вторую бутылку, запивал водку пивом. Он сидел спиной ко входу и нового посетителя не заметил, а Протопопов появляться перед ним не торопился. Присев у столика в противоположном углу, он медленно цедил кислое вино, изредка поглядывая на группу, сидевшую в «кабинете».

— Чего этот патлатый так внимательно на нас смотрит?— засмеялась Мери, кивнув в сторону Протопопова.

— А ну его к черту!— выругался Середка и, не взглянув на того, кто в одиночестве сидел в углу, встал из-за стола и задвинул ширму.

Это нарушало весь план и требовало вмешательства. Через минуту ширма стала на прежнее место, и Протопопов, притворяясь пьяным, мешком свалился рядом с Середкой.

— Узнаешь, Василь?— спросил он, наклоняясь через стол.

Заиграла радиоло.

— Потанцуем, Мери?— пригласил Домонтович.

— С удовольствием! Не будем мешать старым друзьям...

И они закружились в танце.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮНЫХ ФИЗИКОВ И МАТЕМАТИКОВ АКАДЕМГОРОДКА

(№ 6 „Уральского следопыта“)

Суп повара остывал медленнее из-за слоя жира на поверхности (ведь он первым налил себе!). А у туриста, который получил суп последним, — быстро остыл, потому что был почти лишен жировой защиты. Более интенсивные испарения привели к скорому охлаждению супа.

Скольжение лыж и коньков обусловлено образованием тонкой пленки воды, особенно при небольшом морозе. При сильном морозе скольжение ухудшается.

Когда вода попадает на скользкую поверхность лыж и замерзает, то поверхность становится шероховатой, и скольжение ухудшается.

Северные лыжи и сани называются ледовыми: их скользкая поверхность покрыта ровным слоем льда.

Снежинки состоят из плоских кристалликов льда. Столбы света около Луны объясняются отражением лунного света от плоских кристалликов льда, «плавающих» в воздухе горизонтально. Колеблясь, они отражают свет, как зеркальца, вверх и вниз.

Муха летела столько времени, сколько прошло до встречи велосипедистов, то есть $300 : (60 + 40) = 3$ (часа). Следовательно, за это время она сделала $75 \times 3 = 225$ км.

Разбить любой треугольник на равнобедренные.

Первый случай. Если треугольник остроугольный, то центр описанной окружности лежит внутри него. Достаточно соединить центр с вершинами треугольника — и получаем три равнобедренных.

Второй случай. Если треугольник прямоугольный, то центр описанной окружности делит гипотенузу пополам. Соединив центр с вершиной треугольника, получаем два равнобедренных.

Третий случай. Треугольник тупоугольный. Тогда всегда можно его разбить, например, на два прямоугольных, опустив с вершины тупого угла перпендикуляр на противоположную сторону. После этого задача сводится к второму случаю.

Домонтович мог не прислушиваться к разговору. Он знал, что под столом, за которым сидели Середа и Протопопов, вмонтирован американский подслушиватель новейшей системы, и в эту минуту Нунке слышит их разговор от слова до слова.

Хозяин таверны, постукивая деревяшкой, прошел к радиоле, сел на стул и сменил пластинку.

В зале зазвучал медленный красивый блюз.

И вдруг в эту мелодию ворвался неистовый вопль.

С удивительной для одного быстрого хозяина таверны, на ходу выхватывая из кармана пистолет, бросился в угол. Но выстрелить не успел: Середа выскочил из-за стола и, столкнувшись лицом к лицу с хозяином, схватил его под мышки, поднял высоко над головой и с криком «сволочь!» с такой силой швырнул на мраморную доску стойки, что тот и охнуть не успел.

— Падлюка!— ревел разъяренный великан.

У Домонтовича оружия не было: «Протопопов быстро утихомирят Маленького!» — заверил вчера его Нунке.

Как жалел потом начальник школы, что допустил такую неосторожность!

Увидев расправу над одноногим, Домонтович, схватив за руку Мери, бросился к выходным дверям.

Они изо всех сил бежали в направлении школы. Их гнал от таверны грохот, звон разбиваемого стекла, дикий рев.

Через несколько минут они остановились, ослепленные светом фар мчавшейся навстречу машины.

Поравнявшись с ними, шофер резко затормозил. Из машины выскочил Нунке.

— Все знаем! Слышали! Скажите...

Конец фразы заглушил громкий взрыв.

Высокий столб дыма поднялся там, где несколько минут назад еще стояла таверна.

— Скорее, Нунке!— послышалось из машины. Домонтович узнал голос Думбрайта.

Машина рванулась с места.

* * *

Внешне все шло так же, как и до сих пор: занятия в боксах, специальных кабинетах или залах, два часа обязательной «духовной подготовки», ночью тренировочные парашютные прыжки. Как и раньше, точно по расписанию, в котором указаны были часы и минуты, Думбрайт посещал боксы, шумел, изредка хвалил, но все чаще и чаще ругался. Занятия в группе «Аминь» по-прежнему шли полным ходом. Но Ворон, узнав, что босс окончательно решил послать его вместо покойного Протопопова на Волынь, утратил свое обычно бодрое настроение и сник.

Но несмотря на то, что жизнь школы, казалось, шла своим чередом, в ней чувствовалось какое-то напряжение, какое-то скрытое подводное течение. О причинах знали только Думбрайт, Нунке и, как ни странно, Вайс.

Его план обнаружения подпольной радиостанции Думбрайт и Нунке одобрили и сразу же приступили к его осуществлению.

Метод отсеивания, предложенный инструктором радиодола, заключался в том, что каждому инструктору, учителю, воспитателю разными путями подсовывали «самую достоверную» информацию, секретную новость.

Шульца проверяли трижды. Первый раз поручили проводить на аэродром какого-то засекреченного агента, который должен был лететь в Мюнхен, а потом в Москву «с исключительно важными поручениями». Второй раз вместе со специалистом-инструктором по диверсиям на железных дорогах Шульца разрабатывал план взрыва моста через Днепр в район Крюкова. Наконец, в третий раз он сопровождал до самой французской границы группу из трех человек. Лица их были в масках, они почти не разговаривали друг с другом, только у одного «вырвалась» неосторожная фраза о том, что он боится поездки в Москву. Спутник, сидевший рядом с «болтуном», так ударил его локтем в бок, что тот только охнул.

Приблизительно таким же образом проверяли всех сотрудников школы, всех воспитанников классов «А» и «Р».

Целенгаторы в эти дни работали круглосуточно. Их было сейчас столько, что, появившись в квадрате школы самый незначительный сигнал, его не только сразу поймали бы, но и определили место, с которого он подавался.

А таинственная станция молчала.

Через несколько дней после того как столела таверна, Нунке пришел к Думбрайту с последними материалами расследования причин пожара. Вчера вечером он докладывал о найденных обгорелых трупах: один — без ног — безусловно, хозяина таверны, второй — с проломленным черепом — Протопопова, третий, женский — жены хозяина. Труп Середы был найден возле склада горючего; девочка и слуга, отсутствовавшие во время пожара, остались живы. А сегодня, заканчивая расчистку пожарища, нашли пятый труп, обгоревший до неузнаваемости, но, как утверждает экспертиза, мужской.

Думбрайт внимательно выслушал сообщение, насупил и нервно зашагал по кабинету.

— Вас эта новость встревожила?

— Да.

— А меня обрадовала. Потому что в таверне под видом туриста мог поселиться радист, и теперь понятно, почему сразу же после пожара передатчик замолчал.

— Но ведь кто-то же передавал радисту сведения о школе!

— Я думал об этом. И, поверьте мне, — голос Нунке звучал задушевно и искренне, — более удобного случая для отправки наших воспитанников у нас не будет.

— Почему?

— Допустим наихудшее: среди нас скрывается вражеский агент, передававший радисту информацию. Радист погиб. Связь прервана. Значит, сообщить своим о том, что происходит в школе, этот предполагаемый агент не сможет. Не исключено, что он окажется среди тех, кто должен покинуть стены школы. В худшем случае он сможет провалить только группу, состоящую из трех человек, в состав которой входит он сам. Остальные группы уцелеют, так как места их назначения никто не знает. Вот поэтому-то я и считаю, что к отправке следует приступить немедленно.

Нунке говорил долго и в конце концов сумел добиться согласия Думбрайта.

— Только вот что, мистер Нунке! Сделаем так. Под большим секретом сообщите всем, кого будем отправлять, что вылет откладывается на неопределенное время... Возможно, на очень длительное... А тем временем все должно быть подготовлено: оружие, радиоаппаратура, снаряжение. Да вы и сами знаете, что нужно.

— Вы предполагаете отправить сразу двадцать четыре человека? Успеем ли?

— В течение ночи можно целую дивизию посадить в самолеты и перебросить с одного конца Европы в другой.

— А как с пеленгаторами?

— Уменьшить наполовину, но пусть работают круглые сутки. Усиленный контроль снимем не раньше, как через несколько дней.

* * *

Шульц и Домонтович часто, иногда и несколько раз в день, встречались по служебным делам, но никогда их встречи не заканчивались мирно. Нунке даже нравилось специально сталкивать их, потому что вели они себя, как два петуха. Еще не было случая, чтобы

Домонтович соглашался с тем, что предлагал Шульц. Как воспитатели русского отдела, они должны были вместе с каждым будущим резидентом разрабатывать план предполагаемой операции, но, так как договориться не могли, то Нунке приходилось быть арбитром.

Шеф от удовольствия потирал руки: он все больше убеждался в том, что Домонтович не только хорошо справляется с порученным делом, но и современную Россию знает не хуже Шульца. А то, что воспитатель его и заместитель враждуют, никогда не встречаются в свободное время, это хорошо. Можно не беспокоиться: уж они-то не простят друг другу ни малейшей ошибки...

Нередко Шульцу и Домонтовичу пришлось оставаться с глазу на глаз: надо было уточнять детали операции или утверждать модели одежды для тех, кого отправляли в тот или другой район России.

Оставшись наедине, они горячо спорили по поводу самых незначительных вещей. Думбрайт и Нунке не раз убеждались в этом при помощи усовершенствованного подслушивателя. А вскоре должна была вступить в строй и новая телевизионная система, с помощью которой босс и шеф будут иметь возможность не только слушать, но и видеть все, что происходит в боксах.

К счастью Шульца и Домонтовича, такой системы пока еще не было. Они, с пенной у рта споря о каких-нибудь пустяках, могли в это же время разговаривать друг с другом на бумаге.

Одну такую «настольную» переписку приведем полностью.

«Мишка! Черт! Ну и зачем ты полез в эфир?»

«А что мне оставалось делать? Твой крестный (так Домонтович называл Нунке) заявил: «Если хорошо проявите себя на работе, утвердим вас в должности воспитателя». Как, по-твоему, я должен был предупредить своих, чтобы в определенные часы они ждали от меня интересной информации?»

«Ты знаешь, чем все это кончилось?»

«Догадываюсь. И очень жалею, что запеленговали. Теперь будет труднее...»

«Передатчик там же, где и был?»

«Неужели ты думаешь, что я буду носить с ним, как дурень с писаной торбой?»

«По всему видно, что при школе тебя не оставят. Очевидно, направят в Киев, значит, можно обойтись без передатчика. Сам обо всем расскажешь».

«Америку открыл!»

«А если придется остаться?»

«Информацию о засылке этой группы диверсантов я передам, хотя бы мне пришлось одной рукой отстреливаться, а другой отстукивать текст».

«В таком случае помни, что и у меня есть две руки».

«Ну и дурень же ты, Гриша! Иметь своего человека в этом змеином гнезде и лишиться возможности следить за ним?»

«Что значит наши две головы по сравнению с тем, что мы сообщим о двадцати четырех диверсантах! Игра стоит свеч... Кстати, почему ты не предупредил меня, что выходишь в эфир?»

«Обстановка была уж очень подходящая, а ваша милость в это время гостила у цыганочки».

Хочешь, я буду называть тебя «цыганским бароном»? А?»

«Иди ты к черту!»

Зазвонил телефон, и на этом переписка оборвалась.

* * *

— Вам письмо,— сказал Нунке, подавая Шульцу маленький розовый конверт.

«Убежала»,— промелькнуло в голове. Глаза его радостно вспыхнули. Но Фред тут же овладел собой, и, по мере того как он читал письмо, лицо его становилось все более хмурым.

Мобилизовав все свои актерские способности, он играл роль обиженного влюбленного. А тем временем Думбрайт, не спросив, можно ли, взял из рук Фреда письмо Агнессы и начал внимательно читать. У Фреда даже руки зачесались—так хотелось ему вклеить пощечину этому подлецу.

— Вы знали, что она уезжает в Рим?

— Я знал, что вы разрешили ей это, но ведь она собиралась ехать только через неделю!

— А уехала сегодня ночью! И это еще не все. Из Фигераса только что сообщили, что все деньги она перевела на римский частный банк!—с сердцем воскликнул Думбрайт, швыряя письмо на стол.—Что вы скажете об этом фокусе с переводом денег?

— Узнаю, так сказать, почерк падре Антонио.

— Так вот что, Фред! У нас нет времени для обсуждения. Мы потеряли кругленькую сумму, которой хватило бы не на один год существования школы. Можем утратить и вывеску, такую нужную и удобную для нас. А вы—невесту и приданое. Напоминаю: солидное, этак тысяч сто долларов, если считать и наследство Менендоса.—Назвав эту сумму, Думбрайт внимательно взглянул на Шульца.

Тот изобразил на своем лице и радость и тревогу: он-то хорошо знал, что от денег Менендоса остались рожки да ножки, и в душе потешался над неуклюжей хитростью босса.

— И все это можете вернуть только вы!

— Каким образом?

— Немедленно, самое позднее завтра утром, вы полетите в Рим, в тот же день разыщете Агнессу и возвратитесь с нею сюда!

— Согласны, Фред?—улыбаясь, спросил Нунке.

— Конечно!—с искренней радостью откликнулся Шулец.

— Вместе с вами полетит Вайс. Его задача—во что бы то ни стало ликвидировать падре Антонио.

«И следить за мной»,—мысленно прибавил Фред.

— Собирайтесь, возьмите свои лучшие костюмы, побольше денег. Если ваше путешествие станет свадебным—это будет лучше, что можно придумать!—Думбрайт говорил о женьбе Фреда на Агнесе, как о чем-то решенном.

Шулец повернулся, чтобы идти, но вдруг вспомнил:

— А срочные задания, которые должен был выполнить, я могу передать Домонтовичу?

— Вчера, прыгая с парашюта, Домонтович

повредил себе ногу. Он еще не скоро поднимется.

— О каких заданиях идет речь?—поинтересовался Думбрайт.

— Надо проверить, как точно знают фамилии местных руководителей и остановку слушатели группы «А»,—пояснил Нунке.

— Это Домонтович может сделать и лежа в кровати. Скажите ему, кого он должен проэкзаменовать, поделитесь своими наблюдениями за этими слушателями,—приказал босс Шульцу.

— До свидания!

— Счастливой дороги! Помните: в вашем распоряжении три дня. Информировать Вайса, а уже он свяжется с нами. У вас и без этого будет достаточно хлопот.

Из кабинета Нунке Фред поспешил к Домонтовичу.

Тот лежал в кровати, уложив больную ногу на подушку.

— Вы подумайте, Шулец! Маленький камешек—и на тебе!..

— Нужно побольше тренироваться...

— Вы пришли как инструктор парашютного спорта?

— Я пришел к вам вот по какому делу...

Григорий заговорил о воспитанниках, а в то же время шла оживленная переписка:

«Вылетаю в Рим с заданием возвратитесь бежавшую Агнессу. Информацию передам отсюда».

«Счастливый! Глупо сделаешь, если возвратишься сюда. Так и передай от моего имени полковнику Титову».

«Это будет решать он».

«Категорически требую передать ему, что здесь я и один справлюсь».

«Прощай, Миша! Не забудь адрес старого цыгана».

«Ну что ты!»

«Береги себя, друг! Ты стал мне роднее брата».

Домонтович ничего не ответил. Он притянул к себе Григория и крепко-крепко поцеловал.

Григорий стремительно поднялся и хотел уже идти, но, вспомнив о чем-то, вынул новый листок бумаги и написал:

«Что передать твоим?»

«Адрес у Титова. Если удастся, съезди к маме, она в Минске. Расскажи, что можно...»

Одну страничку переписки жевал Григорий.

Другую—Михайло.

Очевидно, глотать бумагу было неприятно и трудно: на глазах у обоих стояли слезы...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Над морем

Как только самолет оторвался от земли, Григорий в изнеможении откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Тяжелая усталость будто вдавила его в кресло. Так наваливается на пилота нагрузка при изменении траектории полета на больших скоростях. Аналогия эта промелькнула и исчезла: его охватила спаси-

тельная дрема, а в голове билась, замирая, единственная мысль: «Не думать! Сейчас можно ни о чем не думать!»

Григорий так и не понял, был ли это глубокий сон или короткое целительное забытие. Но вернулся он к действительности, будто омытый живой водой.

Самолет набирал уже высоту. Ослепительно белые тучки, сбитые ветром в легкие холмики пуха, плыли под крылом. Иногда они становились тонкими, почти прозрачными, потом снова громоздились друг на друга, образуя затейливо-призрачные пейзажи.

На фоне этого легкого, зыбкого, волнующегося в непрерывном движении мира Григорий, будто со стороны, увидел огромный тяжелый самолет, быстрее звука рассекающий воздух, и сердце его вздрогнуло от восторга перед светлым гением человеческого разума, покорившего стихию.

Вдруг сзади послышалось отвратительное хрипение.

Григорий повернул голову и увидел Вайса, позеленевшего, с вытаращенными покрасневшими глазами. Его рвало...

Григория передернуло от омерзения.

Они с Домонтовичем сделали лишь крошечную часть того, что нужно сделать, чтобы очистить мир от миазмов, изверженных глотками этих отбросов человечества. Брр... Как это противно и трудно! А впрочем... На долю санитаров всегда приходится немало грязной работы! Но она направлена на то, чтобы оздоровить окружающий мир, смыть с земли всю грязь и нечисть. Выскрести ее так, чтобы не осталось и уголка, в котором могла бы плодиться всякая погань.

«Миша, друг! Трудно тебе сейчас, и как завидуешь ты мне в эту минуту! Ведь если бы не глупый несчастный случай с вывихом ноги, ты мог бы уже быть дома...

Подумать только: от какого-то маленького камешка, случайно попавшего под ноги, зависит успех задуманного, а может быть и судьба человека! А под мои ноги попал этот проклятый Вайс!.. Что же меня спасло? Тоже случай? История с Середой, который сжег таверну и тем самым навел Думбрайта и Нунке на ложный след? Побег Агнессы?

Из предосторожности они послали со мной Вайса... О, в Риме, в Италии, я найду возможность избавиться от него!

Курт, Матини, гарибальдийцы!.. Дорогие друзья, целая армия людей доброй воли! Я знаю, вы поможете мне во всем. Потому что вы — хозяева земли, а не вайсы...

Нет, не случай спасает нас, ведет к победе! Всем сердцем чувствую я закономерность победы добра над злом...

И, словно в подтверждение мыслей Григория, самолет прорвался сквозь тучи. Яркая, пронизанная солнечным светом голубизна неба и моря слилась в необъятный океан.

Перевод с украинского
Н. НИКОЛЕНКО

Конец второй книги

Третью книгу романа Ю. Дольд-Михайлика «И один в поле воин» читайте в журнале «Уральский следопыт» в 1965 году.

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ РЕКОРДСМЕНКА МИРА

В 1952 году Кунгурское добровольно-спортивное общество «Красное знамя» установило приз имени Голдобинных и вскоре вручило его победителю лыжных соревнований, проведенных в начале зимнего сезона.

Кто такие Голдобины? Чем они замечательны?

Все началось с того, что комсомольцы военно-физкультурного клуба, полка, стоявшего в Кунгуре, при непосредственном участии энтузиаста-спортсмена комбата Кононова организовали постоянные спортивные секции. Это были трудные двадцатые годы. Однако от желающих попасть в секции не было отбоя. Первыми записались братья Голдобины — Лолий, Леонид, Владимир. За ними последовали сестры Валентина и Милица, а потом и младшие братья — Викентий и Вениамин. В большой и дружной семье рабочего кожевенного завода Федора Михайловича Голдобина появилась целая спортивная группа — семь человек. Она объединяла коммунистов, комсомольцев и пионеров. Самый старший в семерке был Лолий, участник первой мировой и гражданской войны, член партии с 1919 года; самый младший — пионер Викентий — еще учился в третьем классе. Вскоре семерка стала самой лучшей среди кунгурских спортсменов. Она блестяще защищала спортивную честь своего общества на стадионах Перми, Екатеринбург (Свердловск) и даже Москвы.

Голдобины — участники Уральской областной олимпиады в Перми (1924 год). Справа налево: Лолий, Леонид, Владимир, Милица, Валентина, Вениамин, Викентий.

Голдобины занимались всеми видами легкой атлетики. Одна из сестер — Милица — увлекалась прыжками в высоту и бегом. Однажды, когда Леонид и Владимир с шестом штурмовали ворота, ей тоже захотелось прыгнуть. С первой же попытки Милица свободно взяла высоту. И этому дню суждено было сыграть особую роль в спортивной судьбе Милицы Федоровны; прыжки с шестом вскоре принесли ей мировую славу.

В 1923 году Милица Федоровна в составе сборной Урала отправилась в Москву для участия в первом спортивном празднике страны. Худенькая и внешне хрупкая, девушка выступала в костюме собственного изготовления (простенькая блузка, широкие синие шаровары до колен) и... босиком.

Зрители с удивлением наблюдали, как неизвестная спортсменка свободно, почти без разбега, перепрыгивала через планку. Такая своеобразная манера прыжка заставила даже столичных врачей заинтересоваться мускулатурой ног девушки с Урала.

На празднике Милица по прыжкам в высоту установила новый рекорд страны — 135 сантиметров — и была награждена памятным призом Всероссийского праздника спорта 1923 года — голубым овальной формы значком.

Успешно выступала уральская спортсменка в беге с эстафетой и в прыжках с шестом.

Успех окрылил девушку. Дома начались еще более настойчивые тренировки. Отец Федор Михайлович собственноручно сшил для дочери спортивные туфли, а

кто-то из братьев приладил к подошвам острые шипы. Об этих «шиповках» Милица Федоровна до сих пор вспоминает с особой теплотой: в них она завоевала все-союзный и мировой рекорды.

В августе 1924 года со всех концов страны съехались в Москву спортсмены на второй праздник спорта. В сборную команду Урала вошли четверо Голдобинных — Лоллий, Владимир, Милица и Валентина. Милица отправилась в столицу, готовая добиться новых успехов. Однако уже в пути ее подстергали досадные неожиданности. Во время тренировок в Перми девушка упала с гоночного велосипеда и получила травму. Но она не упала духом и в первом забеге в Москве на 60 метров показала хороший результат — 8,9 секунды, заняв третье место. По прыжкам в высоту спортсменка установила новый всесоюзный рекорд, перекрыв свое достижение предыдущего года: 140 сантиметров. Отличных результатов добилась она и в легкоатлетическом тиреобье. Стадион бурно аплодировал. А потом, когда началось выступление Милицы с шестом, началось невообразимое. Уральская спортсменка быстро обогнала своих соперниц — москвичек Минаеву и Романову, и с необычайной легкостью стала брать высоту за другой. И вот 2 метра 25 сантиметров! Это почти на 15 сантиметров выше мирового достижения того времени известной американской спортсменки Харл.

Милица Голдобина,
1924 год.

Член сборной команды Урала Ю. Полянин позже вспоминал:

«Милицу окружили фоторепортеры, корреспонденты газет стремились взять у нее интервью. А она стояла испуганная и растерянная, словно в чем-то была виновата. Но когда подошел Нарком здравоохранения Н. А. Семашко, являвшийся председателем Высшего совета физической культуры СССР, и по-отечески поздравил девушку с мировым рекордом, она оживилась.

На этот раз вся женская сборная команда Урала вышла на первое место.

Недавно Милице Федоровне исполнилось 60 лет, но она по-прежнему полна сил и энергии. Вместе с мужем Георгием Васильевичем (он тоже спортсмен — футболист) она не пропускает ни одной спортивной баталии в городе. А что же случилось с братьями и сестрой? В живых осталось шестеро. И все они по-прежнему верны любимому виду спорта — легкой атлетике. За плечами Лоллия Федоровича уже три четверти века. Однако, когда все братья и сестры собираются вместе, он становится на лыжи или на коньки и во главе славной «шестерки» отправляется на прогулку.

П. ТОЛСТИКОВ

В НОМЕРЕ:

ЗНАЙ ОБО ВСЕМ ЭТОМ! В. Шустов	1
ПОЮТ В КУЛЬМЕ СОЛОВЬИ. Б. Беленький. Очерк.	4
С. МАРКОЙ «РТИ». По Великой Программе В. Тур- шина, Е. Костина	10
МОИМ НАСТАВНИКАМ. Б. Марьев. Стихотворение	12
ПАМЯТЬЮ СЕРДЦА. Белла Дижур	13
У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ. А. П.	15
ВОЗДУХ В УПРЯЖКЕ. С. Другаль	16
ПОСЛЕДНИЕ КОНОКРАДЫ. С. Захаров	17
КОННАЯ МИЛИЦИЯ. Б. Р.	21
ВЕСТИ СО СЛЕТОВ. Следопытский гектар	22
ОТ ЛОМА К ЛОМУ. С. Новохатский	24
НА КАТЕРЕ. Евгений Марысаев. Рассказ	25
В ГРОЗНЫЕ ДНИ, ФУТБОЛИСТЫ. Р. Мессер	28
ОТ АРАМИИ ДО ЮПИТЕРА. В. Алехин. Очерк	30
ЧЕЛОВЕК ПРИНЕС ЗАЯВЛЕНИЕ. К. Трифонов, подполковник милиции	34
150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: О НАЙДЕННОМ И НЕНАЙДЕННОМ (Поиски насле- дия поэта). Б. Чельшев	35
ПЕРМСКИЙ ЛИСТ. Л. Прокопенко	38
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	41
ДОЗОР. Б. Федоров. Поэтический репортаж	42
О БЕССМЕРТНЫХ	43
ИДЕМ ПО СЛЕДУ. Б. Рябинин. Рассказы	44
НА БАСМАЧЕСКОМ ФРОНТЕ. Л. С.	47
ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ. Олег Коряков. Повесть	49
ИМЕНЕМ ГОРОДА. В. Новоселов. Очерк.	61
ПРОФЕССИЯ МУЖЕСТВЕННЫХ И СЕРДЕЧНЫХ. И. Очеретина.	64
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Ю. Дольд-Михайлик. При- ключенческий роман. Конец второй книги	66
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮНЫХ ФИЗИКОВ И МАТЕ- МАТИКОВ АКАДЕМГОРОДКА	75
ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ РЕКОРДСМЕНКА МИРА. П. Толстиков	79

Обложка А. Казанцева.

Фото на вкладке Н. Заузолкова, на второй странице обложки фото И. Тюфякова.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ, Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
Г. Стороженок

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 1/Х 1964 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,61 печ. л., 12,35 уч.-изд. л.
НС 29832. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 621.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49,
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

ВЗГЛЯНИ, КАК ПО УЛИЦАМ МЫ ПРОЕЗЖАЕМ...

Москва. Кавалерийский оперативный полк милиции вместе с другими милицейскими подразделениями следит за охраной общественного порядка в столице и в Подмосковье.

На снимке: кавалерийский полк на строевом смотре.

Фото В. Мусаэляна. (Фотохроника ТАСС).

